

В. Кандинский

Фототипия В. Классен. С.-Петербургъ. Кадетская лин. № 7—2.

О ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНАЦІЯХЪ

КРИТИКО-КЛИНИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

В. Х. КАНДИНСКАГО.

СТАРШАГО ОРДИНАТОРА С.-ПЕТЕРБ. ГОРОД. БОЛЬНИЦЫ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА, ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ЧЛЕНА МОСКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО И МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ.

СЪ ТАБЛИЦЕЮ И ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

(ПРЕМИРОВАНО ОБЩЕСТВОМЪ ПСИХІАТРОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Е. К. Кандинской.
1890.

ОТЪ АВТОРА.

Этотъ клинико-критическій этюдъ по общей психопатологіи первоначально появился въ печати на нѣмецкомъ языкѣ, какъ существеннѣйшая часть перваго выпуска моихъ „Kritische und klinische Betrachtungen im Gebiete der Sinnestäuschungen (Berlin, Friedländer & Sohn 1885)“. Въ концѣ 1885 г., послѣдовавъ совѣту товарищей, я представилъ этюдъ „о псевдогаллюцинаціяхъ“ на русскомъ языкѣ въ Общество Психіатровъ въ С.-Петербургѣ (коего Общества я имѣю честь быть дѣйствительнымъ членомъ), для соисканія объявленной Обществомъ преміи имени врача Филиппова. Выслушавъ докладъ Коммиссіи, разсматривавшей мой трудъ, Общество Психіатровъ нашло послѣдній достойнымъ преміи и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило напечатать эту работу на средства Общества, въ видѣ особаго приложенія къ протоколамъ. По первоначальному моему плану очеркъ „о псевдогаллюцинаціяхъ“ предполагался въ качествѣ члена цѣлаго ряда очерковъ, совокупность которыхъ должна была бы обнять собою все ученіе объ обманахъ чувствъ. Теперь я даже не знаю, удастся-ли мнѣ привесть въ исполненіе этотъ планъ во всемъ его объемѣ. Но такъ какъ очеркъ „о псевдогаллюцинаціяхъ“ самъ по себѣ представляетъ довольно законченное цѣлое, то, дѣйстви-

тельно, нѣтъ причины, почему бы ему не быть опубликованнымъ въ отдѣльности. Вполнѣ сознавая слабыя стороны моего труда, я разсчитываю на то, что читатель приметъ во вниманіе трудность самостоятельныхъ изслѣдованій въ этой психопатологической области, которая составляется фактами, имѣющими, главнымъ образомъ, субъективное значеніе.

С.-Петербургъ, апрѣль, 1886.

Викторъ Кандинскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

О псевдогаллюцинаціяхъ.

Стр.

ГЛАВА I. Опредѣленіе псевдогаллюцинацій у Гагена.—Опредѣленіе галлюцинацій у Эскироля, Гагена, Балля; мое опредѣленіе.—Воззрѣніе Л. Мейера.—Психическія галлюцинаціи Бэлларже 1

ГЛАВА II. Гагеновское ученіе о псевдогаллюцинаціяхъ и критика его.—Сновидѣнія и кортикальныя галлюцинаціи. 11

ГЛАВА III. Псевдогаллюцинаціи въ моемъ смыслѣ: ихъ характеристика.—Примѣры.—Больные, бывшіе мнѣ особенно полезными при собираніи клиническаго матеріала по поводу псевдогаллюцинацій. . 25

ГЛАВА IV. О псевдогаллюцинаціяхъ вообще.—Условія ихъ возникновенія (у здоровыхъ людей); ихъ отличіе какъ отъ галлюцинацій, такъ и отъ простыхъ образовъ воспоминанія и фантазіи. — Гипнагогическое состояніе 35

ГЛАВА V. Псевдогаллюцинаціи зрѣнія у людей здоровыхъ и душевно-больныхъ 57

ГЛАВА VI. Псевдогаллюцинаціи слуха у людей здоровыхъ и душевно-больныхъ 77

ГЛАВА VII. Различіе между болѣзненнымъ фантазированіемъ и псевдогаллюцинированіемъ. — Различіе между псевдогаллюцинаціями острыхъ больныхъ и хрониковъ 90

ГЛАВА VIII. Внутреннее и дѣйствительное насильственное говореніе 101

ГЛАВА IX. Кальбаумовскія апперцептивныя галлюцинаціи. — Псевдогаллюцинаторныя псевдовоспоминанія 111

Стр.

ГЛАВА X. Теоретическія заключенія. — Общая критика существующихъ воззрѣній. — Различіе между объективнымъ воспріятіемъ и воспроизведеннымъ чувственнымъ представленіемъ. — Отношенія между тремя родами субъективныхъ чувственныхъ образовъ. — Вопросъ о локализаціи галлюцинаторнаго процесса.—Локализація псевдогаллюцинацій. — Опроверженіе теоріи сенсоріальной центрифугальности. — Механизмъ происхожденія псевдогаллюцинацій. — Два способа происхожденія галлюцинацій изъ псевдогаллюцинацій. — Сновидѣніе какъ кортикальная галлюцинація нормальной жизни. — Добавленія . 124

ГЛАВА XI. Резюме. 157

Объясненіе таблицъ 162

О ПСЕВДОГАЛЛЮЦИНАЦІЯХЪ *).

I.

Слово «псевдогаллюцинація» впервые употреблено Гагеномъ. Въ противоположность настоящимъ галлюцинаціямъ, подъ именемъ псевдогаллюцинацій Гагенъ соединяетъ всѣ тѣ болѣзненныя психическія состоянія, которыя не должны быть смѣшиваемы съ обманами чувствъ, въ частности, съ галлюцинаціями **).

Въ такомъ случаѣ важно установить, что̀ должно быть понимаемо подъ словомъ галлюцинація. Гагенъ даетъ на этотъ счетъ слѣдующее опредѣленіе: галлюцинаціями должны быть называемы только тѣ случаи, когда субъективно возникшіе чувственные образы (здѣсь разумѣются также музыкальные тоны, слова, ощущенія осязанія, и проч.), явившись въ сознаніи съ характеромъ объективности, существуютъ въ послѣднемъ вмѣстѣ и одновременно съ объективными чувственными воспріятіями и представляютъ для сознанія значеніе съ ними одинаковое ***). Это опредѣленіе исключаетъ изъ области галлюци-

*) Этотъ этюдъ есть какъ бы отвѣтъ на вопросы, поставленные мнѣ (Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. Bd. XXXVII. Bericht über die psychiatr Literatur im 2-ten Halbjahre 1880, p. 49) д-ромъ Шюле, — какъ объясняю я такъ-называемыя псевдогаллюцинаціи? откуда получаютъ извѣстнаго рода воспріятія свой характеръ объективности?

**) Hagen. Zur Theorie der Hallucination. Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. XXV, pp. 14, 21.

***) L. c., p. 28.

націй многія изъ тѣхъ явленій, въ галлюцинаторномъ характерѣ которыхъ обыкновенно никто не сомнѣвается. Бываютъ такія болѣзненныя состоянія, когда дѣйствительныя, обусловленныя со стороны внѣшняго міра чувственныя ощущенія отступаютъ на задній планъ, такъ что сознаніе по преимуществу или даже всецѣло приковывается къ однимъ лишь субъективно-возникшимъ чувственнымъ образамъ и картинамъ; въ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи объ одинаковомъ значеніи между галлюцинаторными воспріятіями и дѣйствительными воспріятіями изъ реальнаго внѣшняго міра (такъ какъ послѣднія здѣсь почти или вполнѣ отсутствуютъ). Въ тяжелыхъ случаяхъ delirii trementis, при melancholia attonita, въ экстатическихъ состояніяхъ paranoiae hallucinatoriae, во время сноподобныхъ состояній эпилептическаго свойства, и проч., больные воспринимаютъ объективный внѣшній міръ лишь урывками и притомъ весьма спутанно и неясно (иногда воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній въ этихъ случаяхъ даже совсѣмъ прекращается) и въ то же время ихъ сознаніе бываетъ поглощено весьма опредѣленными и живыми субъективно-возникшими картинами. Какъ же назвать ту субъективно родившуюся, однако, имѣющую для сознанія характеръ объективности обстановку, въ которой ощущаетъ себя такой больной, почти или вполнѣ отрѣшившійся отъ реальнаго внѣшняго міра? Разумѣется, ее можно назвать галлюцинаторною *).

*) Почти всѣ авторы, описывающіе подобнаго рода болѣзненныя сноподобныя состоянія, говорятъ, что сознаніе больныхъ бываетъ въ это время занято чрезвычайно живыми галлюцинаціями. Ср., напримѣръ, Griesinger, Pathol. u. Ther. d. psych. Krankh. 4-te Aufl. § 122; Krafft-Ebing, Die Sinnesdelirien 1864, p. 45 и Lehrb. f. Psychiatr. 1879, II, p. 23; Schuele, Handb. d. Geisteskrankh. 1880, pp. 484 и 488; Luys, Traité des maladies ment. 1881, p. 502; Arndt, Lehrb. d. Psychiatr. 1883, p. 408, и проч. Самъ Гагенъ (l. c., p. 4) не отрицаетъ того, что фантазмы delirii trementis, не смотря на существенное содѣйствіе фантазіи въ ихъ созданіи, суть дѣйствительные обманы чувствъ, а не простая игра воображенія. Но, однако, кто не знаетъ, что во многихъ случаяхъ бреда пьяницъ разстройство сознанія достигаетъ до весьма высокой степени; тогда реальная обстановка почти совсѣмъ перестаетъ существовать для больнаго, а взамѣнъ ея въ сознаніи, приходящемъ въ состояніе крайней спутанности, тянется непрерывный рядъ быстро смѣняющихся одна другою фантазмъ (въ данномъ случаѣ, эти фантазмы будутъ галлюцинаціями). В. Зандеръ (ст. „Обманы чувствъ“ въ Real-Encyclopädie der gesammten Heilkunde, XII, p. 536) придерживается Гагеновскаго опредѣленія и потому хочетъ видѣть галлюцинаціи только тамъ, гдѣ отдѣльныя чувственныя ощущенія, не будучи обусловленными со стороны реальнаго внѣшняго міра, возникаютъ вмѣстѣ и одновременно съ воспріятіями дѣйствительныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Однако, этотъ авторъ, какъ мнѣ кажется, не остается вѣрнымъ Гагеновскому опредѣленію, говоря о галлюцинаціяхъ „въ острыхъ и токсическихъ состояніяхъ, болѣе приближающихся къ простому бреду“, а также въ состояніяхъ спутанности (Verwirrtheit), наступающей иногда послѣ тяжелыхъ острыхъ болѣзней, наприм., послѣ тифа (по моему мнѣнію, во всѣхъ этихъ состояніяхъ сознаніе, по отношенію къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній, всегда бываетъ болѣе или менѣе затемнено).

Чтобы не предрѣшать вопроса, всего лучше, какъ мнѣ кажется, взять такое опредѣленіе, которое всего менѣе носило бы на себѣ печать нашихъ теоретическихъ представленій о происхожденіи галлюцинацій и которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ выражало бы сущность дѣла съ симптоматологической его стороны Казалось бы, всего проще удовольствоваться опредѣленіемъ Эскироля: «мы должны считать галлюцинантомъ субъекта, который не въ силахъ отрѣшиться отъ внутренняго убѣжденія, что онъ въ данную минуту имѣетъ чувственное ощущеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ на его внѣшнія чувства не дѣйствуетъ ни одинъ предметъ, способный возбудить такого рода ощущеніе *). Но, во-первыхъ, быть убѣжденнымъ въ томъ, что имѣешь ощущеніе, и дѣйствительно имѣть ощущеніе—не всегда одно и то же; такъ, человѣкъ, никогда не испытавшій сенсоріальныхъ галлюцинацій, легко принимаетъ за настоящую галлюцинацію такъ-называемую психическую галлюцинацію. Во-вторыхъ, стоящее у Эскироля слово ощущеніе (sensation) замѣшиваетъ въ опредѣленіе понятія о галлюцинаціи вопросъ о сущности ощущенія и о локализаціи ощущеній въ головномъ мозгу. Кромѣ етого, галлюцинаціи суть не просто субъективныя ощущенія **) но субъективныя воспріятія (Wahrnehmungen). Что касается до Баллевскаго сокращенія Эскиролевскаго опредѣленія въ

*) ....„qui ait la conviction intime d'une sensation actuellement perçue, alors que nul objet extérieur propre à exciter cette sensation n'est à portée de ses sens“ (l. c. I, p. 80).

**) Ощущеніе есть элементарная и первичная душевная дѣятельность, результатъ возбужденія нервовъ чувствованія. Чувственное воспріятіе есть душевная дѣятельность высшаго порядка, которая, беря своимъ матеріаломъ ощущенія, строитъ изъ нихъ намъ познаніе предметовъ (Ср. Ad. Horwicz. Psycholog. Analysen auf physiol. Grundlage. I. Halle, 1872, p. 332 и слѣд.).

фразу: «галлюцинація есть безпредметное воспріятіе» *), то такое сокращеніе совсѣмъ неудачно, потому что въ весьма многихъ случаяхъ безпредметныя воспріятія (чувственные образы фантазіи и псевдогаллюцинаціи въ тѣсномъ смыслѣ слова) вовсе не становятся галлюцинаціями.

Подъ именемъ галлюцинація я разумѣю—непосредственно отъ внѣшнихъ впечатлѣній независящее возбужденіе центральныхъ чувствующихъ областей, причемъ результатомъ такого возбужденія является чувственный образъ, представляющійся въ воспріемлющемъ сознаніи съ такимъ же самымъ характеромъ объективности и дѣйствительности, который при обыкновенныхъ условіяхъ принадлежитъ лишь чувственнымъ образамъ, получающимся при непосредственномъ воспріятіи реальныхъ впечатлѣній **). Этимъ опредѣленіемъ обнимаются какъ тѣ случаи, гдѣ галлюцинаторные образы возникаютъ вмѣстѣ и современно съ дѣйствительными чувственными воспріятіями, такъ и тѣ, въ которыхъ рядъ галлюцинаторныхъ образовъ, возникшихъ вслѣдствіе самопроизвольнаго возбужденія центральныхъ чувствующихъ областей, замѣняетъ собою въ воспріемлющемъ сознаніи реальный внѣшній міръ, такъ что воздѣйствія послѣдняго на органы чувствъ въ этихъ случаяхъ до сознанія не доходятъ. Но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ субъективныя возбужденія центральныхъ чувственныхъ сферъ должны удовлетворять одному существенному условію, должны имѣть для воспріемлющаго сознанія такое же значеніе, какимъ при нормальныхъ условіяхъ обладаютъ лишь дѣйствительныя, объективно-обусловленныя чувственныя воспріятія.

Лудвигъ Мейеръ въ своемъ извѣстномъ бѣгломъ очеркѣ характера галлюцинацій у душевно-больныхъ ***) высказалъ

*) Ball. Leçons, 1881, p. 62.

**) Слово „объективность" здѣсь едва ли можетъ подать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ. Наши извнѣ обусловленныя воспріятія даютъ намъ въ результатѣ знаніе предметовъ, которые, такимъ образомъ, суть объекты. Наши чувства объективны лишь въ той мѣрѣ, въ какой они служатъ намъ средствомъ къ познанію внѣшнихъ объектовъ. Извѣстно, что отдѣльныя чувства въ этомъ отношеніи неодинаковы; зрѣніе, слухъ и осязаніе (въ особенности же первое) называются чувствами объективными по преимуществу.

***) L. Meyer. Ueber den Charakter der Halluzinationen in Geisteskrankheiten. Centralblatt für die medic. Wissenschaften. 1865, pp. 673—675.

мнѣніе, что въ большей части случаевъ душевнаго разстройства (въ особенности же при delirium tremens и при истерическихъ психическихъ страданіяхъ) мы вовсе не имѣемъ дѣла съ болѣзненными субъективными ощущеніями; поэтому онъ предлагаетъ совершенно оставить въ обозначеніи этихъ состояній названія «обманы чувствъ», «галлюцинаціи» и «иллюзіи», а говорить лишь о «фантазмахъ» въ отличіе отъ субъективныхъ чувственныхъ ощущеній. По мнѣнію Мейера, «мнимыя» галлюцинаціи и иллюзіи душевно-больныхъ развиваются изъ ложныхъ идей и суть ничто иное какъ продуктъ дѣятельности фантазіи, результатъ потребности больныхъ метаморфозировать свою обстановку такъ, чтобы она была приведена въ согласіе съ ихъ возбужденною фантазіею *). Какъ ни далекъ отъ истины взглядъ Л. Мейера на галлюцинаціи, этому автору безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе на случаи, гдѣ больные, мотивируя свои ложныя идеи и нелѣпые поступки, ссылаются на нѣчто, ими пережитое, при чемъ, однако, оказывается, что они пережили это нѣчто собственно лишь дѣятельностью своего представленія, но никакъ не дѣятельностью своихъ чувствъ. Именно для такихъ случаевъ Гагенъ, въ 1868 году, предложилъ названіе—псевдогаллюцинаціи. Изъ дальнѣйшаго моего изложенія будетъ видно, что я придаю слову «псевдогаллюцинація» еще болѣе широкій смыслъ, именно прилагаю этотъ терминъ также и къ тѣмъ случаямъ, когда больные переживаютъ нѣчто дѣятельностью своихъ центральныхъ чувственныхъ областей, но когда, однако же, это нѣчто не есть настоящая галлюцинація, именно потому, что субъективные чувственные образы здѣсь не имѣютъ того характера объективности, который всегда присущъ образамъ собственно галлюцинаторнымъ; въ такихъ случаяхъ субъективно-возник-

*) Такъ, Мейеръ вовсе не говоритъ объ обманахъ воспоминанія или Гагеновскихъ псевдогаллюцинаціяхъ (онъ даже вовсе не употреблялъ это слово), но отличаетъ только галлюцинаціи, которыя онъ принимаетъ за фантастическія представленія (фантазмы), отъ субъективныхъ чувственныхъ воспріятій (Ср. при этомъ Schuele, Handb. der Geisteskrankh. 2. Aufl. 1880, p. 119). „Въ связи съ воззрѣніемъ Розе (который наблюдалъ дѣйствіе сантонина на чувство зрѣнія), Мейеръ обозначаетъ явленія, обыкновенно называемыя галлюцинаціями и иллюзіями, безъ крайней необходимости, словомъ, до сихъ поръ употреблявшимся въ другомъ условномъ значеніи" (Koeppe. Gehörsstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. Bd. XXIV, p. 14).

шій чувственный образъ, разумѣется, будетъ рѣзко отличаться въ воспріемлющемъ сознаніи отъ дѣйствительныхъ чувственныхъ ощущеній и воспріятій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на практикѣ нерѣдко бываютъ смѣшиваемы обманы чувствъ съ обманами сужденія, галлюцинаціи съ псевдогаллюцинаціями, тогда какъ теоретически эти субъективныя явленія весьма отличны другъ отъ друга. Если больной, видя другаго человѣка въ первый разъ въ жизни, принимаетъ его за своего стараго знакомаго, несмотря на то, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, то изъ одного этого еще нельзя заключить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ примѣръ иллюзіи зрѣнія; точно также, если больной обнаруживаетъ глубочайшее убѣжденіе въ своемъ непосредственномъ общеніи съ Богомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что такой больной галлюцинируетъ слухомъ, и тѣмъ менѣе — слухомъ и зрѣніемъ одновременно. Однако, можно въ широкомъ объемѣ признавать фактъ существованія псевдогаллюцинаторныхъ явленій и все-таки же многое имѣть сказать **противъ** того критерія, посредствомъ котораго Л. **Мейеръ** и **Гагенъ** рѣшали, имѣлись ли въ данномъ конкретномъ случаѣ субъективныя чувственныя ощущенія или же дѣло ограничивалось игрою фантазіи больнаго. Такъ, **Гагенъ**, очевидно, простираетъ свой скептицизмъ черезчуръ далеко, сомнѣваясь въ существованіи настоящихъ галлюцинацій слуха въ тѣхъ, вовсе не рѣдкихъ въ практикѣ, случаяхъ, когда больнымъ «слышатся цѣлыя фразы или даже цѣлые разговоры» *). Не имѣя здѣсь мѣста ссылаться на свои собственныя наблюденія относительно слуховыхъ галлюцинацій, я укажу лишь на случай **Зандера**, гдѣ по разсказу выздоровѣвшаго больнаго всякій долженъ убѣдиться, что при настоящихъ галлюцинаціяхъ слуха, больной можетъ вести длинные и связные разговоры и притомъ одновременно съ нѣсколькими невидимыми собесѣдниками **). **Лудв. Мейеръ** указываетъ, что нѣкоторые больные говорятъ о своихъ

*) **Hagen**, l. c., p. 27.

) W. **Sander. Ein Fall von Delirium potatorum. Psychiatr. Centralbl., 1877, pp. 127—129. **Бріерръ** совершенно вѣрно сказалъ: „встрѣчаются галлюцинанты, ведущіе разговоры послѣдовательно съ тремя, четырьмя и даже до двѣнадцати или пятнадцати, невидимыми собесѣдниками, при чемъ больными явственно различаются различные голоса послѣднихъ (Des hallucinations. 3-me édit. 1862, p. 583).

галлюцинаціяхъ слишкомъ въ общихъ, мало опредѣленныхъ, выраженіяхъ, напр.: «они чувствуютъ, они видѣли или слышали, что ихъ преслѣдуютъ, ихъ поносятъ», и т. д.; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда удается добиться отъ больныхъ болѣе подробнаго сообщенія, ихъ способъ выраженія всегда будто бы остается неувѣреннымъ и неопредѣленнымъ. совсѣмъ не такимъ какъ тогда, когда разсказъ касается дѣйствительныхъ чувственныхъ впечатлѣній *). Но, мнѣ кажется, если руководствоваться только этимъ критеріемъ, то легко впасть въ ошибку и просмотрѣть галлюцинаціи тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности достаточно. Такъ и случилось съ самимъ Л. **Мейеромъ**, который единственно изъ того обстоятельства, что при delirium tremens произведенію фантазмъ существенно способствуетъ воображеніе больнаго, дополняющее и измѣняющее какъ субъективныя, такъ и дѣйствительныя чувственныя ощущенія его, заключилъ, что эти фантазмы не суть обманы чувствъ. Слѣдуетъ замѣтить, что далеко не всякій больной **хочетъ** и еще болѣе не всякій **можетъ** достаточно подробно и точно описать врачу свои ощущенія. Слуховыя галлюцинаціи у душевно-больныхъ часто бываютъ подавляюще-множественны и притомъ идутъ непрерывнымъ рядомъ (по содержанію своему онѣ далеко не столь однообразны, какъ полагалъ **) **Кальбаумъ**). Ссылаясь пока только на немногіе точно описанные случаи ***), я утверждаю слѣдующее: въ одну безсонную ночь больной можетъ испытать такую массу безспорныхъ галлюцинацій, т.-е. переслушать галлюцинаторно такое множество словъ и фразъ мѣняющагося содержанія, что на утро ему становится положительно невозможнымъ точно пересказать все, имъ переслушанное. Къ тому же содержаніе слышаннаго часто затрогиваетъ самые интимные интересы и тайныя побужденія больнаго, такъ что уже по одному этому обстоятельству подробное пересказываніе, дословная передача для больныхъ въ большинствѣ случаевъ бываютъ неудобными. Всякому практику извѣстно, что параноики часто говорятъ о своихъ гал-

*) L. **Meyer**, l. c., p. 674.

) **Kahlbaum, l. c., pp. 28—30.

***) См. вышеупомянутый случай **Зандера** (Psychiatr. Centralbl., 1877, p. 75); **Parant**, Un cas d'hallucinations volontaires psycho-sensorielles. Annales médico-psychol. 1882, Mai, p. 375; **Kelp**, Gesichts- und Gehörshallucination als seltene Form. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. 1883. Bd. XXXIV, p. 834.

люцинаціяхъ крайне неохотно и во многихъ случаяхъ даже прямо стараются скрыть ихъ отъ врачей, напримѣръ, съ цѣлью диссимуляціи. Можно быть галлюцинантомъ и при этомъ не только не терять способности стыдиться, но даже имѣть весьма тонкое чувство такта и приличія; поэтому, трудно ожидать, что, напримѣръ, цѣломудренная больная, дѣвушка изъ высшаго сословія, выгребетъ врачу всѣ тѣ скабрезности, которыхъ она наслушалась отъ своихъ невидимыхъ преслѣдователей. Но если даже больной и желалъ бы быть съ врачомъ вполнѣ откровеннымъ, то онъ большею частью бываетъ поставленъ въ необходимость давать врачу, такъ сказать, лишь суммарный отчетъ, при чемъ содержаніе сообщенія здѣсь, разумѣется, будетъ значительно перевѣшивать форму сообщенія *). Больной, если только онъ въ самомъ дѣлѣ галлюцинируетъ слухомъ, отлично знаетъ, что именно говорятъ ему въ данную минуту «голоса», честятъ ли они его эпитетами «плутъ», «воръ» или какъ нибудь иначе; но такъ какъ онъ можетъ въ теченіи одной ночи множество разъ услыхать и «воръ», и «плутъ», и всякія другія бранныя слова, то на слѣдующій день онъ, естественно, можетъ придти въ затрудненіе на счетъ того, что именно изъ слышаннаго должно ему передать врачу; передать же все полностью — физически невозможно, ибо трудно все, галлюцинаторно слышимое, въ точности запомнить, да и не отъ всякаго врача больной имѣетъ право ожидать такого терпѣнія, чтобы все это прослушать. Самый простой исходъ изъ такого затрудненія будетъ тотъ, что больной сообщитъ объ испытанномъ имъ въ общихъ, суммарныхъ выраженіяхъ, напримѣръ, скажетъ лишь, что его ругали и только при настоятельной просьбѣ врача привести тѣ слова, которыми его бранили, припомнитъ, можетъ быть, что его, между прочимъ, называли «воромъ» и «плутомъ». Вообще, отъ больныхъ во время ихъ болѣзни довольно трудно получать клиническій матеріалъ по части галлюцинацій. Напротивъ, мои выздоровѣвшіе пацiенты иногда оказывали мнѣ въ этомъ отношеніи большія услуги, при чемъ обнаруживалось, что они достаточно помнятъ испытанное ими за время болѣзни и притомъ большею частью очень рѣзко различаютъ настоящія галлюцинаціи отъ различнаго рода псевдогаллюцинаторныхъ явленій. По странной случайности, наиболѣе цѣнная часть моего казуистическаго матеріала по части псевдогаллюцинацій и слуховыхъ галлюцинацій получена мною отъ тѣхъ изъ моихъ выздоровѣвшихъ пацiентовъ, которые во время своей болѣзни были особенно сдержанными въ своихъ сообщеніяхъ, особенно скрытными.

*) Ср. L. Meyer, l. c., p. 674.

И такъ, неопредѣленность сообщеній больныхъ съ точки зрѣнія дифференціальной діагностики есть критерій весьма мало надежный. Съ одной стороны, бываютъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, вполнѣ конкретныя псевдогаллюцинаціи, съ другой стороны, больные несомнѣнно и рѣзко галлюцинирующіе слухомъ, нерѣдко оказываются въ своихъ сообщеніяхъ весьма уклончивыми.

Еще Бэлларже (въ 1844 году) писалъ *) о «чисто интеллектуальныхъ воспріятіяхъ, которыя больными часто бываютъ ошибочно смѣшиваемы съ чувственными воспріятіями» (l. c., p. 471). «Необходимо признать,—говоритъ этотъ авторъ,—что существуетъ два рода галлюцинацій: полныя галлюцинаціи производятся двумя моментами, онѣ суть результатъ совмѣстной дѣятельности воображенія и органовъ чувствъ: это — психо-сенсоріальныя галлюцинаціи; другаго рода галлюцинаціи происходятъ единственно отъ непроизвольной дѣятельности памяти и воображенія, и являются совершенно независимыми отъ органовъ чувствъ; это — неполныя или психическія галлюцинаціи, въ нихъ вовсе нѣтъ сенсоріальнаго элемента» (l. c., p. 369). «Психическія галлюцинаціи, повидимому, исключительно относятся къ области слуха», но въ сущности «онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ сенсоріальнымъ аппаратамъ». «Больные здѣсь не испытываютъ ничего похожаго на слуховыя ощущенія», но они увѣряютъ, что они беззвучно слышатъ (иногда съ очень большихъ разстояній), посредствомъ индукціи, мысль другихъ лицъ, что они могутъ вести со своими невидимыми собесѣдниками интеллектуальные разговоры, вступать своею душою въ общеніе съ душами этихъ лицъ, слышать идеальные, таинственные или внутренніе голоса и т. п. **). Къ психическимъ галлюцинаціямъ Бэлларже причисляетъ также и тѣ случаи, когда больные слы-

*) Baillarger. Des hallucinations, etc.; mémoire, couronné par l'Académie en 1844. Mémoires de l'académie royale de médecine. Tome XII.

**) Ibid., pp. 368, 384, 389, 390, 397, 400.

шатъ голоса, исходящіе изъ ихъ головы, изъ области эпигастріальной или прекордіальной *).

Мишà называетъ психическія галлюцинаціи Бэлларже ложными галлюцинаціями (hallucinations fausses). «Допускать галлюцинаціи, лишенныя даже тѣни объективности, замѣчаетъ этотъ авторъ, говорить о беззвучныхъ словахъ, о безформенныхъ и безцвѣтныхъ образахъ, значитъ—ниспровергать всѣ психологическія формы; галлюцинація всегда и необходимо есть явленіе конкретное, содержаніе ея всегда есть подобіе внѣшняго объекта, подобіе матеріальной дѣйствительности» **). Точно также Гагенъ, разумѣющій подъ именемъ галлюцинацій частный случай собственно обмановъ чувствъ, не допускаетъ существованія чисто-психическихъ галлюцинацій ***). Впослѣдствіи мы увидимъ, что «психическія галлюцинаціи» Бэлларже суть лишь одна изъ частныхъ формъ псевдогаллюцинацій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или скорѣе онѣ суть ничто иное, какъ просто ложныя идеи, послѣдовательно развившіяся какъ результатъ сознательнаго или безсознательнаго умозаключенія изъ факта существованія навязчивыхъ или насильственныхъ представленій.

Прежде чѣмъ я перейду къ своимъ примѣрамъ для тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которымъ, по моему мнѣнію, всего болѣе приличествуетъ названіе «псевдогаллюцинацій въ собственнномъ смыслѣ слова», я долженъ подробнѣе остановиться на Гагеновскихъ псевдогаллюцинаціяхъ, такъ какъ этотъ авторъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, старался устранить практическое смѣшиваніе галлюцинацій съ явленіями, въ сущности, не принадлежащими къ галлюцинаціямъ.

---

*) Ibid., p. 405. Впрочемъ, часть этихъ случаевъ Бэлларже, повидимому, склоненъ сводить къ невольному чревовѣщательству, на основаніи того наблюденія, что одна больная сама непроизвольно производила, въ своей гортани и въ своей груди, звуки, но приписывала эти звуки своимъ невидимымъ преслѣдователямъ.

**) Michéa. Du délire des sensations. Paris. 1846, p. 102.

***) Hagen, l. c., p. 28.

II.

Подъ именемъ псевдогаллюцинацій Гагенъ разумѣетъ тѣ случаи, когда больные въ своихъ разсказахъ подставляютъ ими измышленное на мѣсто пережитаго въ дѣйствительности (l. c., p. 4). Въ частности, здѣсь возможны разные случаи.

1. Часто говорятъ о галлюцинаціяхъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности нѣтъ ничего, кромѣ простаго бреда. Къ этой категоріи Гагенъ относитъ случаи болѣзненно-усиленной дѣятельности фантазіи, когда больные создаютъ себѣ фантастическій міръ и постоянно имъ бываютъ заняты, ничуть не будучи, однако, убѣждены въ его реальности. Ни мало не смѣшивая дѣйствительность со своими фантазіями, больные здѣсь просто играютъ самими ими избранныя роли, но, вслѣдствіе своего возбужденнаго состоянія, они актерствуютъ съ громадною энергіею и съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ. Отъ этого при бѣгломъ взглядѣ на нихъ кажется, что они воспринимаютъ свою фантастическую обстановку чувственно, тогда какъ болѣе внимательное наблюденіе всегда показываетъ ошибочность такого предположенія. При этомъ больные, живо жестикулируя, ходятъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, по заламъ или коридорамъ и громко ведутъ (большею частію ругательные) разговоры съ фиктивными, живо ими въ воображеніи представляемыми лицами, такъ что, со стороны, все это имѣетъ такой видъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ видятъ передъ собою эти лица, или слышатъ ихъ голоса». Это — просто живой образный бредъ, ошибочно иногда принимаемый врачами за галлюцинированіе.

Для иллюстраціи сказаннаго привожу примѣры изъ собственной практики.

Алекс. Введенскій *), бывшій псаломщикъ въ одной изъ нашихъ заграничныхъ посольскихъ церквей, уже много лѣтъ какъ впалъ во вторичное слабоуміе (dementia secundaria) и настоящихъ галлюцинацій давно уже не имѣетъ. Онъ проводитъ свое время или молча, лежа на кровати, или расхаживаетъ по коридору, при чемъ съ энергическими жестикуляціями ведетъ живыя бесѣды самъ съ собою. Когда я прихожу въ

---

*) Всѣ фамиліи больныхъ у меня измѣнены противъ дѣйствительныхъ. Упомяну также, что большая часть наблюденій, приводимыхъ въ этомъ очеркѣ, относятся къ 1882 году, остальныя—къ 1883—1884 годамъ.

отдѣленіе, онъ нерѣдко, съ радостнымъ видомъ, выходитъ ко мнѣ навстрѣчу и съ большимъ одушевленіемъ, хотя весьма несвязно, начинаетъ разсказывать разныя небылицы, иллюстрирую разсказываемое энергическими жестами и тѣлодвиженіями. Вотъ образчикъ нашихъ разговоровъ: «Можете себѣ представить!... Вы не повѣрите, пожалуй... Пятерыхъ, пятерыхъ сегодня поборолъ!!..—Кого же это?—Ихъ!!.. пятеро на меня напали, можете себѣ представить, пятеро на одного.... и я одинъ съ ними со всѣми справился!»... (при этомъ изображаетъ передо мною пантомимически, что борется съ противниками и отбивается отъ нихъ). — Вы подрались съ кѣмъ-нибудь изъ больныхъ? — «Ну, вотъ!... изъ больныхъ... Вы не понимаете... Я вамъ говорю про великановъ... пятеро большущихъ великановъ!.. Представьте,—нападаютъ!!.. Я имъ всѣмъ головы разбилъ... одного хватилъ вотъ такъ» (наноситъ по воздуху удары) «другаго—такъ!... ихъ какъ не бывало!!»... По ближайшему изслѣдованію оказывалось, что онъ ни съ кѣмъ не дрался, даже ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а лежалъ на кровати и, молча, фантазировалъ, именно представлялъ себѣ, что борется съ пятерыми гигантами.—Прихожу въ воскресенье, послѣ обѣдни; онъ, по обыкновенію, является со своими разсказами: «былъ сегодня у обѣдни... пѣлъ на клиросѣ... ахъ, еслибы вы слышали!.. Боже мой, какъ я пѣлъ!.. голосъ у меня... Особенно ловко вышло у меня вотъ это: «Животворящей Троицѣ трисвятую»... — Можно было думать, что надзиратель отдѣленія, не спрося разрѣшенія у ординатора, пустилъ этого больнаго въ церковь. Однако, по разслѣдованію дѣла оказывалось, что Введенскаго никто и не думалъ отпускать въ церковь и что все время обѣдни онъ молча лежалъ въ постели. Очевидно, онъ, когда другіе больные отправились въ церковь, сталъ воображать себѣ, что онъ не только стоитъ обѣдню, но и поетъ на клиросѣ (вспомнилъ свою прежнюю профессію). Иногда онъ и самъ признавался, что разсказываетъ выдумки: «ну, ну... Вы думаете, что это и въ самомъ дѣлѣ... нѣтъ, это я такъ»...

Дѣвица Марья Сокова, 33 лѣтъ, бывшая учительница (умерла отъ туберкулеза легкихъ) имѣла постоянныя галлюцинаціи слуха и осязанія и, кромѣ того, эпизодическія галлюцинаціи зрѣнія. Но разсказывая о своихъ обманахъ чувствъ, она иногда вводила въ разсказъ просто свои фантазіи, напримѣръ: «я видѣла демона; онъ простиралъ свои громадныя черныя крылья надъ... надъ всѣмъ Петербургомъ... нѣтъ, даже надъ всѣмъ міромъ!»... Понятно, что не только весь міръ, но даже и весь Петербургъ увидать сразу, въ одной галлюцинаторной зрительной картинѣ, невозможно. (Прибавлю, что въ сноподобныя галлюцинаторныя состоянія эта больная никогда не впадала и что ея эпизодическія зрительныя галлюцинаціи всегда бывали случайно, сравнительно элементарнаго содержанія; напротивъ, у этой больной было много явленій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, псевдогаллюцинаторныхъ).

Сценическая экзальтація кататониковъ, ихъ актерничаніе, часто носящее на себѣ трагичный характеръ, ихъ постоянная декламація, сопровождаемая живою жестикуляціею, могутъ иной разъ ввести въ ошибку и заставить подозрѣвать галлюцинаціи тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности нѣтъ и гдѣ въ сущности имѣетъ мѣсто лишь «ломаніе комедіи», на-половину произвольное, на-половину невольное. Наклонность давать драматическія представленія остается у этого рода больныхъ иногда и въ періодѣ послѣдовательнаго слабоумія, когда настоящія галлюцинаціи уже давно прекратились и прежней экзальтаціи нѣтъ и слѣда.

Отставной капитанъ арміи, Павелъ Шишинъ, 56 лѣтъ, боленъ уже болѣе двадцати лѣтъ (paranoia katatonica) и давно уже перешелъ въ разрядъ слабоумныхъ. Настоящихъ галлюцинацій у него теперь подозрѣвать нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Обыкновенно онъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ, на обращаемые къ нему вопросы отвѣчаетъ крайне рѣдко и на окружающихъ его лицъ обращаетъ вниманіе только тогда, когда ему нужно попросить у нихъ папиросу или огня (при чемъ оказывается, что онъ отлично можетъ объяснить, что ему требуется). Большую часть своего времени онъ молча проводитъ въ постели, занятый своими фантазіями, что видно по его весьма живой мимикѣ, которая, впрочемъ, часто переходитъ въ безсмысленное гримасничанье. Опредѣленныхъ ложныхъ идей онъ никогда теперь не высказываетъ. По временамъ онъ расхаживаетъ по отдѣленію совершенно нагой, принимаетъ неестественныя позы или производитъ странныя тѣлодвиженія. Иногда онъ прерываетъ свое молчаніе и даетъ маленькія представленія. Напримѣръ, вообразивъ себя во главѣ своей роты, маршируетъ по коридору, выкрикиваетъ команду, обращается къ первому попавшемуся ему на встрѣчу лицу съ рапортомъ, какъ къ своему ближайшему начальнику, сдѣлавъ рукою «подъ козырекъ», и т. д. Въ другой разъ онъ накидываетъ на себя одѣяло, такъ, чтобы вышло подобіе священнической ризы, и начинаетъ распѣвать разные тропари, очевидно, желая представить собою священника, отправляющаго служеніе. Иногда онъ прерываетъ свое молчаливое гримасничанье дикими, неестественными криками, повидимому, симулируя ужасъ, негодованіе и ярость, и въ ту же самую минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно и даже съ пріятною улыбкою обращается къ окружающимъ: «будьте столь добры, пожалуйте папиросочку» *).

*) Такого рода преходящія состоянія нѣкоторыхъ душевно-больныхъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Эммингаузъ, живо напоминаютъ дѣтскія игры. Приводимый этимъ авторомъ (Allgemeine Psychopathologie. Leipzig, 1878, p. 139) примѣръ изъ собственныхъ наблюденій весьма характеристиченъ.

Также больные, страдающіе общимъ прогрессивнымъ параличемъ, нерѣдко высказываютъ свои представленія о различныхъ занимающихъ ихъ событіяхъ съ такою образностью и живостью, какъ будто эти событія дѣйствительно ими пережиты. Но при сколько-нибудь внимательномъ наблюденіи не трудно при этомъ убѣдиться, что эти больные не испытали соотвѣтствующихъ ихъ разсказамъ чувственныхъ ощущеній, что здѣсь имѣетъ мѣсто просто лишь игра воображенія. Если такой больной разсказываетъ, что онъ ночью видѣлся со своею женою, или что въ комнату его приходило множество красавицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ галлюцинируетъ зрѣніемъ; возможно, что онъ говоритъ объ этихъ мнимыхъ фактахъ, мотивирующихъ его возвышенное самочувствіе, совершенно такъ, какъ онъ въ другое время хвастается своимъ непомѣрнымъ богатствомъ или своимъ высокимъ саномъ. Переспросомъ можно довести такого больнаго до того, что онъ начнетъ всячески доказывать врачу истинность своего сообщенія и будетъ, напримѣръ, утверждать, что онъ во-очію видѣлъ вышеупомянутыхъ красавицъ. Другіе больные разсказываютъ о пожарахъ и тому подобныхъ несчастныхъ случаяхъ съ такимъ убѣжденіемъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ присутствовали на мѣстѣ происшествія, однако и у нихъ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло идетъ большею частью лишь о представленіяхъ, а не о дѣйствительныхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ» *). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ мы, несомнѣнно, имѣемъ явленія, нижеописываемыя подъ названіемъ псевдогаллюцинацій sensu strictiori.

Бываетъ, что больные въ своихъ сообщеніяхъ врачу неумышленно преувеличиваютъ ими субъективно пережитое, напримѣръ, пользуясь слишкомъ вычурными или аллегорическими выраженіями, и тѣмъ придаютъ (въ своемъ разсказѣ) характеръ галлюцинацій такимъ субъективнымъ фактамъ, которые съ настоящими обманами чувствъ не имѣютъ ничего общаго. Въ другихъ же случаяхъ они сознательно и умышленно присочиняютъ, руководимые побужденіемъ придать себѣ больше интереса въ глазахъ врача; послѣдній мотивъ, какъ извѣстно, весьма силенъ у многихъ женщинъ, въ особенности у истеричекъ.

*) W. Sander. Sinnestäuschungen. Eulenburg's Real-Encyclopädie d. gesammt. Heilk. XII (1882), p. 536.

«Одинъ больной, вообще чрезвычайно охотно говорившій о своей болѣзни и такъ сказать, рисовавшійся ею, признался мнѣ однажды въ слѣдующемъ: упершись глазами въ стѣну, онъ многократно усиливался вообразить себѣ, что смотритъ въ «адову бездну»; причемъ видитъ восходящихъ и нисходящихъ въ ней дьяволовъ (Гагенъ).

Одна больная, молодая жена священника (истерія на почвѣ прирожденнаго слабоумія), нѣсколько лѣтъ находится въ нашей больницѣ, только въ силу того, что ея insanitas moralis дѣлаетъ ее совершенно невозможною въ домашней жизни. Галлюцинаціями она никогда не страдала. Въ обращеніи съ врачами постоянно выказываетъ значительное кокетство и когда ее распрашиваютъ объ ея ощущеніяхъ, то она нерѣдко, тутъ же, на мѣстѣ, измышляетъ нѣчто, похожее на галлюцинаціи, напримѣръ: «вчера мнѣ представилось, что я обратилась въ ангела; за спиною у меня выросли длинныя крылья и я далеко, далеко полетѣла на нихъ». (Мимоходомъ замѣчу, что комплексныя галлюцинаціи внѣ состояній помраченнаго сознанія, т.-е. безъ болѣе или менѣе полнаго прекращенія воспріятія изъ внѣшняго міра, вообще очень рѣдки).

«Въ больницѣ Sainte-Anne (въ Парижѣ), въ отдѣленіи д-ра Бушеро, мы видѣли недавно молодую женщину, въ высокой степени страдающую психическими галлюцинаціями Бэлларже. Эта больная высказывала испытываемое ею часто въ самомъ возвышенномъ стилѣ; такъ, напримѣръ, для чувства зрѣнія: «лучи свѣта, говоритъ она, суть для меня слова,—они приносятъ мнѣ мысли»; для чувства обонянія: «благоуханіе фіалокъ проскальзываетъ въ мой корсажъ и достигаетъ до моей души» (Балль). Въ этомъ случаѣ, по мнѣнію проф. Балля, представляется нѣчто бо́льшее, чѣмъ чисто психическія галлюцинаціи, такъ какъ въ субъективныхъ воспріятіяхъ больной здѣсь какъ будто есть нѣкоторый (весьма, впрочемъ, неопредѣленный) намекъ на элементъ сенсоріальный *). На мой взглядъ, этотъ случай можетъ служить примѣромъ, въ какихъ вычурныхъ, метафорическихъ выраженіяхъ больные иногда выражаютъ свои мысли и фантазіи.

Къ описываемой категоріи псевдогаллюцинацій Гагенъ относитъ также приводимую у Бріерра-де-Буамана исторію живописца Блэка (l. c., p. 89, observ. 29), который, повидимому, лишь дѣлалъ видъ, для приданія пущаго интереса своей особѣ, что онъ обладаетъ способностью произвольнаго галлюцинаторнаго видѣнія. Сюда же, по мнѣнію Гагена, принадлежатъ многія видѣнія мистиковъ, будто бы получавшихъ откровеніе свыше, или же находившихся подъ дьявольскимъ навожденіемъ. Но, по моему

*) Ball. Leçons sur les maladies mentales. 2-me édit. Paris. I. 1881. p. 88.

мнѣнію, «откровенія» и «видѣнія» мистиковъ, если они не относятся къ настоящимъ галлюцинаціямъ (напримѣръ, при состояніи экстаза), скорѣе принадлежатъ къ нижеописываемымъ мною собственнымъ псевдогаллюцинаціямъ, такъ какъ они обыкновенно носятъ на себѣ живо чувственный характеръ и, по содержанію, бываютъ весьма опредѣленными (Гагеновскія псевдогаллюцинаціи этихъ признаковъ не имѣютъ).

2. Большая часть псевдогаллюцинаторныхъ явленій принадлежитъ, по Гагену, къ обманамъ воспоминанія. Вспомнивъ представленіе, когда-то возникшее въ его мозгѣ, какъ продуктъ фантазіи, больной принимаетъ такое представленіе за воспоминаніе дѣйствительнаго объективнаго воспріятія, имѣвшаго мѣсто въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ *). Но здѣсь я принужденъ разойдтись съ проф. Гагеномъ, который относитъ въ эту категорію «мнимыхъ» галлюцинацій болѣзненныя состоянія, подобныя сновидѣнію, но по сущности своей носящія на себѣ положительно галлюцинаторный характеръ. По чисто теоретическимъ мотивамъ, проф. Гагенъ называетъ галлюцинаціями только тѣ состоянія, при которыхъ, продолжая воспринимать дѣйствительный внѣшній міръ, сознаніе вмѣстѣ съ тѣмъ воспріемлетъ отдѣльные образы, къ реальному міру не принадлежащіе; оттого-то этотъ авторъ отчисляетъ къ псевдогаллюцинаціямъ (l. c. pp. 17—19) всѣ тѣ случаи, когда больной перестаетъ воспринимать дѣйствительный міръ, со всею дѣятельностью своего представленія переносится въ міръ, созданный фантазіею. Что касается до меня, то я не вижу ни малѣйшаго основанія не называть подобнаго рода болѣзненыя состоянія галлюцинаціями, если только этотъ призрачный міръ, въ который отрѣшается больной, становится для сознанія послѣдняго такою же чувственною дѣйствительностью, какою представляется для насъ нормально воспринимаемый нами реальный міръ **). Если не

*) Hagen, l. c., p. 17.

**) Самъ Гагенъ приводитъ въ своей работѣ весьма характерный случай галлюцинаціи, подобной сновидѣнію, разсказанный Клемансомъ: „Однажды я вырѣзывалъ занозу изъ пальца у одной очень чувствительной дамы. Оставаясь съ открытыми глазами, она (безъ того, чтобы я могъ замѣтить какое нибудь измѣненіе въ пульсѣ или въ температурѣ ея тѣла) вдругъ впала въ состояніе, подобное сновидѣнію, именно перенеслась сознаніемъ на прелестный лугъ къ берегу ручья и занялась тамъ собираніемъ цвѣтовъ съ цѣлью преподнесенія ихъ своимъ друзьямъ. Это состояніе длилось только то короткое время, которое потребовала вышеупомянутая ни-

относить къ галлюцинаціямъ тѣ случаи гдѣ субъективно возникшіе образы и картины, пріобрѣвъ характеръ объективности, вполнѣ или частію замѣняютъ собою, въ сознаніи больнаго, воспріятія изъ дѣйствительнаго міра,—то область обмановъ чувствъ подвергнется крайнему ограниченію и галлюцинаціи сдѣлаются явленіемъ, сравнительно рѣдкимъ.

Субъективныя возбужденія сенсоріальныхъ областей головнаго мозга, при болѣе или менѣе значительномъ ослабленіи воспріятія реальныхъ чувственныхъ впечатлѣній, играютъ, какъ извѣстно, первую роль въ весьма многихъ психопатологическихъ состояніяхъ, напримѣръ, при меланхоліи и при первично-галлюцинаторномъ сумасшествіи (stupeur hallucinatoire) при delirium tremens и delirium acutum, при различнаго рода состояніяхъ помраченнаго сознанія (при delirium febrile, при отравленіи нарко-

чтожная операція, и прекратилось само собою, безъ всякаго лѣкарственнаго пособія“ (Hagen, l. c., p. 17). Конечно, такое состояніе можетъ быть названо „состояніемъ восхищенности“, „внезапнымъ травматическимъ экстазомъ“, но почему же не назвать его и галлюцинаціею? Вѣдь субъективно возникшая обстановка (лугъ, ручей, цвѣты и проч.) имѣла для вышеупомянутой дамы въ ту минуту совершенно такое же значеніе (т.-е. представляла такой же характеръ объективности), какъ всякая реальная обстановка. Очевидно, лишь подъ вліяніемъ предвзятаго теоретическаго воззрѣнія Гагенъ причисляетъ къ псевдогаллюцинаціямъ (т.-е. къ случаямъ, гдѣ принимается за пережитое въ дѣйствительности то, что было пережито лишь въ фантазіи) слѣдующій случай, въ которомъ мы имѣемъ уже не состояніе, подобное сновидѣнію, а просто эпизодическую галлюцинацію слуха: „Нѣкто, испытавшій кораблекрушеніе, разсказывалъ слѣдующее: „Уже впродолженіи четырехъ часовъ я одиноко носился по волнамъ; ни одинъ человѣческій звукъ не могъ коснуться моего слуха; вдругъ, я услыхалъ произнесенный голосомъ моей матери вопросъ: „Джонни, это ты съѣлъ виноградъ, приготовленный для твоей сестры?“ За тридцать лѣтъ до этого момента, будучи тогда одиннадцати-лѣтнимъ мальчишкой, я съѣлъ тайкомъ пару виноградныхъ кистей, назначенныхъ матерью для моей больной сестры... И вотъ, на краю погибели, я внезапно услыхалъ голосъ моей матери и тотъ самый вопросъ, который былъ обращенъ ею ко мнѣ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ; а между тѣмъ, въ послѣдніе двадцать лѣтъ моей жизни, какъ я положительно могу утверждать, мнѣ ни единаго раза не приходилось вспомнить о моей только что упомянутой ребяческой продѣлкѣ“ (l. c. p. 18). Въ этомъ примѣрѣ можно видѣть не галлюцинацію, а обманъ воспоминанія (причемъ пригрезившееся въ состояніи, подобномъ сновидѣнію, было послѣ принято за испытанное на яву) только при томъ условіи, если, наперекоръ клиническимъ наблюденіямъ впередъ задаться идеею, что слуховыя галлюцинаціи внѣ состояній, подобныхъ сновидѣнію, вообще невозможны.

тическими веществами, въ особенности же при эпилепсіи и при экстазѣ). Если не примѣнять здѣсь слово «галлюцинаціи», то придется изобрѣсть какое нибудь другое обозначеніе, наприм., «галлюциноиды» или что нибудь другое въ этомъ же родѣ. Псевдогаллюцинаторными же эти состоянія никоимъ образомъ не могутъ быть названы ни въ моемъ смыслѣ, ни въ Гагеновскомъ, ибо, съ одной стороны, въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ обманами воспоминанія, а съ другой стороны собственно псевдогаллюцинаторные образы характеромъ объективности не обладаютъ; получивъ же, въ сознаніи больнаго, характеръ объективности (въ послѣдней главѣ будетъ объяснено, что это происходитъ именно въ силу прекращенія воспріятій изъ реальнаго внѣшняго міра), псевдогаллюцинаціи уже перестаютъ быть таковыми и превращаются въ настоящія галлюцинаціи.

Какъ бы то ни было, обманы воспоминанія у душевно-больныхъ—вообще явленіе нерѣдкое. Одинъ изъ видовъ обмановъ воспоминанія представляется намъ въ тѣхъ случаяхъ, «когда больные говорятъ о живо видѣнномъ ими въ сновидѣніи какъ о событіяхъ, совершившихся въ дѣйствительности» (Гагенъ).— Но здѣсь мы встрѣчаемся съ большимъ практическимъ затрудненіемъ, именно, съ трудностью отличать сновидѣнія больныхъ отъ кортикальныхъ галлюцинацій.

Сновидѣніе въ сущности есть ничто иное какъ кортикальная галлюцинація въ нормальной жизни *). Болѣзненныя галлюцинаціи извѣстнаго рода тоже имѣютъ кортикальное происхожденіе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ условія происхожденія галлюцинаторнаго состоянія одинаковы: и тутъ и тамъ требуется болѣе или менѣе полное прекращеніе воспріятій изъ дѣйствительнаго міра. Можно сказать, что патологическая кортикальная галлюцинація есть ничто иное какъ патологическое сновидѣніе при условіяхъ, аномальныхъ по преимуществу.

Для самого больнаго патологическая кортикальная галлюцинація можетъ отличаться отъ обыкновеннаго сновидѣнія только слѣдующимъ. Въ первомъ случаѣ больной можетъ быть убѣж-

*) Строго говоря, сновидѣніе есть всегда фактъ ненормальный: въ самомъ дѣлѣ — a) всякое сновидѣніе есть обманъ (сознаніе обманывается здѣсь, относясь къ продукту фантазіи, какъ къ дѣйствительности) и b) при дѣйствительно нормальномъ (идеальномъ) снѣ нѣтъ мѣста сновидѣніямъ.

денъ, что онъ не спалъ, имѣлъ глаза открытыми и сознавалъ, что онъ находится въ извѣстной комнатѣ, сидя, напримѣръ, въ креслѣ, или лежа на кровати; во второмъ случаѣ, человѣкъ почти всегда теряетъ сознаніе своей реальной обстановки, такъ что, лежа въ комнатѣ на кровати, онъ не сознаетъ этого, а считаетъ себя, напримѣръ, стоящимъ на колѣняхъ въ церкви или восходящимъ на альпійскіе ледники. Но такъ какъ только что приведенный единственный отличительный моментъ абсолютнаго значенія не имѣетъ, то во многихъ конкретныхъ случаяхъ различительное распознаваніе этихъ двухъ состояній становится весьма затруднительнымъ, почти даже невозможнымъ. Сновидѣніемъ или галлюцинаціею было испытанное тою дамою, которой Клемансъ вынималъ занозу? Скажемъ, пожалуй, сновидѣніемъ; но сновидѣніе, приключившееся внезапно, при открытыхъ глазахъ, при обстоятельствахъ исключительныхъ, притомъ такихъ, которыя уже сами по себѣ исключаютъ обыкновенный сонъ (раненіе пальца, сопровождавшееся, по всей вѣроятности, первоначально болью), можетъ быть охарактеризовано мною такъ: «патологическое сновидѣніе при условіяхъ аномальныхъ по преимуществу»; другими словами, это и будетъ галлюцинаціею, если субъективно пережитое имѣло, въ тотъ моментъ, въ воспріемлющемъ сознаніи характеръ объективной дѣйствительности.

Поэтому, когда больные разсказываютъ, «что они побывали впродолженіи ночи тамъ-то и тамъ, что они видѣли небо со всѣми ангелами его» (Гагенъ), то я считаю одинаково возможнымъ, что больной имѣлъ очень живое сновидѣніе, и что онъ имѣлъ настоящую (кортикальную) галлюцинацію, разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ предполагая сознаніе больнаго, по отношенію къ воспріятію впечатлѣній изъ внѣшняго міра, находившимся въ достаточной степени затмѣнія. Трудность различенія этихъ двухъ состояній, между которыми, на мой взглядъ, рѣзкихъ границъ дѣйствительно не существуетъ, увеличивается еще тѣмъ, что содержаніе чувственныхъ образовъ въ томъ и другомъ случаѣ можетъ быть одинаковымъ и въ равной мѣрѣ можетъ имѣть тѣсное отношеніе къ представленіямъ, по преимуществу занимающимъ больнаго въ данное время (respective, къ ложнымъ идеямъ больнаго). Положиться на увѣренія больнаго, что въ ту минуту онъ не спалъ а просто лежалъ на кровати, тоже не всегда можно. Больной можетъ заснуть до извѣстной степени

(едва ли кто будетъ отрицать, что существуютъ разныя степени сна), затѣмъ, проснувшись, не сознавать, что за минуту передъ тѣмъ онъ спалъ; тогда сновидѣніе покажется видѣніемъ, испытаннымъ на яву. Сонъ душевно-больныхъ часто весьма отличается отъ сна здоровыхъ, представляя нѣчто среднее между нормальнымъ сномъ и полнымъ бодрствованіемъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ онъ ближе къ одному изъ этихъ состояній, въ другихъ—къ другому *). Даже давнишніе больные, у которыхъ изъ всѣхъ симптомовъ психической болѣзни на первомъ планѣ остались однѣ лишь галлюцинаціи слуха, весьма часто спятъ сномъ настолько неполнымъ, что продолжаютъ галлюцинировать слухомъ совершенно такъ же, какъ галлюцинировали въ бодрственномъ состояніи; лишь крѣпкій сонъ прерываетъ на время постоянное слуховое галлюцинированіе такихъ больныхъ.

Одинъ изъ моихъ больныхъ (подробнѣе о немъ я буду говорить послѣ), съ 1878 года страдающій постоянными галлюцинаціями слуха, много лѣтъ ведетъ точный дневникъ своимъ болѣзненнымъ ощущеніямъ, при чемъ въ наблюденіи и въ регистрированіи послѣднихъ онъ, долгимъ опытомъ, наловчился до крайности. Онъ подарилъ мнѣ толстую тетрадь выписокъ изъ своего дневника и въ этомъ любопытномъ документѣ, подъ 25 февраля 1882 года, отмѣчено слѣдующее: «въ послѣобѣденный сонъ токисты» [невидимые преслѣдователи]... продѣлывали то-то и то-то [какъ обыкновенно, устраивали ему различныя «искусственныя мысли» и кромѣ того «посредствомъ прямаго говоренія» продолжали вслухъ говорить ему разныя непріятности], при чемъ въ скобкахъ имѣется такого рода поясненіе: «въ сихъ случаяхъ, равно какъ и во всѣхъ предыдущихъ, сонъ у меня не крѣпкій, нѣчто въ родѣ дремоты съ закрытыми глазами, почему я все и слышу».

Будучи не полонъ, и сравнительно мало отличаясь отъ бодрствованія, сонъ душевно-больнаго, въ воспоминаніи самого больнаго, можетъ быть смѣшанъ съ бодрственнымъ состояніемъ; отсюда возможность смѣшенія больнымъ сновидѣнія съ галлюцинаціею. Съ другой стороны, должно имѣть въ виду, что у душевно-больныхъ сновидѣнія могутъ быть несравненно болѣе яркими чѣмъ у здоровыхъ людей. Я положительно могу утверждать, что сновидѣнія галлюцинантовъ, въ особенности алкоголиковъ, по чувственной опредѣленности и объективности образовъ, равно какъ и по живости красокъ, ни чуть не уступаютъ дѣйствительности.

*) „Многіе изъ душевно-больныхъ спятъ не иначе, какъ сномъ неполнымъ; другіе же спятъ лишь изрѣдка. Иногда бредъ продолжается даже въ то время, когда больной отдается сну; галлюцинаціи, мучительныя идеи, ложныя ощущенія угнетающаго свойства тогда преслѣдуютъ больнаго подъ формою сновидѣній“ (Calmeil, De la folie, etc. Paris. 1845. t. I. p. 65).

Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ, какъ трудно иногда на практикѣ сдѣлать различительное распознаваніе между кортикальною галлюцинаціею *) и живымъ сновидѣніемъ.

Больной М. Афон... (paranoia hallucinatoria alcoholica chronica), столяръ, 42 лѣтъ, находящійся въ нашей больницѣ около 11-ти лѣтъ, до сихъ поръ страдаетъ галлюцинаціями слуха и высказываетъ бредъ религіознаго характера; тѣмъ не менѣе, его логическія функціи сохранились весьма удовлетворительно. Онъ постоянно имѣетъ картинныя, весьма живыя сновидѣнія, изрѣдка же, повидимому, и галлюцинаціи зрѣнія (въ первые годы своей болѣзни больной, бывшій potator, несомнѣнно и часто имѣлъ зрительныя галлюцинаціи). Этотъ больной часто разсказываетъ мнѣ: «въ эту ночь я видѣлъ»... или «мнѣ показывалось» то-то и то-то (обыкновенно, разнообразныя картины того, что онъ называетъ адомъ и раемъ). Я всегда говорю ему на это:—но вы видѣли все это во снѣ,—на что онъ въ большинствѣ случаевъ отвѣчаетъ: «можетъ быть и во снѣ, не могу вамъ сказать навѣрное». Но однажды онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее: «вчера вечеромъ было мнѣ видѣніе; я не спалъ, а лежалъ съ открытыми глазами, и вдругъ очутился въ раю». Рай этотъ просто оказался роскошно убранною комнатою, съ большимъ пестрымъ, вытканнымъ яркими цвѣтами, ковромъ на полу. По комнатѣ прыгали нѣсколько «дельфинчиковъ», т.-е. животныхъ, которыя, какъ я узналъ изъ подробнаго описанія больнаго, по виду своему представляли нѣчто среднее между настоящими, но только очень маленькими дельфинами и комнатными собачками. «Въ раю настоящія собаки не допускаются». На мое увѣреніе:—ну, это былъ сонъ!—больной живо возразилъ мнѣ: «нѣтъ, въ этотъ разъ—не сонъ, а видѣніе».—Однако, почему же? — «Да я видѣлъ такимъ же манеромъ, какъ теперь вижу; потомъ же я ужъ говорилъ вамъ, что я тогда не спалъ, а просто лежалъ, и глаза у меня были открыты». Спустя нѣсколько дней мнѣ снова вздумалось поговорить съ больнымъ объ этомъ «видѣніи», такъ какъ въ первый разъ я упустилъ узнать, что

*) Хотя я и говорю про „кортикальныя“ галлюцинаціи, я однако вовсе не принадлежу къ сторонникамъ теоріи проф. Тамбурини. На мой взглядъ, галлюцинаціи чисто кортикальнаго происхожденія, при нормальномъ, не помраченномъ сознаніи, т.-е. при свободномъ воспріятіи впечатлѣній изъ реальнаго внѣшняго міра, совершенно невозможны. Фактическія основанія для этого взгляда читатель найдетъ ниже.

именно дѣлалъ больной въ раю, какъ онъ себя держалъ тамъ. Оказалось, что М. А. помнитъ свое «видѣніе» превосходно и продолжаетъ отличать его отъ сновидѣній.—«Я лежалъ на своей койкѣ, на боку, вотъ въ этакомъ положеніи, съ открытыми глазами; сперва видѣлъ вотъ эту палату и койки, на которыхъ ужъ были улегшись другіе [больной помѣщается въ общей палатѣ]; потомъ вдругъ увидалъ, что я лежу въ томъ же положеніи, но ужъ не на кровати, а на полу, на коврѣ, совсѣмъ не въ такой комнатѣ, кроватей тамъ не было... Кругомъ меня скачутъ дельфинчики. Я мигнулъ глазомъ и снова очутился здѣсь, въ палатѣ»... Прибавлю, что этотъ больной, не будучи распрашиваемъ, никогда самъ ничего не разсказываетъ; къ интересничанію, къ рисовкѣ онъ ни мало не склоненъ, притомъ, съ его точки зрѣнія все равно—имѣть видѣніе во снѣ или имѣть его на яву, ибо въ томъ и другомъ случаѣ одинаково «все это Богъ показываетъ» ему.—Прежде онъ, по его словамъ, имѣлъ подобныя видѣнія чаще, иногда даже днемъ; въ послѣдніе же годы видѣнія рѣдки, ему «теперь Богъ посылаетъ больше сны».

И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что больные, разсказывая намъ о вещахъ, сенсоріально ими пережитыхъ, смѣшиваютъ иногда сновидѣнія и галлюцинаціи, подобныя сновидѣнію: эти состоянія сами по себѣ весьма близки между собою. И такое смѣшиваніе, какъ видно изъ всего, только что сказаннаго, совершенно не зависитъ отъ обмана воспоминанія.

Однако, можетъ быть и такой случай: больной имѣлъ сновидѣніе (или патологическую кортикальную галлюцинацію,—въ данномъ случаѣ это все равно), затѣмъ нѣкоторое время по прекращеніи галлюцинаторнаго состоянія сознавалъ различіе между пережитымъ имъ во время этого состоянія и пережитымъ имъ въ дѣйствительности, но впослѣдствіи потерялъ это различіе. Въ этомъ случаѣ воспоминаніе о раньше испытанномъ сновидѣніи или о раньше испытанной галлюцинаціи смѣшивается больнымъ съ воспоминаніемъ объективнаго воспріятія; здѣсь дѣйствительно имѣетъ мѣсто обманъ воспоминанія; поводомъ къ такому обману съ моей точки зрѣнія, одинаково могутъ явиться—обыкновенное сновидѣніе, настоящая (кортикальная) галлюцинація, собственно псевдогаллюцинація, наконецъ, какъ въ примѣрѣ, приводимомъ Гагеномъ на стр. 20 простая игра фантазіи *).

*) На стр. 21 Гагенъ приводитъ два примѣра, чтобы показать, что поверхностное наблюденіе находитъ галлюцинаціи тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но первый примѣръ въ сущности ничего не доказываетъ. „Каменщикъ, страдавшій маніею съ неопредѣленными ложными идеями и галлюцинаціями слуха, однажды вскричалъ: „выпустите меня, тамъ кто-то повѣсился". Я отворилъ дверь изоляціонной комнаты, и больной устремилъ свой взоръ въ коридоръ. — Никто не виситъ тамъ, замѣтилъ ему я. — „Тамъ, въ лѣсу онъ повѣсился; надобно вынуть его изъ петли", возразилъ больной, указывая рукою вдаль. Тогда я ему указалъ, что изъ его комнаты черезъ окно коридора нельзя видѣть лѣса. „Я только что подумалъ объ этомъ", было мнѣ отвѣтомъ". Конечно, этотъ больной (повидимому, paranoia hallucinatoria acuta или subacuta) могъ просто лишь вообразить себѣ, что въ лѣсу виситъ удавленникъ. Но такъ какъ онъ страдалъ галлюцинаціями слуха, то нѣтъ ничего мудренаго, что о повѣсившемся ему сообщили галлюцинаторные голоса. Другой примѣръ, какъ кажется, представляетъ не простое живое представленіе, а именно зрительную псевдогаллюцинацію (псевдогаллюцинацію — въ моемъ, а не въ Гагеновскомъ смыслѣ) и именно этотъ примѣръ, у Гагена въ этомъ родѣ единственный, ясно показываетъ, что случаи Гагеновскихъ псевдогаллюцинацій далеко не могутъ быть обняты терминами: „обманъ воспоминанія", „бредъ воспоминанія".

Но если какое нибудь, впервые явившееся въ сознаніи, представленіе принимается за воспоминаніе дѣйствительнаго воспріятія, то это въ большинствѣ случаевъ будетъ уже не обманомъ воспоминанія, а тѣмъ, что теперь обыкновенно называется **двойственнымъ представленіемъ** или **двойственнымъ воспріятіемъ**. Это психопатологическое явленіе, зависящее отъ отсутствія полной одновременности въ дѣятельности двухъ полушарій большаго мозга, иногда тоже можетъ быть ошибочно принято, со стороны врача, за галлюцинацію.

Прошлою зимою мнѣ встрѣтился случай, ясно показывающій связь между двойственными представленіями и неравномѣрною дѣятельностью полушарій большаго мозга. Больной, отставной чиновникъ Бэр..., 40 лѣтъ, страдалъ общимъ прогрессивнымъ параличемъ. Однажды утромъ, придя въ отдѣленіе, я, первымъ дѣломъ, направился въ комнату этого больнаго и сталъ съ нимъ здороваться. «Мы съ вами только что видѣлись», говоритъ (bradyphrasia et pararthria paretica) Бэр..., съ недоумѣніемъ смотря на меня.—Когда же?—«Да сейчасъ... Вы, точно такъ же какъ теперь, подошли ко мнѣ, также (вторично протягиваетъ мнѣ свою руку), подали мнѣ руку... такъ что сегодня мы уже здоровались съ вами»... Галлюцинаціи у этого больнаго ни разу не были констатированы, и потому я, подумавъ сперва, что дѣло идетъ объ обманѣ воспоминанія, возразилъ: вы ошибаетесь, Карлъ Ивановичъ, сегодня мы не видѣлись съ вами и вы вспомнили теперь то, что могло быть лишь вчера.—«Ну вотъ... вотъ... и эту самую фразу вы сегодня же уже раньше мнѣ сказали», живѣе обыкновеннаго выговорилъ Бэр... и выразилъ на своемъ лицѣ еще большее недоумѣніе, очевидно, не зная, что для него лучше, — смѣяться ли

по поводу моихъ шутокъ, или обидѣться. Лѣвый его зрачекъ оказался расширеннымъ, а конецъ высунутаго языка — уклоняющимся въ правую сторону, тогда какъ раньше, при общемъ парэтическомъ состоянии, иннервація мышцъ была на обѣихъ сторонахъ тѣла одинакова. Рѣзкое удвоеніе представленій наблюдалось въ этотъ разъ у больнаго три дня подъ рядъ, и послѣ того, раза 2—3, замѣчалось на короткое время именно въ началѣ тѣхъ періодовъ, когда иннервація мышцъ обѣихъ сторонъ тѣла становилась особенно неравномѣрною.

3. По мнѣнію Гагена, за галлюцинацію можетъ быть ошибочно принята, наконецъ, просто—ложная идея больнаго. Здѣсь имѣется въ виду собственно насильственное мышленіе душевнобольныхъ. Насильственно-навязчивыя представленія обыкновенно носятъ характеръ чего-то посторонняго, чего-то являющагося индивидууму извнѣ,—и вотъ по этой-то причинѣ будто бы и возможно смѣшеніе ихъ (вѣроятно, не со стороны больнаго, а со стороны его врача) съ галлюцинаціями. Гагенъ приводитъ въ связь съ насильственнымъ мышленіемъ (l. с. рр. 25, 26) всѣ тѣ случаи, когда больные слышатъ въ себѣ внутренніе голоса, разсказываютъ, что въ головѣ ихъ говоритъ посторонній имъ духъ, считаютъ себя находящимися въ таинственномъ общеніи съ Богомъ или съ дьяволомъ, а также, когда они жалуются, что мысли фабрикуются для нихъ посторонними лицами или что окружающіе узнаютъ всѣ ихъ мысли при первомъ возникновеніи послѣднихъ, и потомъ имъ же (т.-е. больнымъ) передаютъ эти мысли обратно, путемъ таинственнаго внутренняго общенія. Однако, по моему мнѣнію, здѣсь соединены въ одну рубрику явленія, весьма различнаго происхожденія и значенія, а именно: a) явленія, дальше мною описываемыя подъ названіемъ собственно псевдогаллюцинацій слуха; b) простыя (не образныя) насильственныя представленія; c) ложныя идеи вторичнаго происхожденія, возникшія въ непосредственной зависимости отъ содержанія слуховыхъ галлюцинацій; d) вторичныя ложныя идеи, явившіяся въ качествѣ неизбѣжнаго логическаго вывода изъ самаго факта галлюцинаторныхъ слуховыхъ воспріятій. Обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, насколько они относятся къ предмету настоящей статьи, будетъ рѣчь дальше.

Такимъ образомъ я покончилъ съ обзоромъ Гагеновскихъ псевдогаллюцинацій, въ основаніи которыхъ, по мнѣнію самаго автора, въ большинствѣ случаевъ лежатъ ошибки воспоминанія. Трактуя о психопатологическихъ явленіяхъ, нерѣдко принимаемыхъ ошибочно (врачами) за галлюцинаціи, Гагенъ разумѣлъ подъ именемъ псевдогаллюцинаціи факты, къ сферѣ чувственнаго воспріятія вовсе не относящіеся *). Замѣчу, что проф. Гагенъ, повидимому, не имѣлъ намѣренія исчерпать всего вопроса о псевдогаллюцинаціяхъ, а говорилъ о послѣднихъ лишь мимоходомъ

III.

Изъ псевдогаллюцинацій въ смыслѣ проф. Гагена, назвавшаго такъ всѣ тѣ субъективныя явленія, которыя (какъ, напр., обманы воспоминанія), не будучи галлюцинаціями, тѣмъ не менѣе нерѣдко бываютъ ошибочно принимаемы за таковыя, я выдѣляю группу явленій заслуживающихъ, по моему мнѣнію, особаго названія. Для этой группы, за неимѣніемъ лучшаго термина, я буду употреблять обозначеніе «псевдогаллюцинаціи въ тѣсномъ смыслѣ слова» или, просто «псевдогаллюцинаціи» **), разумѣя здѣсь тѣ случаи, гдѣ, въ результатѣ субъективнаго возбужденія извѣстныхъ (какъ послѣ будетъ видно, кортикальныхъ) сенсоріальныхъ областей головнаго мозга, въ сознаніи являются весьма живые и чувственно до край-

*) Только на стр. 26 онъ, мелькомъ, упоминаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ idée fixe можетъ быть принята за галлюцинацію, представленія больныхъ могутъ имѣть „большую чувственную живость“, но не останавливается, однако, на этихъ явленіяхъ далѣе.

**) Будучи, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ весьма близкими къ галлюцинаціямъ, этого рода субъективныя явленія все-таки же не суть галлюцинаціи; поэтому, обозначеніе „психическія галлюцинаціи“ сюда не годится, терминъ же „псевдогаллюцинаціи“ представляется здѣсь наиболѣе приличествующимъ. Гагеновскія же псевдогаллюцинаціи (подстановка пережитаго мыслью на мѣсто пережитаго чувственною сферою, обманы воспоминанія) суть не болѣе какъ „мнимыя галлюцинаціи“. Я знаю, что противъ пригодности въ наукѣ терминовъ съ приставкою „псевдо“ можно сказать многое (см., напр., H. Neumann, Leitfaden der Psychiatrie, Breslau, 1883, p. 24). Но для меня важно не слово, а понятіе, которое требуется охарактеризовать словомъ; поэтому, я ничего не имѣю противъ того, чтобы тѣ субъективныя явленія, къ которымъ я прилагаю теперь терминъ „pseudohallucinationes“, были названы, напр., „hallucinoides“, „illuminationes“, „illustrationes“ или какъ нибудь иначе.

ности опредѣленные образы (т. е. конкретныя чувственныя представленія), которые, однако, рѣзко отличаются, для самого воспріемлющаго сознанія, отъ истинно-галлюцинаторныхъ образовъ тѣмъ, что не имѣютъ присущаго послѣднимъ характера объективной дѣйствительности, но, напротивъ, прямо сознаются какъ нѣчто субъективное, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, — какъ нѣчто аномальное, новое, нѣчто, весьма отличное отъ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи. Этого рода субъективныя явленія, подобно галлюцинаціямъ, возможны во всякой чувственной сферѣ, но у душевно-больныхъ зрительныя псевдогаллюцинаціи наиболѣе рѣзко отдѣляются, съ одной стороны отъ настоящихъ галлюцинацій, съ другой,—отъ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи.

Слѣдующій примѣръ достаточно ясно покажетъ, что псевдогаллюцинаціи суть субъективныя явленія, совершенно независимыя отъ обмановъ воспоминанія, и что онѣ отличаются весьма опредѣленнымъ чувственнымъ характеромъ, именно, бываютъ зрительными и слуховыми (въ сферѣ прочихъ чувствъ ихъ, понятно, не легко отдѣлить отъ истинныхъ галлюцинацій).

Дм. Переваловъ, 37 лѣтъ, бывшій техникъ Обуховскаго сталелитейнаго завода, боленъ съ 1875 года (paranoia chronica, т. е. хроническій бредъ преслѣдованія) и находится въ нашей больницѣ съ февраля 1879 года. Какъ изъ многократныхъ и продолжительныхъ личныхъ объясненій съ этимъ больнымъ, такъ и изъ изученія крайне внимательно и терпѣливо веденнаго имъ (съ 1876 года и по настоящее время) дневника, я убѣдился, что бредъ преслѣдованія систематизировался у Перевалова еще въ 1876 году, когда онъ страдалъ лишь насильственно навязчивыми представленіями и ложными идеями; настоящія же галлюцинаціи слуха, продолжающіяся и по нынѣ, присоединились лишь съ начала 1878 года. Бредъ больнаго имѣетъ въ настоящее время чисто частный характеръ (при чемъ больной не представляетъ замѣтнаго ослабленія умственныхъ способностей) и состоитъ, въ главнымъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Вздумавъ вчинить крупный искъ къ Обуховскому заводу, онъ, Переваловъ, будто бы долженъ былъ сильно затронуть интересы многихъ высокопоставленныхъ въ Петербургѣ лицъ, и вслѣдствіе того сталъ жертвою «упражненій токистовъ». «Токисты» суть ничто иное какъ корпусъ тайныхъ агентовъ, употребляемый нашимъ пресловутымъ 3-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи для вывѣдыванія намѣреній и мыслей лицъ, опасныхъ правительству, и для тайнаго наказанія этихъ лицъ.

Однако, Переваловъ не считаетъ себя государственнымъ преступникомъ, а полагаетъ, что «токисты» приставлены къ нему частію для того, чтобы они могли на немъ пріобрѣсти необходимый навыкъ въ своемъ искусствѣ, частію же по злоупотребленію со стороны тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которымъ нужно, чтобы дѣло его съ Обуховскимъ заводомъ не двигалось впередъ. Переваловъ постоянно находится подъ вліяніемъ тридцати токистовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ служебной іерархіи и раздѣляющихся на нѣсколько, поочередно работающихъ смѣнъ. Подвергши, еще въ 1876 году, голову Перевалова дѣйствію гальваническаго тока, они привели Перевалова въ «токистическую связь» (нѣчто въ родѣ магнетическаго rapport'а) съ собою, и въ такой же связи они состоятъ и между собою во время работы надъ нимъ. Въ силу таковой связи всѣ мысли и чувства Перевалова передаются изъ его головы въ головы токистовъ; эти же послѣдніе, дѣйствуя по опредѣленной системѣ, могутъ, по своему произволу, вызывать въ головѣ Перевалова тѣ или другія мысли, чувства, чувственныя представленія, а также разнаго рода ощущенія въ сферѣ осязанія и общаго чувства. Кромѣ того, эти невидимые преслѣдователи, будучи скрыты по близости отъ Перевалова, доѣзжаютъ послѣдняго, между прочимъ, и «прямымъ говореньемъ», при чемъ произносимыя ими (болѣе или менѣе громко) слова и фразы прямо, т. е. обыкновеннымъ путемъ, черезъ воздухъ, переносятся къ Перевалову и воспринимаются имъ черезъ посредство внѣшняго органа слуха. Въ частности, способы дѣйствія токистовъ на Перевалова весьма разнообразны; самъ больной различаетъ восемь такихъ способовъ:

a) «прямое говоренье» ругательныхъ фразъ, насмѣшливыхъ замѣчаній нецензурностей и пр. (галлюцинаціи слуха);

b) «искусственное вызываніе разнаго рода ощущеній» въ его кожѣ какъ-то: ощущеній зуда, царапанья, щекотанья, жженія, уколовъ и проч. (галлюцинаціи осязанія). Больной полагаетъ, что какъ при этомъ, такъ и при всѣхъ послѣдующихъ способахъ токистъ, состоящій въ данную минуту въ таинственной связи съ нимъ, долженъ въ самомъ себѣ вызвать, посредствомъ тѣхъ или другихъ пріемовъ, извѣстное ощущеніе (respective—представленіе, чувствованіе, etc.) съ тѣмъ, чтобы передать послѣднее ему, Перевалову; для этого токистъ царапаетъ себя булавкою, жжетъ себѣ руки и лицо горящею спичкою или огнемъ папиросы и т. п.;

c) «искусственное вызываніе» у него токистами разнаго рода чувствованій, равно какъ и общихъ ощущеній, какъ-то: чувства недомоганія, неохоты работать, сладострастія, злобы, «безпричинныхъ испуговъ» и проч.

d) «искусственное вызываніе» у него непріятныхъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній. Наприм., взявъ въ свой ротъ вещество противнаго вкуса, дѣйствующій въ данную минуту токистъ заставляетъ Перевалова испытывать ощущеніе этого вкуса; нюхая изъ стклянки, наполненной за-

тнившею мочею, или поднося къ своему носу захваченный на палецъ калъ, токисты заставляютъ Перевалова страдать отъ зловонія и проч. (галлюцинаціи вкуса и обонянія).

e) Токисты, какъ говоритъ Переваловъ, фабрикуютъ для него мысли, т. е. они искусственно (пріемами, понятными изъ вышесказаннаго) вводятъ въ его голову различнаго рода представленія, по преимуществу навязчиво-мучительнаго свойства (насильственное мышленіе, Zwangsdenken).

f) Токисты заставляютъ самого Перевалова «мысленно говорить», даже въ то время, когда онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержаться отъ такого «внутренняго говоренія»; при этомъ токисты усиленно иннервируютъ свой языкъ, произнося мысленно опредѣленнаго содержанія фразу (всего чаще тенденціозную) и «переводятъ» эту двигательную иннервацію на Перевалова; тогда послѣдній не только сознаетъ, что ему искусственно «навязана» мысль въ рѣзко опредѣленной словесной формѣ, но и долженъ пускать въ ходъ сознательныя усилія, чтобы подавить въ себѣ насильственную двигательную иннервацію органа рѣчи и не сказать вслухъ того, что его «заставляютъ выговорить токисты» *).

g) Далѣе, токисты, какъ выражается больной, насильственно приводятъ у него въ дѣйствіе воображеніе, при чемъ заставляютъ его видѣть не внѣшнимъ органомъ зрѣнія, а «умственно», различнаго рода образы, почти всегда весьма живые и ярко окрашенные. Эти образы одинаково видны какъ при закрытыхъ, такъ и при открытыхъ глазахъ. Самъ больной отлично знаетъ, что это—ничто иное, какъ яркіе продукты непроизвольной дѣятельности его воображенія; но такъ какъ эти образы (ихъ-то я и называю собственно псевдогаллюцинаціями зрѣнія) большею частію отвратительны и мучительны для Перевалова, такъ какъ они

*) Max Simon (Les invisibles et les voix; Lyon médical. 1880. Nn. 48 et 49), разсматривая психическія галлюцинаціи Бэлларже, приходитъ къ заключенію, что это — не галлюцинаціи, но ничто иное какъ „impulsion de la fonction du langage“, и что, возросши до значительной силы, таковой импульсъ ведетъ къ дѣйствительному говоренью, такъ что получается, характерная для маніаковъ, безпорядочная болтовня. Что касается до меня, то я знакомъ со многими случаями насильственной иннерваціи двигательнаго аппарата рѣчи, но полагаю, что этимъ путемъ можно объяснять лишь небольшую часть тѣхъ субъективныхъ явленій, которыя я называю псевдогаллюцинаторными; такъ, весьма естественно считать „внутреннее (мысленное) говореніе“ самихъ больныхъ результатомъ непроизвольной или даже насильственной иннерваціи центральнаго аппарата рѣчи, но нѣтъ никакой возможности объяснять этимъ путемъ „внутреннее слышаніе“ больныхъ. Но Максъ Симонъ прилагаетъ упомянутое объясненіе ко всѣмъ случаямъ психическихъ галлюцинацій, область которыхъ является у него еще болѣе ограниченною, чѣмъ у Бэлларже, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду лишь случаи „où il semble aux malades, qu'ils parlent en eux“.

появляются и держатся передъ его душевными очами не только независимо отъ его воли, но даже наперекоръ ей, такъ что при всѣхъ своихъ усиліяхъ онъ не въ состояніи отъ нихъ отдѣлаться, то больной убѣжденъ, что это явленіе искусственное. Онъ объясняетъ себѣ дѣло такъ: для пущаго его мученія, токисты нарочно раздражаютъ, искусственными средствами, свое воображеніе и вызываютъ въ себѣ опредѣленные, весьма яркіе зрительные образы съ тѣмъ, чтобы перевести ихъ на него.

Наконецъ, h) кромѣ «прямаго говоренія» токисты устраиваютъ Перевалову «говореніе посредствомъ тока»; при этомъ больной долженъ внутренно (а не ушами, какъ при «прямомъ говореніи») слышать то, что хотятъ его заставить слышать токисты, хотя бы въ данную минуту о соотвѣтственныхъ вещахъ ему совсѣмъ нежелательно было думать; весьма часто при этомъ Переваловъ слышитъ внутренно повтореніе словъ, раньше дѣйствительно слышанныхъ имъ отъ врачей, или словъ, когда-то давно произнесенныхъ въ его присутствіи кѣмъ-либо изъ лицъ его окружавшихъ (это внутреннее слышаніе есть собственно псевдогаллюцинированіе слухомъ).

«Токистическія упражненія» надъ Переваловымъ ведутся непрерывно съ 1876 года. До 1878 года «прямаго говоренія» (т. е. настоящихъ галлюцинацій слуха) не было, ибо «тогда токистамъ было приказано весть упражненія въ молчанку». Въ первое время этого оперированія преобладалъ слѣдующій «способъ»: токисты, разными пріемами, вызывали «натуральный испугъ» у одного изъ своей среды, спеціально назначеннаго для этой функціи; разумѣется, испугъ моментально сообщался Перевалову, приведенному въ данную минуту въ «токистическую связь» съ этимъ спеціалистомъ. Врачи, больничная прислуга, окружающіе больные не причисляются Переваловымъ къ преслѣдователямъ; но власть врачей недостаточна для того, чтобы помѣшать токистическимъ упражненіямъ. Послѣднія въ настоящее время ведутся постоянно, не прерываясь и по ночамъ. Ночью, если Переваловъ спитъ неполнымъ сномъ, то токисты продолжаютъ дѣйствовать всѣми вышеперечисленными пріемами, употребляемыми ими днемъ, между прочимъ даже «прямымъ говореньемъ», ибо въ состояніи неполнаго сна Переваловъ, по его объясненіямъ, можетъ слышать ушами всѣ раздающіеся около него звуки, а потому слышитъ и фразы, прямо произносимыя токистами. Если же Переваловъ заснетъ очень крѣпко, то токисты дѣйствуютъ всѣми прежними способами, за исключеніемъ «прямаго говоренья», въ особенности же любятъ ему «дѣлать сладострастные сны», «устраивать поллюціи» и т. п. Различные пріемы токистическаго оперированія идутъ въ перемежку одинъ съ другимъ. Чтобы показать самый ходъ токистическихъ упражненій надъ Переваловымъ, я дѣлаю выписку изъ его дневника, отличающагося точностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лаконизмомъ. Но такъ какъ этотъ дневникъ изобилуетъ своеобразными техническими терминами, безъ знакомства съ языкомъ боль-

наго совершенно непонятными, то я прибавляю, въ ломаныхъ скобкахъ свои замѣчанія и поясненія и притомъ дѣлаю это на основаніи подробныхъ и точныхъ распросовъ больнаго относительно того или другого акта «упражненій», происходившихъ въ данные дни; круглыя скобки принадлележатъ самому больному.

«11 декабря 1881.... Въ ночи на 9, 10 и 11 декабря—говоренье [галлюц. слуха] съ безпрестанными воображеніями [зрит. псевдогалл.], недаваніе спать до полуночи и бужевіе рано утромъ, отчего они [токисты] спятъ днемъ и послѣ обѣда, чему уже и я долженъ послѣдовать. Днемъ—недаваніе мнѣ, какъ и прежде, заниматься (французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ) подговорами [слух. галлюцинацін], похабщиною [частію простыя навязчивыя представленія, частію неотвязныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія], зудомъ, уколами [галлюц. или иллюзіи кожнаго чувства], а равно и чувствомъ нежеланія. Во всѣ дни дежурства верхняго токиста (во второмъ этажѣ) напоминаніе, мышленіемъ и прямымъ говореніемъ, какъ я стоялъ наканунѣ передъ Дюк.... [главный врачъ больницы] съ толкованіемъ [опять какъ галлюц., такъ и псевдогаллюц. слуха], что самъ онъ, токистъ, такъ стоялъ въ эту минуту и что все это было продѣлано для приходившаго тогда съ д-ромъ Дюк... штатскаго (это О., членъ правленія Обуховскаго завода) [«смѣшеніе въ личностяхъ»]. Передъ сномъ—вооображеніе токистомъ, находящимся за оградою, половаго члена [зрит. псевдогаллюц.]».

«12 декабря. Всю ночь—въ полуснѣ прямое говореніе [слухов. галлюц.] съ воображеніями [псевдогаллюц. зрѣнія], добываніе моего говоренья во снѣ [насильственная иннервація центральнаго аппарата рѣчи, не будучи подавляема полуспящимъ больнымъ, въ самомъ дѣлѣ заставляетъ дѣйствовать голосовой аппаратъ: Пер..., по свидѣтельству его сосѣдей по койкамъ, нерѣдко дѣйствительно говоритъ во снѣ]. Разбуженъ около 3-хъ часовъ ночи; послѣ того,—продолженіе приставаній, совмѣстно съ говореньемъ [разнаго рода псевдогаллюц., вмѣстѣ съ галлюц. слуха]. Изъ столярной особеннымъ токомъ вызвано внутреннее слышаніе [псевдогаллюц. слуха], отчего другой токистъ (находящійся подо мною, въ нижнемъ этажѣ) пугается и потомъ, когда третій токистъ присоединяетъ къ сему мышленіе убійства и драки [насильственное мышленіе], раздражается на послѣдняго, послѣ чего между ними начинается взаимная руготня: «идіотъ!»... «мужикъ!»... и проч. [слухов. галлюц.]. За симъ послѣдовали обращенныя ко мнѣ дерзости, похабщина и проч. при безостановочномъ говореніи [галлюц.] изъ-за ограды больницы и при добавленіи къ сему такого же содержанія фразъ отъ токиста и токистки изъ того флигеля, гдѣ живетъ экономъ, съ поползновеніемъ смѣшить перефразированіемъ раньше случившагося и комическимъ представленіемъ событій («выигралъ сигару»). Утромъ—подговоры мнѣ матерщины. Во время чая—взаимное передразниваніе токистами другъ друга (ревность изъ за ходившихъ сюда нѣкоторое время швей) [за швей больной принялъ слушательницъ съ женскихъ медицинскихъ курсовъ, которыя иногда приходили посмотрѣть на больныхъ). До обѣда—шуточки и остроты [частію—просто насильственное мышленіе, частію псевдогаллюц. слуха] того токиста, который убѣжденъ, что приноситъ мнѣ пользу дѣланіемъ веселаго настроенія. Во время обѣда—вонь испражненій (это производитъ идіотъ, помѣщенный въ столярной, онъ нюхаетъ въ это время испражненія изъ бутылки или изъ бумажки) [галлюц. обонянія] и мышленіе о семъ [навязчивыя представленія]. Во время занятій нѣмецкимъ языкомъ — съ улицы подговоры, подшучиваніе [слухов. галлюц.], сбиваніе, за что токиста на верху—раздраженіе, а токистки изъ флигеля эконома—помоганіе... Далѣе, они стали дѣйствовать чувствами (заискиванія ихъ и надежды, что упражненія ихъ надо мною скоро вознаградятся), потомъ—взаимная ихъ ругня, за которою я мысленно принужденъ былъ слѣдить [слухов. псевдогаллюц.).. Вечеромъ, когда я писалъ записку брату, съ просьбою сдѣлать для меня нѣкоторыя покупки, токистъ въ верхнемъ отдѣленіи настаивалъ на табакѣ Лафермъ, а токистка изъ флигеля—на сигарахъ и словарѣ Рейфа [галлюц. слуха]; отъ сего нервный идіотикъ внизу млѣетъ отъ предвидѣнія какой-то ихъ удачи. При моемъ занесеніи сего въ тетрадку другой идіотъ оттуда же шепчетъ, шутовскимъ тономъ: «вотъ тебѣ и словарь Рейфа!» [слухов. галлюц.]. Затѣмъ, когда я принялся читать учебникъ французскаго языка Марго, начались подговоры [галлюц. слуха] въ чтеніи (по имѣющемуся у нихъ Марго?), перешедшіе въ задорныя приставанія ко мнѣ съ задорнымъ мышленіемъ [слухов. псевдогаллюц.], что «хотя пользы мнѣ (въ смыслѣ лѣченія меня) отъ нихъ нѣтъ, однако, они все-таки будутъ продолжать»... Когда я легъ спать, устраивали мнѣ сладострастное мышленіе, причемъ производили передъ моими глазами воображеніе [псевдогаллюц. зрѣнія] женскихъ половыхъ органовъ и проч. и проч.

Прежде чѣмъ обсуждать дѣло дальше, я позволю себѣ представить читателямъ еще двоихъ изъ моихъ больныхъ, именно тѣхъ, которые, по особымъ обстоятельствамъ, были для меня особенно полезными при моемъ изученіи галлюцинаторныхъ и псевдогаллюцинаторныхъ явленій; это покажетъ тѣ пріемы, которыми я пользовался при собираніи относящагося сюда клиническаго матеріала и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ручательство за подлинность и точность тѣхъ наблюденій, которыя будутъ, при дальнѣйшемъ изложеніи, приводиться по мѣрѣ надобности.

Николай Лашковъ, 24 лѣтъ, уѣздный врачъ, только что кончившій курсъ и поступившій на службу, психически заболѣлъ въ сентябрѣ 1881; будучи присланъ въ Петербургъ для лѣченія, помѣщенъ въ нашу

больницу 9 декабря 1881. Сильное наслѣдственное расположеніе къ душевнымъ страданіямъ, упадокъ питанія, анэмія. Ближайшая причина болѣзни—непріятности по службѣ и чрезмѣрное утомленіе отъ непосильной работы (при одновременномъ исполненіи обязанностей и уѣзднаго, и земскаго врача).—Первые три мѣсяца въ нашей больницѣ больной являлся меланхоликомъ: находился большею частію въ депрессивномъ настроеніи духа, двигался неохотно и крайне медленно, почти не отвѣчалъ на вопросы или же выражался весьма коротко и уклончиво, въ галлюцинаціяхъ не признавался, дѣлалъ покушенія на самоубійство, нѣсколько разъ пытался убѣжать изъ больницы. Затѣмъ и по внѣшней сторонѣ болѣзнь приняла характеръ paranoiae hallucinatoriae (subacutae); больной сталъ высказывать отдѣльныя идеи бреда преслѣдованія, отношеніе больнаго къ окружающему его стало дѣлаться аггрессивнымъ; хотя Лашковъ продолжалъ стараться не обнаруживать того, что внутренно имъ было переживаемо, тѣмъ не менѣе въ это время для врачей больницы сдѣлалось уже несомнѣннымъ, что онъ страдаетъ галлюцинаціями слуха. Въ такомъ состояніи больной былъ переведенъ въ отдѣленіе безпокойныхъ, которое завѣдывалось тогда мною. Нѣкоторые изъ моихъ коллегъ въ это время уже начинали терять надежду на его выздоровленіе, полагая, что меланхолія переходитъ въ неизлѣчимую вторичную форму. Я предпринялъ систематическое лѣченіе опіемъ, въ дозахъ, сперва постепенно увеличиваемыхъ, а потомъ—постепенно уменьшаемыхъ. Уже черезъ недѣлю такого лѣченія началось постепенное улучшеніе; въ особенности было изумительно вліяніе опія на быстрое ослабленіе галлюцинацій. Къ концу іюня 1882 года Лашковъ былъ уже почти здоровъ. Тогда я принялся подробно распрашивать выздоравливающаго и по исторіи болѣзни убѣдился, что данный случай принадлежалъ не къ меланхоліи, а къ галлюцинаторному первично-бредовому психозу (hallucinatorische primäre Verrücktheit, paranoia hallucinatoria idiopathica) въ подострой формѣ [первичное разстройство въ сферѣ представленія, въ началѣ—лишь одни навязчивыя представленія и отдѣльныя, мало устойчивыя ложныя идеи самостоятельнаго (первичнаго) происхожденія (Primordial-Delirien); уже черезъ 1—2 недѣли отъ начала болѣзни присоединились галлюцинаціи слуха, сперва интеркурентныя, потомъ сдѣлавшіяся постоянными; далѣе—вторичное развитіе ложныхъ идей и выработка сложнаго, постепенно систематизируемаго бреда, въ тѣсной зависимости отъ галлюцинацій слуха; наконецъ—непрерывное галлюцинированіе слухомъ, осязаніемъ и общимъ чувствомъ]. Подъ вліяніемъ опія сначала исчезли, весьма быстро, галлюцинаціи осязанія и общаго чувства; затѣмъ начали ослабѣвать и слуховыя галлюцинаціи, и больной сталъ постепенно поправляться. Въ августѣ Лашковъ выписался изъ больницы уже довольно окрѣпшимъ и отправился на мѣсто службы, блистательно доказавъ мнѣ свою способность къ умственной работѣ и вполнѣ объективное отношеніе къ перенесенной болѣзни.

Выздоровѣвшій Лашковъ оказался интеллигентнымъ, довольно наблюдательнымъ и очень любознательнымъ субъектомъ. Изъ благодарности за свое исцѣленіе, онъ готовъ былъ взять на себя всякій трудъ, лишь бы доставить мнѣ удовольствіе. При такихъ условіяхъ съ моей стороны было бы непростительнымъ, еслибы я не извлекъ изъ Лашкова всего того, что онъ въ состояніи былъ мнѣ дать относительно выясненія подробностей своей болѣзни вообще и нѣкоторыхъ изъ ея симптомовъ въ частности. И вотъ тогда начались между нами частыя и продолжительныя бесѣды. Галлюцинаторныя и псевдогаллюцинаторныя явленія (ихъ оказалась громадная масса, ибо болѣзнь значительнѣйшею своею частью именно изъ этихъ явленій и состояла) въ воспоминаніи Лашкова были въ это время очень живы; слуховыя галлюцинаціи Лашкова при началѣ нашихъ занятій еще не успѣли вполнѣ прекратиться и послѣдній слѣдъ ихъ исчезъ лишь мѣсяцемъ позже. Послѣ того, какъ я уже многое самъ записалъ по устнымъ разсказамъ Лашкова, послѣдній самъ предложилъ мнѣ, что онъ напишетъ для меня полную исторію своей болѣзни и подробно, и возможно точно изобразитъ свои галлюцинаціи такъ, какъ онѣ были въ дѣйствительности, при чемъ постарается не примѣшивать въ описаніе своихъ теоретическихъ соображеній (съ психіатріею Лашковъ былъ знакомъ только по краткимъ лекціямъ своего профессора). Я далъ ему подробную инструкцію, указалъ, какіе пункты требуютъ особенно внимательнаго выясненія и поставилъ ему, на бумагѣ, цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ долженъ былъ постараться дать мнѣ возможно точные отвѣты. Лашковъ горячо принялся за работу и полтора мѣсяца неустанно писалъ свои воспоминанія. Въ четырехъ толстыхъ тетрадяхъ вмѣстились только первыя двѣ трети теченія болѣзни, когда до выхода Лашкова изъ больницы оставалось лишь двѣ недѣли. Тогда, для сокращенія дѣла, мы поступили такъ: Лашковъ сдѣлалъ на бумагѣ перечень отдѣльныхъ фактовъ за остальную треть теченія болѣзни, раздѣливъ ихъ, по собственной иниціативѣ, на слѣдующіе классы: «зрительныя галлюцинаціи»; «экспрессивно-пластическія представленія» (такъ мой паціентъ назвалъ явленія, мною теперь описываемыя подъ названіемъ псевдогаллюцинацій зрѣнія); «слуховыя галлюцинаціи» (ихъ отмѣчено всего больше); «ложныя ощущенія» (въ этой рубрикѣ записаны галлюцинаціи кожнаго и мышечнаго чувства, а также и галлюцинаціи общаго чувства); послѣдній классъ — «бредъ» (ложныя идеи и насильственныя представленія). По этому списку я, впродолженіи нѣсколькихъ долгихъ бесѣдъ, получилъ отъ Лашкова подробныя устныя описанія и при этомъ снова останавливался на тѣхъ пунктахъ, выясненіе которыхъ меня занимало по преимуществу. Эти бесѣды, вмѣстѣ съ тетрадями записокъ Лашкова, доставили мнѣ цѣнный казуистическій матеріалъ, изъ котораго я буду приводить, отдѣльными примѣрами, то, что мнѣ понадобится для иллюстрированія моего изложенія.

Мих. Долининъ, 38 лѣтъ отъ роду, бывшій артиллерійскій офицеръ, а потомъ—военный врачъ былъ боленъ галлюцинаторнымъ первично-бредовымъ психозомъ (paranoia hallucinatoria); болѣзнь имѣла сначала подъострый характеръ, но потомъ получила болѣе хроническое теченіе. Съ внѣшней стороны картина болѣзни напоминала меланхолію, тѣмъ болѣе, что подъ вліяніемъ бреда и галлюцинацій слуха больной много разъ пытался окончить жизнь самоубійствомъ. Во время своей болѣзни Долининъ уклонялся сообщать объ испытываемомъ имъ окружающимъ, отдѣлывался при распросахъ врачей отвѣтами самыми общими и неопредѣленными или же просто не хотѣлъ ничего говорить. Онъ страдалъ главнымъ образомъ отъ постояннаго галлюцинированія слухомъ и кромѣ того имѣлъ галлюцинаціи осязанія и общаго чувства; зрительныя галлюцинаціи становились частыми (временами онѣ шли даже непрерывнымъ рядомъ) только въ періоды сильныхъ экзацербацій, въ прочее же время онѣ являлись лишь эпизодически. Наслѣдственнаго предрасположенія въ данномъ случаѣ не было. Причины болѣзни — умственное утомленіе отъ работы по ночамъ, временно затруднительныя обстоятельства жизни и злоупотребленіе спиртными напитками, послѣднее, впрочемъ, въ размѣрахъ, обыкновенныхъ для людей военныхъ. Послѣ этой первой душевной болѣзни, продолжавшейся болѣе полуторыхъ лѣтъ, Долининъ въ теченіи 4 лѣтъ пользовался полнымъ психическимъ здоровьемъ и не безъ нѣкотораго успѣха продолжалъ свою, начатую раньше карьеру. Онъ передалъ мнѣ свои записки, составленіе которыхъ было начато имъ въ то время, когда онъ, пріобрѣвъ вполнѣ объективное отношеніе къ кончавшейся болѣзни, еще не вполнѣ освободился отъ галлюцинацій слуха; не будучи психіатромъ по профессіи, онъ не разсчитывалъ самъ сдѣлать надлежащее употребленіе изъ этихъ мемуаровъ. Кромѣ того, онъ былъ такъ любезенъ, что устно сообщилъ мнѣ массу любопытныхъ наблюденій какъ относительно слуховыхъ галлюцинацій, такъ и относительно различнаго рода псевдогаллюцинаторныхъ явленій. Впослѣдствіи Долининъ съ большою готовностью отдалъ себя въ мое распоряженіе для нѣкотораго рода маленькихъ экспериментовъ; именно, угощая его по временамъ, на ночь или въ теченіи дня, опіемъ или экстрактомъ индійской конопли, я вызывалъ у него очень живыя, такъ называемыя гипнагогическія галлюцинаціи и потомъ получалъ отъ него подробное изложеніе сдѣланныхъ имъ въ это время наблюденій. Путемъ такихъ экспериментовъ намъ удалось довольно порядочно изучить тѣ галлюцинаторныя и псевдогаллюцинаторныя явленія, которыя бываютъ испытываемы многими здоровыми людьми въ состояніи переходномъ отъ бодрствованія ко сну.

Вслѣдствіе новыхъ умственныхъ эксцессовъ, можетъ быть частью и подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ опытовъ искусственнаго вызыванія псевдогаллюцинацій и галлюцинацій (между прочимъ, Долининъ по собственной инициативѣ добился одно время умѣнья произвольно вызывать у себя галлюцинаціи слуха, по характеру совершенно однородныя съ тѣми непроизвольными слуховыми галлюцинаціями, которыми онъ страдалъ во время болѣзни), у Долинина, въ началѣ 1883 года, безъ всякихъ особенныхъ причинъ, внезапно вспыхнуло острое галлюцинаторное разстройство со смѣшаннымъ бредомъ преслѣдованія и величія. Въ это время, до наступленія stadii decrementi, Долининъ могъ лишь запоминать факты, субъективно переживавшіеся имъ, будучи совершенно порабощенъ своими галлюцинаціями и ложными идеями. На этотъ разъ болѣзнь протекла быстро, такъ что менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца способность здраваго критическаго отношенія къ болѣзненнымъ субъективнымъ фактамъ (какъ переживавшимся въ это время, такъ и пережитымъ до періода decrementi) вполнѣ возвратилась, но слуховое галлюцинированіе продолжалось, постепенно ослабѣвая, еще около мѣсяца. Понятно, что въ это время Долининъ имѣлъ полную возможность провѣрить свои прежнія самонаблюденія и сдѣлать новыя. Послѣ совершеннаго выздоровленія Долининъ былъ снова обслѣдованъ мною по отношенію къ псевдогаллюцинаціямъ и гипнагогическимъ галлюцинаціямъ, равно какъ и относительно чувственной живости обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи.

Изъ письменныхъ воспоминаній М. Долинина и его устныхъ сообщеній я буду, по мѣрѣ надобности, тоже извлекать отдѣльные примѣры.

Прочіе больные, на основаніи наблюденій надъ которыми я пишу этодъ этюдъ, особой рекомендаціи не требуютъ; большею частью это суть параноики-галлюцинанты въ различныхъ стадіяхъ своей болѣзни, или же выздоровѣвшіе отъ нея. На больныхъ наблюденія и распросы производились обыкновеннымъ путемъ, т.-е. по мѣрѣ того, какъ къ этому представлялся случай. Выздоровѣвшіе же субъекты подвергались подробному распрашиванію, по извѣстной системѣ.

IV.

Возвращаюсь къ описанію псевдогаллюцинаторныхъ явленій, въ смыслѣ опредѣленія, даннаго мною выше.

Псевдогаллюцинаціи бываютъ не только у душевно-больныхъ, гдѣ онѣ имѣютъ весьма большое значеніе, но иногда (при извѣстныхъ условіяхъ) также и у людей психически здоровыхъ. Только постороннее лицо, при поверхностномъ распросѣ больнаго, можетъ принять псевдогаллюцинаторныя чувственныя представленія за настоящія галлюцинаціи, въ сознаніи же самого больнаго, хотя бы и слабоумнаго (предполагая это сознаніе непомрачен-

нымъ) смѣшеніе этихъ двухъ родовъ субъективныхъ чувственныхъ фактовъ, по крайней мѣрѣ въ сферѣ зрѣнія, положительно невозможно *). Поэтому, имѣя въ данный моментъ псевдогаллюцинацію зрѣнія, больной, въ своемъ сознаніи, относится къ ней совсѣмъ не такъ какъ онъ отнесся бы къ субъективному чувственному воспріятію въ томъ случаѣ, еслибы оно было зрительною галлюцинаціею; послѣдняя для него—сама дѣйствительность; первая же остается субъективнымъ явленіемъ, которое обыкновенно считается больнымъ или за родъ откровенія, ниспосланнаго ему Богомъ въ знакъ особаго благоволенія къ нему, или же за искусственно произведенное въ немъ измѣненіе сознанія таинственными воздѣйствіями его невидимыхъ преслѣдователей.

Разумѣется, здѣсь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что изслѣдуемыя лица могутъ ввести изслѣдователя въ ошибку какъ неумышленно, такъ и умышленно. Встрѣчаются субъекты, даже между психически здоровыми людьми, которые охотно прививаютъ или, по крайней мѣрѣ, значительно преувеличиваютъ, въ разсказѣ, ими переживаемое или пережитое; это дѣлается обыкновенно изъ-за стремленія показать качества и способности другими людьми неимѣемыя. Отъ такой слабости иногда несвободны даже довольно развитые люди; въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, насколько авторы и художники наклонны преувеличивать успѣхъ или значеніе своихъ произведеній, на сколько часто страстные охотники уклоняются отъ истины въ повѣствованіяхъ о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ, на сколько часто очевидцы драматическихъ событій, при пересказываніи, стараются сдѣлать эти событія еще болѣе потрясающими, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Съ другой стороны, человѣкъ, знающій о галлюцинаціяхъ лишь по наслышкѣ, легко соединяетъ съ этимъ словомъ невѣрное понятіе, и въ силу этого совершенно

*) Разумѣется, я говорю это по отношенію ко времени самого явленія, а не по отношенію къ воспоминанію этого явленія. Воспоминаніе о псевдогаллюцинаціи (бывшей раньше, но исчезнувшей), конечно, можетъ быть ошибочно принято больнымъ за воспоминаніе о раньше испытанной галлюцинаціи, и такая ошибка, такое смѣшеніе, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ частнымъ случаемъ обмановъ воспоминанія. Здѣсь прекрасно видно несовпаденіе моего и Гагеновскаго понятія о псевдогаллюцинаціи; въ случаѣ только что упомянутаго обмана воспоминанія псевдогаллюцинаціею въ смыслѣ Гагена будетъ лишь фактъ смѣшенія или ошибки, но не моя псевдогаллюцинація sensu strictiori.

добросовѣстно можетъ, въ конкретномъ случаѣ, принять за галлюцинацію не только псевдогаллюцинацію, но и какое нибудь иное субъективное явленіе, еще менѣе имѣющее общаго съ настоящими галлюцинаціями. Весьма важно поэтому, если изслѣдуемый нами субъектъ по личному опыту знаетъ,—что такое истинная галлюцинація, тогда для него вполнѣ исключена возможность смѣшать галлюцинацію съ псевдогаллюцинаціею.

На слѣдующемъ конкретномъ случаѣ видно, на сколько различно больной, въ сознаніи своемъ, относится къ субъективному чувственному воспріятію, смотря по тому, будетъ последнее галлюцинаціею или лишь псевдогаллюцинаціею.

Коллега Лашковъ во время своей болѣзни былъ постоянно мучимъ галлюцинаціями слуха и осязанія и кромѣ того имѣлъ обильныя псевдогаллюцинаціи, въ особенности въ сферѣ зрѣнія. Однажды онъ вдругъ услыхалъ между голосами своихъ преслѣдователей («изъ застѣнка») довольно громкій голосъ, который настойчиво и медленно, съ раздѣльностью по слогамъ, произнесъ: «пе-ре-мѣ-ни под-данство!». Понявъ это внушеніе такъ, что у него единственное средство къ спасенію—перестать быть подданнымъ русскаго царя, больной на минуту задумался, какое подданство лучше, и рѣшилъ, что всего лучше быть англійскимъ подданнымъ. Въ этотъ самый моментъ онъ псевдогаллюцинаторно увидалъ, въ натуральную величину, льва, который, на секунду явившись передъ нимъ, быстро забросилъ свои переднія лапы ему на плечи; прикосновеніе этихъ лапъ живо почувствовалось больнымъ въ формѣ довольно болѣзненнаго мѣстнаго давленія (галлюцинація кожнаго чувства). Вслѣдъ за этимъ явленіемъ «голосъ изъ простѣнка» сказалъ: «ну, вотъ тебѣ левъ... теперь ты будешь императорствовать...» Тогда больной вспомнилъ, что «левъ есть эмблема Англіи». Образъ льва явился передъ Лашковымъ весьма живо и отчетливо, однако больной очень хорошо чувствовалъ, что видитъ льва, какъ онъ самъ послѣ выразился, «не тѣлесными, а духовными очами». Поэтому онъ ни мало не испугался льва, несмотря на то, что ощутилъ прикосновеніе его лапъ. Путемъ соображенія больной пришелъ къ убѣжденію, что льва ему «нарочно показали, съ цѣлью дать понять, что съ этого момента онъ будетъ подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ». Если бы левъ явился Лашкову въ настоящей галлюцинаціи, то больной, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ по выздоровленіи, сильно испугался бы и, можетъ быть, даже закричалъ бы или бросился бѣжать. Еслибы левъ былъ простымъ зрительнымъ образомъ, то Лашковъ не придалъ бы ему, какъ продукту собственной фантазіи, никакого отношенія къ галлюцинаторнымъ голосамъ, въ объективномъ происхожденіи которыхъ онъ въ то время былъ твердо убѣжденъ.

Псевдогаллюцинаторные чувственные образы отличаются отъ обыкновенныхъ чувственныхъ представленій, то-есть отъ нормальныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи, слѣдующими чертами.

1) Псевдогаллюцинаторные образы несравненно болѣе отчетливы и живы; при этомъ всѣ мельчайшія частности сложнаго чувственнаго образа (напр.: очертанія, разчлененность, отдѣльныя краски,—если дѣло идетъ о зрительной псевдогаллюцинаціи) являются въ сознаніи одновременно, въ подобномъ же взаимномъ соотношеніи по экстенсивности и по интенсивности, какъ и при непосредственномъ чувственномъ воспріятіи. Кромѣ того, субъективное явленіе здѣсь имѣетъ характеръ стойкости и непрерывности, такъ что когда такой чувственный образъ, передъ своимъ исчезновеніемъ, блѣднѣетъ, то блѣднѣетъ онъ во всѣхъ своихъ частяхъ и деталяхъ сразу. При обыкновенныхъ же чувственныхъ (напр., зрительныхъ) представленіяхъ, хотя бы образы были при этомъ, по очертаніямъ и краскамъ, относительно весьма отчетливы и опредѣленны, представленный предметъ никогда не является съ такою пластичностью, какъ при непосредственномъ воспріятіи, «но большею частію бываетъ какъ бы стертымъ или расплывающимся, то блѣднѣющимъ, то снова выступающимъ, нѣкоторыми своими частями или цѣлостностью, явственнѣе» *). Когда дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ образахъ, а о сложныхъ субъективныхъ картинахъ (ландшафты, внутренній видъ комнатъ, группы людей и т. п.), то это различіе видно всего рѣзче. Такимъ образомъ непрерывный характеръ (Stetigkeit) явленія, чувственная законченность послѣдняго, выработка въ немъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей,—все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ первый отличительный признакъ псевдогаллюцинацій.

2) Не только у больныхъ, но и у психически здоровыхъ людей псевдогаллюцинаціи отличаются отъ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи своею относительно малою зависимостью отъ сознательнаго мышленія и воли псевдогаллюцинирующаго лица. Наиживѣйшія псевдогаллюцинаціи всегда бываютъ совершенно спонтанными явленіями. Я имѣлъ возможность

*) Cp. C. S. Cornelius. Ueber die Wechselwirk. zwischen Leib und Seele. Halle. 1871, p. 80.

убѣдиться (см. дальнѣйшее изложеніе), что и въ періодѣ псевдогаллюцинированія произвольно вызываемыя въ сознаніи чувственныя воспоминанія и картины фантазіи большею частію и остаются таковыми, не превращаясь въ псевдогаллюцинаціи. Явившись спонтанно, псевдогаллюцинаторные образы не могутъ быть ни измѣнены, ни изгнаны изъ сознанія по произволу псевдогаллюцинирующаго субъекта. Такимъ образомъ, фантазированіе больныхъ весьма различно отъ псевдогаллюцинированія; въ сознаніи самихъ больныхъ (какъ напр. видно въ вышеприведенномъ случаѣ) псевдогаллюцинаторные образы обыкновенно рѣзко различаются отъ простыхъ продуктовъ фантазіи. Спонтанность (т. е. самопроизвольность) можетъ считаться вторымъ характеристичнымъ признакомъ псевдогаллюцинацій.

3) Обыкновенно между отдѣльными псевдогаллюцинаторными образами не бываетъ непосредственной логической связи, такъ что ни внѣшней, ни внутренней ассоціаціи здѣсь не усматривается. Впрочемъ, чрезвычайно обильныя и быстро одна другую смѣняющіяся псевдогаллюцинаціи при острой идеофреніи (paranoia acuta et subacuta) составляютъ, въ извѣстномъ смыслѣ, исключеніе изъ этого правила.

4) Псевдогаллюцинирующее лице при псевдогаллюцинированіи вовсе не имѣетъ чувства собственной внутренней дѣятельности; напротивъ, всякое нормальное представленіе, какъ абстрактное, такъ и живо чувственное, всякій актъ мышленія, воспоминанія и фантазированія, какъ извѣстно, бываетъ соединенъ въ сознаніи подлежащаго лица съ чувствомъ внутренней активности. Такимъ образомъ, характеръ рецептивности (въ томъ смыслѣ, какъ у Фехнера) есть третій существенный признакъ псевдогаллюцинаціи и, наравнѣ съ вышеприведенными первыми двумя признаками, онъ одинаково принадлежитъ какъ псевдогаллюцинаціямъ больныхъ людей, такъ и псевдогаллюцинаціямъ людей психически здоровыхъ. Чувство собственной внутренней активности не должно быть смѣшиваемо съ совершенно отличнымъ отъ него чувствомъ психической подавленности, которое возрастаетъ иногда до ощущенія внутренней боли; это послѣднее обыкновенно причиняется упорно навязчивыми представленіями, равно какъ и наиболѣе интенсивными псевдогаллюцинаціями душевнобольныхъ.

5) У душевнобольныхъ, въ особенности у меланхоликовъ и

у параноиковъ, псевдогаллюцинаціи почти всегда носятъ на себѣ характеръ навязчивости; при этомъ, часто будучи по содержанію своему крайне непріятными для больнаго, онѣ именно своею неотвязностью составляютъ для него большое мученіе. Нерѣдко бываетъ такъ, что весьма ограниченное число псевдогаллюцинацій, сдѣлавшихся, такъ сказать, стабильными, въ весьма значительной степени тормозитъ интеллектуальную дѣятельность больнаго. Напротивъ, псевдогаллюцинаціямъ здоровыхъ субъектовъ (напр., гипнагогическимъ) характеръ навязчивости обыкновенно несвойственен.

Различнаго рода псевдогаллюцинаціи играютъ большую роль во многихъ душевныхъ болѣзняхъ, въ особенности при острой и хронической идеофреніи, гдѣ онѣ оказываютъ на дальнѣйшее развитіе интеллектуальнаго бреда вліяніе, ничуть не меньшее чѣмъ настоящія галлюцинаціи.

Условія происхожденія псевдогалюцинацій могутъ быть всего удобнѣе изучаемы на здоровыхъ субъектахъ, предрасположенныхъ къ галлюцинаціямъ, напр. на выздоровѣвшихъ галлюцинантахъ.

Коллега М. Долининъ можетъ во всякое время произвольно вызывать въ себѣ весьма живыя чувственныя представленія воспоминанія и фантазіи; но псевдогаллюцинаціи (по преимуществу зрительныя) у него являются только или передъ засыпаніемъ (гипнагогическія псевдогаллюцинаціи), или же въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, которыя могутъ быть созданы и искусственно. Вотъ описаніе одного изъ его псевдогаллюцинаторныхъ сеансовъ. Вечеромъ 18 августа 1882 года, Долининъ принимаетъ 25 капель tincturae opii simplicis и продолжаетъ работать за письменнымъ столомъ. Часомъ позже онъ замѣчаетъ бо́льшую легкость теченія своихъ представленій, бо́льшую силу и ясность своего мышленія. Прекративъ работу активной преапперцепціи *), онъ, при ни мало не отуманенномъ сознаніи и не чувствуя ни малѣйшаго позыва ко сну или дремоты, наблюдаетъ въ теченіи часа крайне живыя и разнообразныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія: лица и цѣлыя фигуры видѣнныхъ

*) Я употребляю выраженіе „преапперцепція“ вмѣсто Вундтовскаго „апперцепція“, потому что психіатры болѣе привыкли понимать это послѣднее слово въ смыслѣ, приданномъ ему Шредеромъ ванъ-деръ-Колькъ и Кальбаумомъ. Въ субкортикальныхъ центрахъ чувствъ внѣшнія впечатлѣнія перципируются, въ кортикальныхъ чувственныхъ центрахъ апперципируются и, наконецъ,—они преапперципируются въ высшемъ центрѣ коры, служащемъ средоточіемъ дѣятельности яснаго сознанія.

имъ въ тотъ день людей, лица знакомыхъ, давно уже не встрѣчаемыхъ, никогда не виданныя личности; отъ времени до времени между этими образами втирались бѣлыя страницы книгъ, съ печатью различнаго шрифта и кромѣ того повторно являвшійся передъ внутреннимъ зрѣніемъ образъ желтой розы; далѣе, цѣлыя картины и группы, состоявшія изъ многихъ различно костюмированныхъ лицъ въ различныхъ относительныхъ положеніяхъ, однако всегда безъ движенія. Эти образы на секунду появляются передъ его внутренними очами и исчезаютъ, замѣняясь новыми образами, не имѣющими съ первыми видимой логической связи. Они рѣзко проэцируются наружу и кажутся находящимися передъ зрящимъ субъектомъ, однако не приводятся въ отношеніе къ черному полю зрѣнія закрытыхъ глазъ; чтобы видѣть эти образы, Долининъ долженъ отвлечься вниманіемъ отъ объективнаго поля зрѣнія закрытыхъ глазъ; напротивъ, фиксированіе вниманія на этомъ послѣднемъ немедленно прерываетъ смѣну псевдогаллюцинаторныхъ образовъ. Несмотря на многократныя попытки и усиленныя старанія, Долинину ни разу не удалось комбинировать какой-нибудь изъ этихъ субъективныхъ образовъ съ темнымъ зрительнымъ полемъ такъ, чтобы первый явился частью послѣдняго. Хотя рѣзкость очертаній и живость красокъ въ этихъ образахъ весьма значительны, хотя послѣдніе являются какъ бы передъ зрящимъ Долининымъ, эти образы вовсе не имѣютъ характера объективности: для непосредственнаго чувства Долинина кажется, что онъ видитъ ихъ не тѣми внѣшними тѣлесными глазами, которые видятъ темное поле зрѣнія съ возникающими въ немъ, время отъ времени, туманными свѣтовыми пятнами, но очами, какъ бы внутренними, находящимися гдѣ-то позади очей внѣшнихъ. Легко (разумѣется, приблизительно) оцѣниваемое удаленіе псевдогаллюцинаторныхъ зрительныхъ образовъ отъ зрящаго субъекта различно, у Долинина оно колеблется отъ 0,4 до 6,0 метровъ; размѣръ человѣческихъ фигуръ измѣняется отъ натуральной величины до размѣровъ фигуры на фотографической карточкѣ. Иногда (впрочемъ, относительно весьма рѣдко) бываетъ комбинація изъ двухъ образовъ, не имѣющихъ между собою ни малѣйшаго внутренняго отношенія, — совершенно такъ, какъ будто бы двѣ псевдогаллюцинаціи, не теряя своей самостоятельности, случайно связываются между собою. Напримѣръ, Долининъ видитъ псевдогаллюцинаторно заднюю стѣну (съ обоями на ней) незнакомой комнаты, съ дверью и мебелью вдоль стѣны; одновременно съ этимъ на переднемъ планѣ, въ очень близкомъ разстояніи отъ внутренняго зрящаго ока, помѣщается человѣческая голова (въ размѣрѣ головы на маленькомъ акварельномъ портретѣ), которая, находясь нѣсколько въ сторонѣ отъ главной линіи зрѣнія, закрываетъ собою часть видимой на заднемъ планѣ стѣны, совсѣмъ однако не принадлежа къ представляющейся внутреннему видѣнію комнатѣ.

Эти субъективныя явленія не галлюцинаціи; но это и не простыя чувственныя представленія, т.-е. обыкновенные (хотя бы и спонтанные) об-

разы воспоминанія и фантазіи. Разумѣется, образы воспоминанія, какъ спонтанные, такъ и произвольно вызванные, часто являются между настоящими псевдогаллюцинаціями и, благодаря этому обстоятельству, различіе между тѣми и другими для воспріемлющаго сознанія особенно замѣтно. Въ теченіе этого, такъ сказать, псевдогаллюцинаторнаго сеанса Долининъ остается въ креслахъ, лишь закрывши глаза; какъ уже было сказано, онъ въ это время далекъ отъ дремоты и скорѣе чувствуетъ увеличенную способность къ мозговой работѣ. Желая кончить наблюденіе, онъ ложится около 2 часовъ ночи въ постель, но почти до 4 час. утра не чувствуетъ приближенія сна. Псевдогаллюцинированіе зрѣніемъ продолжается, несмотря на желаніе Долинина прекратить его. Въ это время между псевдогаллюцинаторными образами начинаютъ появляться также настоящія галлюцинаціи зрѣнія, тождественныя съ «фантастическими зрительными явленіями» Іог. Мюллера и галлюцинаціями при засыпаніи у Фехнера. При возможности непосредственнаго сравненія галлюцинаторныхъ образовъ оказывается, что рѣзкое различіе между этими субъективными зрительными явленіями состоитъ не въ одной ихъ различной живости, но главнымъ образомъ въ томъ, что галлюцинаторныя явленія представляютъ, для самого воспріемлющаго сознанія, характеръ объективной дѣйствительности, псевдогаллюцинаціями неимѣемый; упомянутыя галлюцинаціи возникаютъ въ темномъ зрительномъ полѣ закрытыхъ глазъ, къ которому, какъ уже было сказано, псевдогаллюцинаторные образы не имѣютъ никакого отношенія. Около трехъ часовъ ночи зрительныя галлюцинаціи, удерживая свой прежній, относительно элементарный характеръ, становятся болѣе частыми и дѣлаются одинаково яркими какъ при закрытыхъ, такъ и при открытыхъ глазахъ (въ темной комнатѣ, въ которую сквозь коленкоровыя шторы слабо проникаетъ свѣтъ горящаго на противоположной сторонѣ улицы фонаря); вспышки огня, мгновенно освѣщающія все поле зрѣнія, ослѣпительная молнія, блистающая передъ глазами и тому подобные подвижные свѣтовые метеоры (Blendungsbilder Іог. Мюллера), пестрыя правильныя фигурки, ярко блистающія разными цвѣтами, совершенно похожія на видимыя въ калейдоскопѣ, гербы, арабески, изрѣдка фантастическія фигуры насѣкомыхъ или лица въ миніатюрѣ (фантастическіе образы І. Мюллера). Не засыпая нормальнымъ сномъ, Долининъ около 4 час. утра впадаетъ въ дремоту или родъ лихорадочнаго полусна, передъ наступленіемъ котораго настоящія галлюцинаціи прекращаются, псевдогаллюцинаціи же нѣсколько мѣняютъ свое содержаніе, получая болѣе сложный характеръ (ландшафты, виды улицъ и т. п. картины), начинаютъ логически связываться между собою и, наконецъ, непосредственно сливаются съ образами сновидѣнія.

Подобнаго рода наблюденія, съ различными варіаціями, Долининъ дѣлалъ многократно. Ими для насъ обнаружилось, что самыя благопріятныя условія для происхожденія псевдогаллюцинацій, даже въ то время,

когда дѣятельность извѣстныхъ центральныхъ областей чувствъ искусственно повышена (опредѣленные, не слишкомъ большіе пріемы tincturae opii, extracti cannabis indicae или extr. belladonnae) суть: возможно полное прекращеніе произвольной дѣятельности мысли и пассивное преапперципированіе, при чемъ вниманіе безъ всякаго насильственнаго напряженія должно быть обращено на внутреннюю дѣятельность того чувства (въ наблюденіяхъ Долинина — зрѣнія), псевдогаллюцинаціи котораго желательно наблюдать. Активное преапперципированіе спонтанно возникшихъ псевдогаллюцинаторныхъ образовъ задерживаетъ послѣдніе въ фокусѣ сознанія долѣе, чѣмъ они продержались бы безъ такого активнаго усилія со стороны наблюдателя. Поворотъ вниманія на субъективную дѣятельность другаго чувства (наприм., отъ зрѣнія къ слуху) почти или вполнѣ прекращаетъ псевдогаллюцинированіе первымъ чувствомъ. Точно также псевдогаллюцинаціи прекращаются при фиксированіи вниманія на темномъ полѣ зрѣнія закрытыхъ глазъ, или на окружающихъ наблюдателя реальныхъ предметахъ, равно какъ и при началѣ непроизвольной или произвольной работы абстрактной мысли (т.-е. при апперципированіи и, еще болѣе, при преапперципированіи не чувственныхъ представленій).

Путемъ многочисленныхъ систематическихъ самонаблюденій Долининъ убѣдился, что вліяніе сознательнаго мышленія и воли на появленіе и содержаніе псевдогаллюцинацій весьма незначительно. Только сравнительно въ немногихъ случаяхъ произвольнымъ напряженіемъ воображенія можно вызвать передъ своимъ внутреннимъ зрѣніемъ тотъ или другой опредѣленный псевдогаллюцинаторный образъ. Сравнительно легче, во время зрительнаго псевдогаллюцинированія, заставить вновь появиться псевдогаллюцинацію, непосредственно передъ тѣмъ являвшуюся спонтанно; но и это удается лишь рѣдко. Вообще же, въ періоды псевдогаллюцинированія произвольныя чувственныя воспроизведенія только что передъ тѣмъ (или раньше) спонтанно возникавшихъ псевдогаллюцинаторныхъ картинъ, одинаково, со всякими другими произвольно вызываемыми образами воспоминанія и фантазіи, остаются на степени простыхъ чувственныхъ представленій, не метаморфозируясь въ псевдогаллюцинаціи. При этомъ, введеніе произвольной дѣятельности воображенія всегда значительно ослабляетъ или даже прекращаетъ процессъ псевдогаллюцинированія: количество спонтанно возникающихъ псевдогаллюцинаторныхъ образовъ рѣзко уменьшается и, наконецъ, они почти совсѣмъ вытѣсняются обыкновенными картинами воспоминанія и фантазіи. Поэтому, тѣ нечастые случаи, гдѣ самонаблюдающему лицу (находящемуся въ психически-здоровомъ состояніи) кажется, что псевдогаллюцинаторные образы являются иногда въ зависимости отъ его воли, служа иллюстраціями къ произвольно имъ измѣняемому движенію мысли, могутъ быть объясняемы тѣмъ, что сознаніе, какъ бы предвкушаетъ псевдогаллюцинаторный образъ въ моментъ его зарожденія (in statu nascenti), каковое совершается единственно въ силу автоматиче-

скаго возбужденія извѣстныхъ чувственныхъ областей головного мозга; другими словами, здѣсь не мысль вызываетъ соотвѣтственныя псевдогаллюцинаціи, а, наоборотъ, спонтанно являющіяся и исчезающія псевдогаллюцинаціи своимъ содержаніемъ даютъ толчекъ движенію мысли въ ту или другую сторону. Такое заключеніе, какъ мнѣ кажется, неизбѣжно вытекаетъ изъ слѣдующихъ фактовъ. Я заранѣе назначалъ Долинину тѣ предметы, которые онъ во время появленія яркихъ зрительныхъ псевдогаллюцинацій долженъ былъ стараться внутренно увидѣть; напр., на одинъ вечеръ ему было назначено: лице одной, очень знакомой ему дамы,—рублевый кредитный билетъ, — желтая роза, — король трефъ; на другой вечеръ: незабудка или букетъ изъ незабудокъ,—лице одного господина, котораго Долининъ видитъ ежедневно нѣсколько разъ,—русскій національный (трехцвѣтный) флагъ, — кабинетный портретъ, который Долининъ, приступая къ самонаблюденію, могъ оживить въ своей памяти, и т. п. Затѣмъ, я ставилъ Долинина (посредствомъ пріемовъ опія *) и нѣкоторыхъ другихъ эмпирически найденныхъ способовъ, наприм., попросивъ его выспаться днемъ, отчего ночью у него всегда бываетъ безсонница) въ условія, благопріятныя для псевдогаллюцинированія. При этихъ опытахъ всегда получались обильныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія, въ рядъ которыхъ нерѣдко вмѣшивались настоящія зрительныя галлюцинаціи (въ особенности, если глаза предварительно были раздражены продолжительнымъ чтеніемъ мелкаго шрифта или долгимъ смотрѣніемъ на свѣтъ лампы), однако, ни разу не появился ни одинъ изъ впередъ назначенныхъ предметовъ, ни въ формѣ псевдогаллюцинаціи, ни въ формѣ настоящей галлюцинаціи зрѣнія. Очевидно, въ этихъ случаяхъ произвольно вызываемый образъ воспоминанія напередъ выбраннаго предмета не подходилъ ни къ одному изъ субъективныхъ образовъ, готовыхъ въ ту минуту возникнуть изъ спонтаннаго возбужденія клѣтокъ кортикальнаго зрительнаго центра и потому дѣйствительно возникавшихъ въ сознаніи, если только были избѣгнуты всѣ условія, при которыхъ подобнаго рода субъективныя возбужденія амортизируются.

Зрѣніе, какъ извѣстно, есть самое объективное изъ чувствъ. Всѣ субъективныя зрительные образы, не исключая и простыхъ образовъ зрительнаго воспоминанія, пространственны. Когда мы что-либо живо представляемъ себѣ, то мы собственно ставимъ передъ очами нашей души пространственный зрительный образъ, при чемъ даже легко оцѣниваемъ разстояніе, на которомъ находится представленный предметъ отъ нашего умственнаго ока. Поэтому, не лишнее остановиться на различіи между тремя родами субъективно возникающихъ зрительныхъ образовъ, на различіи между обыкновенными зрительными представленіями, псевдогаллюцинаціями и галлюцинаціями. Путемъ извѣстнаго расположенія опытовъ намъ удавалось достигнуть, что въ рядѣ безпрерывно смѣняющихся псевдогаллюцинацій зрѣнія у Долинина, время отъ времени, являлись настоящія зрительныя галлюцинаціи (равнозначущія съ наблюдавшимися I. Мюллеромъ, Генле, Фехнеромъ, Гагеномъ и друг.). Эти галлюцинаціи у Долинина чаще бывали элементарными, однако иногда онѣ (задолго до наступленія дремоты, т.-е. при совершенно ясномъ, ни мало не омраченномъ сознаніи) становились болѣе сложными (лица людей, портреты и т. п.) и тогда по содержанію своему переставали отличаться отъ псевдогаллюцинацій. Что касается до обыкновенныхъ образовъ воспоминанія или фантазіи, то они, во время псевдогаллюцинированія, могутъ быть вызываемы самонаблюдателемъ произвольно и притомъ въ болѣе живомъ видѣ, чѣмъ обыкновенно. Разница между этими тремя родами субъективныхъ зрительныхъ воспріятій, легко уловляемая самонаблюдателемъ при возможности непосредственнаго сравненія ихъ между собою, будетъ лучше видна на конкретномъ примѣрѣ.

*) Извѣстные не очень большіе пріемы опія и экстракта индійской конопли весьма располагаютъ къ псевдогаллюцинированію зрѣніемъ. Хининъ же, какъ я убѣдился, дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи діаметрально противоположно опію. Непосредственное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ совершенно исключаетъ псевдогаллюцинированіе. Напротивъ, на другой день (resp. вечеръ) послѣ состоянія опьяненія псевдогаллюцинаціи зрѣнія (у субъектовъ, къ нимъ предрасположенныхъ) бываютъ особенно обильны и отчетливы.

Образъ гусара въ красной фуражкѣ, синемъ мундирѣ и малиновыхъ штанахъ, запущенныхъ въ сапоги, являлся у Долинина въ качествѣ псевдогаллюцинаціи. Попытка произвольнаго вызыванія этой псевдогаллюцинаціи даетъ въ результатѣ у Долинина (особенно, въ часъ псевдогаллюцинированія) относительно весьма живое (однако не псевдогаллюцинаторное) зрительное представленіе. Наконецъ, гусаръ могъ бы быть и настоящей галлюцинаціей. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ субъективно возникшій зрительный образъ проэцируется наружу. Въ случаѣ псевдогаллюцинаціи гусаръ видится внутренно; его образъ спонтанно является не передъ тѣлесными очами (что особенно чувствуется, если, въ полутемной комнатѣ, глаза самонаблюдателя открыты *), но передъ очами духовными, именно передъ внутренно зрящимъ субъектомъ, совершенно такъ, какъ и при произвольномъ усиліи воображенія мы представляемъ себѣ, что извѣстное лице стоитъ передъ нами, въ опредѣленномъ отъ насъ разстояніи. Но при этомъ образъ гусара воспріемлется сознаніемъ (пассивная

*) Псевдогаллюцинировать зрѣніемъ можно не только при закрытыхъ глазахъ, но и при открытыхъ; разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ должно преапперципировать субъективный обрзъ, а не реальный предметъ, находящійся на продолженіи зрительныхъ осей. Рѣзкое освѣщеніе комнаты, поэтому, мѣшаетъ псевдогаллюцинированію при открытыхъ глазахъ.

преапперцепція) сразу со всѣми мельчайшими своими частностями: въ одинъ моментъ Долининъ съ большою отчетливостью видитъ не только ярко-красную фуражку, но и кокарду на ней, всѣ черты лица и выраженіе послѣдняго, черныя бакенбарды и закрученные въ кольца усы, всѣ шнурки голубаго мундира на груди и проч. Въ этомъ живомъ и до мельчайшихъ подробностей отчетливомъ чувственномъ образѣ ничто не можетъ быть измѣнено произвольными усиліями воображенія: Долининъ принужденъ видѣть гусара именно такъ, какъ онъ ему самъ собою представился, ни какъ не иначе, такъ что не можетъ, наприм., поставить его въ профиль, обратить его внизъ головою или просто заставить его снять фуражку. Этотъ псевдогаллюцинаторный образъ проэцируется на извѣстное разстояніе наружу, но тѣмъ не менѣе онъ не приводится ни въ какое отношеніе къ реальнымъ предметамъ, окружающимъ самонаблюдателя. Для псевдогаллюцинированія при открытыхъ глазахъ необходимо не преапперципировать внѣшнихъ предметовъ, а оставить точку внутренняго яснаго видѣнія для пассивнаго преапперципированія субъективнаго образа. Не ясно апперципируемые внѣшніе предметы, оставшись внѣ внутренней точки яснаго зрѣнія, въ моментъ появленія въ послѣдней образа гусара совсѣмъ исключаются изъ сознанія; вмѣстѣ съ этимъ прекращается воспріятіе внѣшней или реальной пространственности, такъ что въ результатѣ остается лишь субъективный образъ съ его, такъ сказать, внутреннею или идеальною пространственностью. Понятно, что субъективный образъ, принадлежащій идеальному пространству, можетъ вступить въ соотношеніе съ предметами, находящимися въ реальномъ пространствѣ *) только тогда, когда

*) Согласно съ Кантомъ, я думаю, что и „реальное" пространство есть ничто иное, какъ форма нашего представленія. Тѣмъ не менѣе, зрительныя представленія бываютъ двоякаго рода: во-первыхъ, первичныя зрительныя воспріятія съ специфическимъ характеромъ дѣйствительности и объективности, и, во-вторыхъ, вторичныя или воспроизведенныя представленія, упомянутаго специфическаго характера не имѣющія; какъ тѣ, такъ и другія зрительныя представленія пространственны, но пространственность первыхъ не тождественна съ пространственностью вторыхъ. Вмѣстѣ съ Мейнертомъ я убѣжденъ, что элементы пространственнаго воспріятія даются уже функціею внѣкорковыхъ чувственныхъ центровъ. Если это такъ, то въ пространственности первичнаго зрительнаго представленія должно заключаться нѣчто, обусловленное дѣйствительнымъ участіемъ субкортикальнаго зрительнаго центра въ этомъ актѣ воспріятія; но этого „нѣчто" не будетъ въ воспроизведенномъ зрительномъ представленіи, въ произведеніи котораго подкорковый зрительный центръ совсѣмъ не участвуетъ. Такимъ образомъ, между пространственностью первичнаго зрительнаго образа и пространственностью зрительнаго образа вторичнаго остается та же разница, какъ и вообще между чувственнымъ результатомъ процесса объективнаго воспріятія и воспроизведеннымъ представленіемъ. Простран-

мы произвольными умственными усиліями постараемся искусственно установить такое соотношеніе; однако, для этого необходимо, чтобы самъ субъективный зрительный образъ вполнѣ зависѣлъ отъ нашего произвола и потому установка упомянутаго искусственнаго соотношенія возможна только для произвольно вызваннаго образа воспоминанія или фантазіи. Такъ, смотря на пустое реальное кресло, Долининъ съ извѣстнымъ умственнымъ усиліемъ можетъ приспособить къ этому креслу воображаемаго гусара. Однако, такого рода искусственная комбинація реальнаго и идеальнаго пространства гораздо труднѣе, чѣмъ свободная игра фантазіи. Долинину, сидя у себя въ кабинетѣ, гораздо легче, напр., перенестись воображеніемъ въ театръ и представить себя сидящимъ въ третьемъ рядѣ кресел, позади гусара. При псевдогаллюцинированіи при закрытыхъ глазахъ воспріятіе темнаго зрительнаго поля неизбѣжно прекращается; если самонаблюдатель будетъ при этомъ стараться не упускать изъ воспріятія и темное поле зрѣнія закрытыхъ глазъ, то онъ прекратитъ зрительное псевдогаллюцинированіе. Такимъ образомъ, темное (объективное) поле зрѣнія закрытыхъ глазъ, то самое поле, въ которомъ являются послѣдовательные образы и элементарныя галлюцинаціи зрѣнія, совершенно отлично отъ поля зрѣнія псевдогаллюцинаторныхъ образовъ. Однако, и при закрытыхъ глазахъ псевдогаллюцинированный гусаръ является передъ Долининымъ, локализируясь на опредѣленное (въ отдѣльныхъ случаяхъ различное) разстояніе отъ него; поэтому, самонаблюдателю можетъ показаться (хотя обыкновенно этого не кажется), что при зрительномъ псевдогаллюцинированіи онъ видитъ не «головою», какъ при зрительномъ воспоминаніи или фантазированіи, но какъ будто глазами,—и это тѣмъ легче, что при зрительномъ псевдогаллюцинированіи совершенно не бываетъ того чувства напряженія, легкаго давленія и стягиванія во лбу или внутри головы, которымъ обыкновенно сопровождается всякій актъ произвольнаго зрительнаго воспоминанія или фантазированія *).

ственность первичнаго зрительнаго образа тоже носитъ въ нашемъ сознаніи печать дѣйствительности; пространственность же зрительнаго образа воспоминанія, остается, напротивъ, чисто идеальною, ибо упомянутаго характера дѣйствительности она не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о внѣшней и внутренней пространственности и, если угодно, даже объ объективномъ и субъективномъ пространствѣ, чѣмъ ни мало не утверждается объективность пространства, взятаго независимо отъ нашего сознанія.

*) При обыкновенномъ зрительномъ воспоминаніи у меня отношеніе зрительныхъ образовъ къ пространственности моего тѣла бываетъ двояко. Если дѣло идетъ не о привычныхъ образахъ воспоминанія или если я вообще хочу вспомнить что либо, разъ видѣнное, не заботясь о томъ, какъ себѣ это представить,—то передъ моимъ внутреннимъ видѣніемъ свободно развертывается болѣе или менѣе сложная картина воспоминанія, въ точ-

Образъ гусара, являющійся въ головѣ Долинина въ качествѣ простаго воспроизведеннаго представленія, помимо своей зависимости отъ воли самонаблюдателя (гусаръ можетъ быть тогда одинаково легко воображенъ въ фуражкѣ, безъ фуражки, стоящимъ, сидящимъ, скачущимъ на лошади и т. п.), отличается отъ псевдогаллюцинаціи тѣмъ, что, будучи введенъ во внутреннюю точку фиксаціи во всей своей цѣлостности, этотъ образъ явится блѣднымъ, мало отчетливымъ, и, главное, схематичнымъ, лишен-

ности воспроизводящая все то, что въ извѣстный моментъ вспоминаемаго времени дѣйствительно было мною воспринято въ одномъ актѣ зрительнаго восріятія. При этомъ я, совершенно непроизвольно отрѣшаюсь вниманіемъ отъ моей дѣйствительной обстановки и переношусь воображеніемъ именно въ то положеніе, которое я занималъ въ моментъ вспоминаемаго зрительнаго воспріятія; тутъ всегда воспроизводится и весь чувственный тонъ этого прежняго воспріятія. Наприм., пожелавъ вызвать въ своемъ воспоминаніи лице человѣка, вчера впервые мною видѣннаго, я представляю себѣ этого человѣка совершенно такъ, какъ вчера дѣйствительно видѣлъ его въ одну изъ тѣхъ минутъ, которыя были проведены мною съ нимъ въ одной комнатѣ, т.-е. я внутренно вижу его лице на фонѣ вчерашней комнаты, въ томъ же удаленіи и относительномъ положеніи отъ окружавшихъ его предметовъ, другихъ людей и меня самого, въ какомъ я дѣйствительно видѣлъ его вчера, причемъ самъ себя невольно представляю на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ я вчера находился въ эту минуту. Этотъ способъ воспоминанія (простое воспроизведеніе) требуетъ отъ меня наименьшаго умственнаго напряженія; при этомъ я чувствую, что „вижу" не глазами, а, такъ сказать, головою и соотвѣтственно этому имѣю чувство слабаго напряженія, неопредѣленно локализирующееся гдѣто внутри головы, но уже никакъ не въ глазахъ. Еслибы я захотѣлъ выдѣлить этого, вчера впервые видѣннаго человѣка изъ окружавшей его обстановки и представить его отдѣльно, въ произвольномъ удаленіи, передъ собою (по отношенію къ тому положенію, которое я дѣйствительно занимаю въ настоящую минуту), то я долженъ прибѣгнуть къ значительно большему умственному усилію; при этомъ я имѣю нѣкоторое чувство дѣятельности въ глазахъ и, кромѣ того, чувство стягиванія, рѣзко локализирующееся во лбу. Что касается до воспроизведенія лицъ и предметовъ, множество разъ мною видѣнныхъ, то съ этими образами я могу, въ своемъ воспоминаніи, распоряжаться совершенно произвольно: я могу ихъ воспроизводить въ отдѣльности, на любомъ разстояніи отъ меня, могу заставлять эти образы принимать различнѣйшія положенія, приходить въ движеніе, поворачиваться ногами кверху и т. д.; не ощущая ни малѣйшаго напряженія въ головѣ, я, однако, имѣю при этомъ чувство слабой дѣятельности въ глазахъ. Но чтобы привести эти, столь легко подчиняющіеся мнѣ образы въ соотношеніе съ реальными предметами, напр., чтобы представить знакомаго мнѣ, но теперь отсутствующаго человѣка, сидящимъ въ креслѣ, дѣйствительно находящемся противъ меня въ настоящую минуту, я долженъ употребить весьма значительное умственное усиліе.

нымъ подробностей; если при этомъ Долининъ устремитъ вниманіе на красную фуражку гусара, то, разумѣется, послѣдняя выступитъ рѣзче, такъ что на ней, можетъ быть, усмотрятся выпушка и кокарда; но въ этотъ моментъ лице, и еще болѣе грудь, гусара исчезнетъ изъ внутренняго поля зрѣнія. Точно также, если Долининъ будетъ фиксировать своимъ воображеніемъ грудь гусара, стараясь чувственно живѣе представить себѣ золотые шнуры на синемъ мундирѣ, онъ упуститъ изъ внутренняго поля зрѣнія какъ малиновые штаны, такъ и голову въ красной фуражкѣ. При псевдогаллюцинаціи, какъ мы видѣли, бываетъ совсѣмъ иное.

Въ случаѣ дѣйствительной галлюцинаціи гусаръ, можетъ быть, будетъ увидѣнъ далеко не съ тою рѣзкостью какъ при объективномъ воспріятіи, тѣмъ не менѣе онъ явится на опредѣленномъ мѣстѣ реальной комнаты, прикроетъ собою часть стѣны или, по меньшей мѣрѣ, получится въ видѣ картины, намалеванной красками на стѣнѣ. Еслибы гусаръ явился въ видѣ раскрашенной миніатюрной фигурки въ темномъ полѣ зрѣнія закрытыхъ глазъ (гипнагогическія галлюцинаціи, фантастическія зрительныя явленія І. Мюллера), то въ этомъ случаѣ субъективный образъ, составляя часть темнаго зрительнаго поля, будетъ воспринятъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ и получитъ въ сознаніи тотъ же характеръ объективности, который присущъ и темному полю зрѣнія закрытыхъ глазъ. Галлюцинаторные образы непомраченнаго сознанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ видъ неясныхъ тѣней, всегда находятся въ опредѣленномъ отношеніи или къ видимымъ вокругъ реальнымъ предметамъ, или къ темному зрительному полю закрытыхъ глазъ, и въ силу этого представляютъ для сознанія значеніе объективности. Въ своемъ сужденіи галлюцинирующій субъектъ можетъ и не смѣшивать фантомъ съ дѣйствительностью, но сенсоріальная сторона дѣла отъ этого ни мало не измѣнится.

Эмпирически найденная разница между тремя родами субъективныхъ зрительныхъ воспріятій можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ. Зрительные образы воспоминанія и фантазіи соотвѣтствуютъ субъективному пространству; это суть образы относительно блѣдные и схематичные; обыкновенно, они вызываются нами произвольно. Зрительныя псевдогаллюцинаціи тоже принадлежатъ субъективному пространству и имѣютъ поле зрѣнія, одинаковое съ образами воспоминанія, но это суть образы, возникающіе спонтанно; они весьма опредѣленны, живы, чувственно весьма (даже до мельчайшихъ деталей) законченны, при чемъ, въ томъ случаѣ, если они представляютъ копіи съ реальныхъ предметовъ, весьма точны (псевдогаллюцинаторныя явленія такъ называемой «зрительной памяти»). Галлюцинаторные зрительные образы непомраченнаго сознанія принадлежатъ пространству объективному; здѣсь субъективное чувственное воспріятіе происходитъ «совмѣстно и одновременно» (Гагенъ) съ объективными

воспріятіями и имѣетъ значеніе одинаковое съ этими послѣдними. Субъективныя зрительныя представленія, извѣстныя подъ названіемъ сновидѣній, и имъ аналогичныя состоянія (галлюцинаціи помраченнаго сознанія) собственно соотвѣтствуютъ субъективному пространству; но они становятся для воспріемлющаго сознанія равнозначущими съ объективными воспріятіями вслѣдствіе невозможности непосредственнаго сравненія ихъ съ этими послѣдними, ибо при состояніи сна, равно какъ и во многихъ случаяхъ душевнаго разстройства, сознаніе болѣе или менѣе совершенно отрѣшается отъ реальнаго внѣшняго міра. Кортикальныя галлюцинаціи, къ числу которыхъ я отношу и сновидѣнія, — это именно объективизація міра представленій; но при нормальномъ, относительно воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній неразстроенномъ сознаніи чисто кортикальныя галлюцинаціи (какъ объ этомъ подробно трактуется въ гл. X), по моему мнѣнію, невозможны.

У здоровыхъ людей псевдогаллюцинаціи всего чаще бываютъ передъ засыпаніемъ, именно въ то время, промежуточное между сномъ и бодрствованіемъ, когда, прекративъ активно-преапперцептивную работу логическаго мышленія, человѣкъ предается пассивному воспріятію спонтанно возникающихъ субъективныхъ образовъ. Обыкновенно относятъ (Моро, Мори, Морель и друг.) всѣ гипнагогическія явленія къ галлюцинаціямъ, но это невѣрно. Большая часть зрительныхъ образовъ гипнагогическаго состоянія у здоровыхъ людей, въ особенности же наиболѣе сложныя (спонтанныя) картины воспоминанія и фантазіи, суть не настоящія галлюцинаціи, а именно псевдогаллюцинаціи въ моемъ смыслѣ. Въ этомъ я убѣдился не только изъ сообщеній г. Долинина, но и непосредственно, такъ какъ я постоянно имѣю возможность наблюдать эти субъективныя явленія, въ достаточно рѣзкой формѣ, на самомъ себѣ. Всегда это суть образы воспоминанія и фантазіи, не имѣющіе характера объективности и никоимъ образомъ не комбинируемыя съ темнымъ полемъ зрѣнія закрытыхъ глазъ; отъ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи они отличаются только своею спонтанностью и, кромѣ того, по-истинѣ поразительною чувственною законченностью и живостью. Правда, въ томъ случаѣ, когда зрительный аппаратъ, вслѣдствіе утомительной работы, послѣ продолжительнаго воздѣйствія рѣзкаго свѣта или просто отъ болѣзни, находится въ состояніи раздраженія, между псевдогаллюцинаторными образами являются иногда свѣтовые метеоры и пестрыя фигуры съ характеромъ объективности, локализи-

рующіяся въ темномъ полѣ зрѣнія; однако, у здоровыхъ людей эти случайныя галлюцинаторныя явленія всегда остаются относительно элементарными (свѣтящіеся огоньки, крестики и точки, проскакивающія молніи, разноцвѣтныя фигурки, подобныя калейдоскопическимъ, иногда простые мелкіе зрительные объекты, если таковые долго представлялись зрѣнію въ теченіе дня, наприм., мелкіе чертежи, узоры и т. п.). Сюда, т.-е. къ настоящимъ галлюцинаціямъ зрѣнія, относятся самонаблюденія Генле *) и Г. Мейера **), которые, послѣ утомительной работы съ микроскопомъ, неоднократно видѣли въ темномъ полѣ зрѣнія закрытыхъ глазъ тѣ микроскопическіе препараты, которыми имъ приходилось заниматься въ теченіи дня. Подобнаго же рода явленія, чисто галлюцинаторнаго свойства, были наблюдаемы I. Мюллеромъ ***) и Фехнеромъ ****). Гагенъ также имѣлъ возможность наблюдать у себя, при засыпаніи, настоящія галлюцинаціи зрѣнія, но подобно тому, какъ у г. Долинина и у меня, эти галлюцинаціи были довольно элементарными: свѣтящіяся волны, голубыя или грязнозеленыя пятна, нити бусъ или четки, цвѣтныя полосы и звѣзды, насѣкомыя и т. п. Отъ этихъ галлюци-

*) Casper's. Wochenschrift. 1838. № 18.

**) H. Meyer. Untersuch. über die Physiologie der Nervenfasern. Tübingen. 1846. p. 56.

***) I. Мюллеръ различалъ: a) „Blendungsbilder“ (послѣдовательные образы вслѣдъ за интенсивнымъ свѣтовымъ впечатлѣніемъ и спонтанныя свѣтовыя явленія въ глазѣ); они представляются движущимися и зависятъ единственно отъ раздраженнаго состоянія сѣтчатки; и b) „phantastische Bilder“, сохраняющія одно и то-же мѣсто при всѣхъ движеніяхъ закрытыхъ глазъ; они не получаются изъ свѣтовыхъ пятенъ, зависящихъ отъ раздраженія сѣтчатки, но имѣютъ мѣстомъ своего происхожденія самую центральную часть зрительной субстанціи, гдѣ и возникаютъ въ зависимости отъ фантазіи („in Folge der Sympathie des Phantasticon und des Lichtnerven“). См. Ueber die phantast. Gesichtsersch. Coblenz. 1826. pp. 19 — 30; 34, 37; Handb. der Physiol. des Menschen. II. Coblenz. 1837. p. 391. То обстоятельство, что I. Мюллеру и Фехнеру были знакомы, по собственному опыту, лишь гипнагогическія галлюцинаціи, а не псевдогаллюцинаціи, удобно объясняется тѣмъ, что какъ тотъ, такъ и другой изъ этихъ ученыхъ не имѣли способности живаго чувственнаго представленія, но, повидимому, страдали раздраженіемъ органа зрѣнія; это видно по той легкости, съ какою у нихъ являлись послѣдовательные зрительные образы, а также по обилію у нихъ неопредѣленныхъ свѣтовыхъ явленій въ темномъ полѣ зрѣнія закрытыхъ глазъ.

****) Fechner. Elemente der Psychophysik. II. pp. 499 и 501.

наторныхъ образовъ, пишетъ далѣе Гагенъ, явственно различались какъ по интенсивности, такъ и по способу происхожденія, образы представленія, казавшіеся удаленными отъ глазъ на бóльшее разстояніе и представлявшіеся съ необычайною живостью и пластическою точностью *). Эти послѣдніе субъективные образы, тоже возникавшіе спонтанно, не были, какъ видно изъ описанія самого Гагена, обыкновенными образами воспоминанія и фантазіи, но были именно тѣмъ, что я называю настоящими псевдогаллюцинаціями зрѣнія.

Такимъ образомъ, далеко не всѣ чувственныя гипнагогическія явленія суть дѣйствительно галлюцинаціи. Собственно къ псевдогаллюцинаціямъ я отношу большую часть живо чувственныхъ фантастическихъ картинъ, являющихся у многихъ здоровыхъ людей передъ засыпаніемъ или вообще въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ (грёзы на яву). Это уже не отдѣльныя фигуры въ объективномъ полѣ зрѣнія (какъ при гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ), но цѣлыя сложныя картины, занимающія все субъективное зрительное поле. Эти картины, какъ я убѣдился частію по собственному опыту, частію изъ сообщеній Долинина и описаній А. Мори, иногда достигаютъ до высокой степени художественной законченности, представляя, наприм., живописные ландшафты, виды городовъ и т. п. панорамы («панорамическія псевдогаллюцинаціи»). Что это не дѣйствительныя галлюцинаціи, видно изъ слѣдующаго: будучи лишены характера объективности, онѣ никогда не обманываютъ воспріемлющаго сознанія. Не то бываетъ при соотвѣтствующихъ галлюцинаціяхъ, при ragle пустыней, при панорамическихъ галлюцинаціяхъ **) субъектовъ душевно-больныхъ или гипнотизированныхъ, гдѣ человѣкъ считаетъ себя перенесеннымъ въ другую мѣстность, такъ что фантастическія картины здѣсь совершенно замѣняютъ собою для воспріемлющаго сознанія ту реальную обстановку, въ которой находится галлюцинирующій субъектъ. Если въ число гипнагогическихъ панорамъ, видаемыхъ нѣкоторыми здоровыми людьми, замѣшаются настоящія галлюцинаціи, то человѣкъ или будетъ принужденъ принять фантазму за дѣй-

*) Hagen. Zur Theorie der Hallucination. Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie XXV. p. 71 примѣчаніе.

**) См. Vercontre. Etude sur une forme non encore décrite d'hallucinations dites paronamiques. Revue de méd. milit. 1881. № 1. p. 47.

ствительность, совершенно упустивъ изъ своего сознанія окружающую реальную обстановку, или же, по крайней мѣрѣ, поразится ужасомъ, непосредственно почувствовавъ, насколько, при галлюцинированіи, продуктъ субъективной дѣятельности мозга тождественъ съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно понять, что галлюцинація, если она обманываетъ не только чувство, но и сознаніе, равнозначуща дѣйствительности; галлюцинація же, обманывающая только чувство, т.-е. принимаемая сознаніемъ именно за обманъ, въ первые моменты дѣйствуетъ, какъ на людей здоровыхъ, такъ и на психически-больныхъ страшно потрясающимъ образомъ, и притомъ совершенно независимо отъ своего содержанія, однимъ лишь фактомъ своего появленія: получивъ такого рода безпредметное воспріятіе, сознающій свое положеніе человѣкъ чувствуетъ себя сразу очутившимся на краю пропасти, такъ какъ единственные посредники между мыслящимъ *Я* и реальнымъ міромъ, внѣшнія чувства, оказываются въ данномъ случаѣ коварными обманщиками, приводящими *Я* къ невозможности непосредственно положить предѣлъ между дѣйствительностью и мечтою. Будучи лишены характера объективности, гипнагогическія псевдогаллюцинаціи никогда не бываютъ смѣшиваемы съ дѣйствительностью, а потому ихъ появленіе никогда не дѣйствуетъ потрясающе, какъ бы ни были онѣ непріятными по содержанію своему.

Субъективными чувственными явленіями, предшествующими сну и сопровождающими его наступленіе, много занимался Альфредъ Мори *), имѣвшій возможность изучить эти явленія на самомъ себѣ. Я охотно допускаю, что часть тѣхъ субъективныхъ явленій, которыя описаны этимъ ученымъ, принадлежатъ къ дѣйствительнымъ галлюцинаціямъ; имѣя весьма невропатическую натуру и постоянно находясь въ состояніи, пограничномъ между здоровьемъ и рѣзко выраженною болѣзнію, этотъ авторъ, очевидно, въ высокой степени предрасположенъ къ обманамъ чувствъ. Тѣмъ не менѣе, я убѣжденъ, что многое изъ того, что онъ называетъ галлюцинаціями, въ сущности принадлежитъ или къ псевдогаллюцинаціямъ, или къ сновидѣніямъ. Такъ, многія изъ его наблюденій относятся уже не къ состоянію, предшествующему засыпанію, а скорѣе къ первымъ моментамъ уже

*) A. Maury (de l'institut). Le sommeil et les rêves, études psychologiques. 4. édit. Paris. 1878.

наступившаго сна, такъ какъ въ томъ состояніи, которое авторъ называетъ «assoupissement», воспріятіе впечатлѣній изъ внѣшняго міра или прерывается, или совершается крайне отрывочно и смутно. При прекращеніи же отчетливыхъ воспріятій изъ внѣшняго міра, т.-е. при наступленіи сна, какъ тѣ субъективные чувственные образы, которые передъ засыпаніемъ были псевдогаллюцинаціями, такъ и обыкновенные (не псевдогаллюцинаторные) образы воспоминанія и фантазіи прямо превращаются въ сновидѣнія. Съ другой стороны, для меня несомнѣнно также, что нѣкоторыя изъ наблюденій Мори принадлежатъ къ чистымъ псевдогаллюцинаціямъ. Такъ этотъ авторъ самъ выражается о своихъ гипнагогическихъ зрительныхъ образахъ такъ: «надо замѣтить, что фантастическіе образы, рисующіеся передъ глазами (закрытыми), не представляютъ вполнѣ характера дѣйствительныхъ предметовъ: глазъ легко различаетъ призрачность этихъ образовъ» *). Въ параллель этому, гипнагогическія слуховыя воспріятія у Мори тоже были большею частію не настоящими галлюцинаціями, но лишь псевдогаллюцинаціями. Это видно изъ тѣхъ словъ Мори, гдѣ онъ говоритъ что хотя онъ слышалъ при этомъ «весьма ясно, однако далеко не съ тою отчетливостью, а главное, не съ тою внѣшнею объективностью (extériorité), какъ еслибы онъ слышалъ голосъ дѣйствительный» **). Какъ онъ самъ выражается въ другихъ мѣстахъ, онъ слышалъ лишь своимъ «душевнымъ» или «внутреннимъ ухомъ ***).

Если у здоровыхъ людей въ состояніи переходномъ между сномъ и бодрствованіемъ несравненно чаще бываютъ псевдогаллюцинаціи (по преимуществу зрительныя), чѣмъ настоящія галлюцинаціи ****), то нельзя не согласиться, что у людей душевнобольныхъ настоящія галлюцинаціи въ состояніи переходномъ между бодрствованіемъ и сномъ — явленіе весьма частое. Вѣ-

*) Maury, l. c. p. 88.

**) l. c. p. 89.

***) l. c. pp. 90, 96.

****) При этомъ я оставляю въ сторонѣ простыя субъективныя ощущенія, по всей вѣроятности чисто периферическаго происхожденія (вслѣдствіе раздраженія ретины или слуховаго нерва) въ родѣ звона въ ушахъ, неопредѣленныхъ, слегка свѣтящихся туманныхъ фигуръ или неопредѣленнаго свѣтоваго волненія въ полѣ зрѣнія и т. п. явленій, которыя разумѣется, не составляютъ рѣдкости.

роятно, всякій психіатръ имѣлъ возможность убѣдиться въ истинѣ положенія, высказаннаго еще 40 лѣтъ тому назадъ Бэлларже, что «переходъ отъ бодрствованія ко сну, равно какъ и отъ сна къ бодрствованію оказываетъ положительное вліяніе на произведеніе галлюцинацій какъ у субъектовъ, предрасположенныхъ къ помѣшательству, такъ и въ продромальномъ періодѣ, при началѣ и при дальнѣйшемъ теченіи душевныхъ болѣзней *). Однако, и Бэлларже, подобно Мори, приводитъ между примѣрами настоящихъ галлюцинацій и такія фантазмы, которыя или принадлежатъ собственно къ сновидѣніямъ (будучи испытаны въ состояніи дремоты или полусна) или же должны быть отнесены къ псевдогаллюцинаціямъ. Укажу лишь на два случая. Въ одномъ изъ нихъ (повидимому, paranoia hallucinatoria subacuta) дѣвушка, въ состояніи полусна, не только видитъ дьявола, но и чувствуетъ себя уносимой имъ за ноги на воздухъ и переносимой въ разныя мѣста (observ. XVII); при этомъ сама больная не можетъ дать себѣ отчета—спитъ она въ это время или нѣтъ. Въ другомъ случаѣ, повидимому, paranoia hallucinatoria chronica (observ. XVI) больной въ теченіи дня имѣлъ постоянныя галлюцинаціи слуха, а передъ сномъ, при усиленномъ галлюцинированіи слухомъ, начиналъ видѣть различныя вещи—площади, улицы, памятники, церкви, внутренность домовъ, обнаженныхъ людей и проч.; самъ больной не могъ лучше охарактеризировать имъ испытываемое, какъ сравнивъ это съ «живописнымъ театромъ Пьерро» и называлъ это «les suscitations», такъ какъ былъ убѣжденъ, что люди, чтобы побудить его къ дѣйствіямъ въ извѣстномъ направленіи, нарочно показываютъ ему тѣ или другіе предметы. Послѣдній примѣръ совершенно подобенъ наблюденіямъ, приводимымъ мною (Пер., Дол., Лашк.), гдѣ дѣло идетъ несомнѣнно о псевдогаллюцинаціяхъ, а не о настоящихъ галлюцинаціяхъ. Главною же своею массою наблюденія Белларжэ принадлежатъ къ случаямъ paranoiae hallucinatoriae, гдѣ галлюцинаціи слуха, имѣющія мѣсто въ теченіи дня, въ минуту засыпанія или пробужденія становятся болѣе интенсивными, или же гдѣ, въ самомъ начальномъ періодѣ болѣзни, галлюцинаціи слуха сперва появляются лишь въ состояніи пере-

*) Baillarger. De l'influence de l'état intermédiaire à la veille et au sommeil sur la production et la marche des hallucinations. — Mémoires de l'Académie royale de médicine. T. XII. Paris 1846 pp. 476—516.

ходномъ между бодрствованіемъ и сномъ, а затѣмъ уже дѣлаются постоянными. Здѣсь не мѣсто разбирать, почему состояніе, переходное отъ бодрствованія ко сну и обратно, благопріятствуетъ возникновенію галлюцинацій (съ моей точки зрѣнія это объясняется очень легко); вопросъ о галлюцинаціяхъ вообще и о гипнагогическихъ галлюцинаціяхъ въ частности выходитъ изъ предѣловъ этой работы. Я хотѣлъ лишь указать, что въ число настоящихъ галлюцинацій авторы заносятъ иногда такія субъективныя явленія, которыя принадлежатъ собственно къ псевдогаллюцинаціямъ. Вообще, вопросъ о галлюцинаціяхъ затрогивается въ настоящей работѣ лишь настолько, насколько это необходимо для уясненія разницы между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями.

Само собою разумѣется, что псевдогаллюцинаціи рѣзко отдѣляются отъ галлюцинацій лишь въ области двухъ высшихъ, наиболѣе объективныхъ чувствъ, — зрѣнія и слуха. Въ сферѣ осязанія, общаго чувства, обонянія и вкуса эмпирически найти рѣзкую границу между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями невозможно; но теоретическое различіе и здѣсь остается въ своемъ полномъ объемѣ.

Въ нижеслѣдующемъ случаѣ, напримѣръ, трудно рѣшить, имѣлъ ли больной галлюцинаціи мышечнаго чувства или же лишь соотвѣтственныя псевдогаллюцинаціи.

Больной Лашковъ въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ экзацербаціи, когда его состояніе граничило съ галлюцинаторною спутанностью, въ теченіи нѣсколькихъ дней былъ всецѣло порабощенъ слѣдующею ложною идеею: ему казалось, что въ каналѣ, находящемся за оградою больницы, живетъ крокодилъ, пожирающій тѣхъ изъ несчастныхъ узниковъ, которые рѣшились бы на бѣгство. Въ это время больной сильно галлюцинировалъ слухомъ и осязаніемъ, и кромѣ того, какъ обнаружилось для меня изъ его сообщеній по выздоровленіи, имѣлъ массу крайне живыхъ псевдогаллюцинацій зрѣнія («экспрессивно-пластическіе образы», какъ ихъ назвалъ самъ больной). Что касается до настоящихъ галлюцинацій зрѣнія, то за всѣ эти дни онъ испыталъ лишь одну (именно видѣлъ за окномъ своей комнаты, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго, на воздухѣ и въ натуральную величину, огненный образъ своего двойника; несмотря на общую огненность образа, по оттѣнкамъ огня можно было различить красный воротникъ мундира, генеральскіе эполеты и красные лампасы). Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, больной почти вовсе не отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы, имѣлъ видъ растерянности и урывками обнаруживалъ бредъ преслѣдованія, а также галлюцинированіе слухомъ и осязаніемъ. Однажды, придя въ отдѣленіе, я былъ заинтересованъ странною картиною: согнувши колѣни и сильно вытягиваясь корпусомъ впередъ, Лашковъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, медленно продвигался по коридору, при чемъ работалъ локтями и протянутыми впередъ руками такъ, какъ будто бы ему было нужно прокладывать себѣ дорогу въ вязкой средѣ. Добиться отъ больнаго какого бы то ни было объясненія тогда было положительно невозможно; Лашковъ не только не отвѣчалъ на мои вопросы, но, повидимому, не былъ даже въ состояніи понимать ихъ. Позже, уже въ періодѣ выздоровленія, Лашковъ объяснилъ этотъ эпизодъ такъ: онъ въ то время намѣревался бѣжать изъ больницы, являвшейся ему тогда тюрьмою, но былъ удерживаемъ только страхомъ попасться на зубы крокодила, живущаго въ каналѣ, который огибалъ больницу съ двухъ сторонъ. Вдругъ Лашковъ, къ величайшему своему ужасу, чувствуетъ, что крокодилъ уже поглотилъ его, что онъ, Лашковъ, уже находится въ чревѣ этого животнаго; вслѣдствіе этого, желая выбраться на свѣтъ Божій, онъ и долженъ былъ съ большимъ трудомъ прокладывать себѣ дорогу, медленно продвигаясь впередъ во внутренности животнаго. Спрошенный о томъ, что онъ въ то время видѣлъ, Лашковъ отвѣчалъ: я не могу сказать, чтобы я тогда совсѣмъ не видалъ того, что меня дѣйствительно окружало, или чтобы я видѣлъ нѣчто иное... мнѣ теперь даже кажется, что я тогда видѣлъ и стѣны коридора, и окно въ дальнемъ концѣ послѣдняго; но въ тѣ минуты я какъ-то не понималъ того, что было передъ глазами; къ тому же я тогда живо чувствовалъ, что тѣло мое стѣснено со всѣхъ сторонъ и что я не иначе, какъ съ чрезвычайными мышечными усиліями могу подвигаться впередъ... однимъ словомъ я чувствовалъ себя тогда именно такъ, какъ будто бы я въ самомъ дѣлѣ попалъ во чрево крокодилово, подобно пророку Іонѣ, пребывавшему во чревѣ китовомъ три дня и три ночи»...

V.

Псевдогаллюцинаціи зрѣнія.—Эти псевдогаллюцинаціи у людей, душевнымъ разстройствомъ не страдающихъ, бываютъ большею частію въ качествѣ эпизодическихъ явленій. Но у отдѣльныхъ субъектовъ, отличающихся нервнымъ темпераментомъ и легкою возбудимостью центральныхъ (кортикальныхъ) чувственныхъ сферъ, онѣ становятся весьма обыкновеннымъ явленіемъ во время умственнаго успокоенія, непосредственно пред-

шествующаго наступленію сна. «Кому не приходилось, говоритъ Маркъ, вслѣдствіе затрудненнаго пищеваренія или легкаго разстройства въ кровообращеніи или въ нервныхъ отправленіяхъ, послѣ рѣзкаго потрясенія физическаго или моральнаго, испытывать при засыпаніи эти обманы внутреннихъ и внѣшнихъ чувствъ, усматривать странныя и страшныя фигуры, видѣть пропасти... однимъ словомъ, грезить, до извѣстной степени, на яву» *). «Тогда, продолжаетъ Шамбаръ, всплываютъ изъ таинственныхъ родниковъ памяти прежнія, давно уже заглохшія воспоминанія и внезапно возникаютъ идеи, то смѣшныя или странныя, то остроумныя и глубокія. Эти идеи и образы слѣдуютъ другъ за другомъ безъ видимой логической связи между собою; ихъ можно назвать блестящими метеорами, проносящимися въ нашемъ умственномъ зрѣніи и исчезающими безъ всякаго слѣда. Наше «я» находится какъ бы въ роли зрителя этого фейерверка, этого взрыва идей и образовъ, которые ни на что не могутъ быть утилизированы сознаніемъ, не имѣющимъ возможности ни остановить ихъ теченія, ни привести ихъ въ логическую связь между собою» **). Въ этомъ состояніи, какъ уже было говорено, имѣютъ мѣсто какъ зрительныя галлюцинаціи, такъ и псевдогаллюцинаціи.

У людей, весьма наклонныхъ къ псевдогаллюцинированію, псевдогаллюцинаціи зрѣнія могутъ быть и внѣ состоянія переходнаго между бодрствованіемъ и сномъ; для ихъ появленія иногда достаточно, прекративъ произвольную дѣятельность представленія, закрыть глаза и тѣмъ, такъ сказать, приготовиться къ пассивному созерцанію образовъ и фигуръ, не замедливающихъ появиться, одна за другою, въ субъективномъ зрительномъ полѣ. При этомъ иногда, все равно какъ при гипнагогическомъ псевдогаллюцинированіи зрѣніемъ, все субъективное зрительное поле выполняется одною сложною картиною съ самыми разнообразными очертаніями и красками (пейзажи, проспекты и т. п.); если такое явленіе достигаетъ значительной степени живости, то воспріемлющій субъектъ совершенно теряетъ, по крайней мѣрѣ моментами, ощущеніе того, что глаза его закрыты; напротивъ, ему кажется, что онъ какъ будто открытыми глазами зритъ развертывающуюся передъ нимъ панораму. Въ сложныхъ псевдогаллюцинаторныхъ картинахъ всегда участвуетъ и представленіе третьяго измѣренія или протяженности въ глубину. Но какъ бы ни были сложны и живы зрительныя псевдогаллюцинаціи, субъективно возникшіе образы и картины здѣсь не представляютъ характера объективности и потому радикально различаются отъ дѣйствительности, и притомъ не только отъ дѣйствительности, такъ сказать, тѣлесной (улица, монументы, купы деревьевъ), но также, напримѣръ, отъ картины, писанной блѣдными красками на бумагѣ или на полотнѣ. У людей, настоящей душевной болѣзни не имѣющихъ и не лихорадящихъ, псевдогаллюцинаціи зрѣнія совсѣмъ не представляютъ характера навязчивости и не имѣютъ наклонности дѣлаться явленіями стабильными. Напротивъ, существенныя черты ихъ здѣсь — мимолетность и свободная замѣна однихъ зрительныхъ образовъ другими, не имѣющими съ первыми никакой логической связи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обыкновенно не представляютъ ни малѣйшаго отношенія къ сознательной дѣятельности представленія и бываютъ совершенно независимы отъ воли воспріемлющаго субъекта. Такимъ образомъ, это ничуть не результатъ идеи, которая именно въ силу своего напряженія выливалась бы въ живо чувственную форму. Мори совершенно вѣрно говоритъ, что эти образы суть результатъ ассоціаціи, чисто спонтанной или автоматической, слѣдствіе извѣстнаго состоянія головнаго мозга, при чемъ приходятъ въ самопроизвольное возбужденіе тѣ или другіе морфологическіе элементы послѣдняго *).

Въ состояніяхъ, пограничныхъ между психическимъ здоровьемъ и душевною болѣзнію, кромѣ быстро смѣняющихся одна другою псевдогаллюцинацій зрѣнія, бываютъ и псевдогаллюцинаціи, такъ сказать, стабильныя: какой нибудь одинъ живо чувственный образъ постоянно появляется во внутреннемъ зрѣніи и задерживается подолгу, при чемъ явленіе можетъ имѣть мѣсто не только при закрытыхъ, но и при открытыхъ глазахъ; иногда изъ многихъ псевдогаллюцинацій какая нибудь одна пріобрѣтаетъ характеръ навязчивости и становится явленіемъ весьма мучительнымъ для воспріемлющаго сознанія. Здѣсь мы находимся уже въ области психопатологіи, такъ какъ болѣзненныя псевдогаллюцинаціи отличаются именно своею навязчивостью.

---

*) Marc. De la folie dans ses rapports avec les questions médicojudiciaires Paris 1840. II. p. 661.

**) Ern. Chambard. Du somnambulisme en général. Paris. 1881. p. 17.

*) Maury, l. c. pp. 69—71, 83 etc.

Вотъ нѣсколько примѣровъ псевдогаллюцинацій зрѣнія у субъектовъ психически здоровыхъ.

М. Долининъ, о которомъ неоднократно шла рѣчь раньше, весьма наклоненъ къ псевдогаллюцинированію зрѣніемъ. Почти каждый вечеръ, когда онъ, улегшись въ постель, приходитъ въ состояніе полнаго умственнаго успокоенія, однако еще задолго до наступленія дремоты или просонковъ, въ его внутреннемъ видѣніи появляется, одна за другою, рядъ живо чувственныхъ картинъ, проэцирующихся наружу и потому являющихся какъ бы передъ глазами; эти картины обыкновенно не находятся между собою въ логической связи, ихъ содержаніе совершенно независимо отъ содержанія сознанія Долинина и воля послѣдняго не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія ни на ихъ появленіе, ни на ихъ исчезаніе. Количество этихъ образовъ за извѣстный промежутокъ времени, ихъ сложность, содержаніе, размѣры, яркость красокъ бываютъ весьма различны и только отсутствіе того специфическаго характера объективности, который присущъ настоящимъ галлюцинаціямъ, отличаетъ ихъ отъ послѣднихъ. При этомъ иногда отдѣльныя псевдогаллюцинаціи трансформируются (при извѣстныхъ условіяхъ) въ настоящія галлюцинаціи *), пріобрѣтаютъ характеръ объективности, получаютъ, такъ сказать, плоть и кровь, «матеріализируются», если можно такъ выразиться. Надо замѣтить, что сознаніе относится къ галлюцинаціямъ (которыя являются или въ объективномъ полѣ зрѣнія закрытыхъ глазъ, или, при открытыхъ глазахъ, во внѣшнемъ пространствѣ, при чемъ эти образы приводятся въ то или другое отношеніе къ реальнымъ предметамъ) совсѣмъ иначе, чѣмъ къ псевдогаллюцинаціямъ: послѣднія остаются невинными продуктами автоматической дѣятельности воображенія, тогда какъ первыя суть дѣйствительные призраки, видимые уже не умственнымъ а тѣлеснымъ зрѣніемъ, вслѣдствіе чего ихъ появленіе всегда сопровождается особеннымъ непріятнымъ чувствомъ, хорошо характеризующимся выраженіемъ «становится жутко». Если простыя зрительныя псевдогаллюцинаціи при умѣренной интенсивности явленія обыкновенно бываютъ у Долинина первыми предвѣстниками имѣющаго наступить сна, то трансформація ихъ въ галлюцинаціи есть уже признакъ появленія особаго ирритативнаго состоянія головнаго мозга, въ результатѣ чего получается у Долинина безсонница съ особенною чувствительностью зрительнаго аппарата къ свѣтовымъ впечатлѣніямъ.

Для ближайшей характеристики зрительныхъ псевдогаллюцинацій Долинина достаточно слѣдующаго примѣра.—15 января 1883 г. г. Долининъ вернувшись со службы, пообѣдалъ и прилегъ на диванъ; совсѣмъ не чувствуя еще приближенія сна, онъ замѣтилъ у себя особенно значительное расположеніе къ псевдогаллюцинированію зрѣніемъ. Сначала появилось (на разстояніи приблизительно въ 3 метра) лице одного мужчины, видѣннаго имъ въ тотъ день; этотъ образъ держался передъ глазами, не составляя, однако, части темнаго зрительнаго поля, необыкновенно долго и, исчезая на нѣсколько секундъ, 3—4 раза появлялся снова. Затѣмъ начался рядъ фигуръ, довольно быстро смѣнявшихся одна другою (частію знакомыя, частію никогда невиданныя личности). Онѣ были бо́льшаго размѣра, чѣмъ первая и являлись въ разстояніи гораздо ближайшемъ; кромѣ лица фигуры, видимаго всѣми естественными очертаніями и красками, обрисовывалась также верхняя часть груди съ соотвѣтственнымъ платьемъ. При дальнѣйшемъ продолженіи явленія эти, такъ сказать, «портретныя псевдогаллюцинаціи» стали замѣняться галлюцинаціями панорамическими, которыя, при наступленіи дремотнаго состоянія, вполнѣ получили характеръ сновидѣній. Такъ, въ концѣ ряда логически не связанныхъ между собою панорамическихъ зрительныхъ псевдогаллюцинацій у Долинина является псевдогаллюцинація, подобная сновидѣнію не только своею сложностью, но и слѣдующими характерными чертами: a) въ произведеніи ея участвовали два чувства, зрѣніе и мышечное ощущеніе, а не одно зрѣніе, такъ что получилась псевдогаллюцинація комплексная, и b) сознаніе относилось къ этому псевдогаллюцинаторному явленію, по-крайней мѣрѣ, въ первые моменты по его возникновеніи, какъ къ реально переживаемому факту. Долинину представилось, что онъ ѣдетъ въ саняхъ по снѣжной улицѣ, ночью, при свѣтѣ стоящихъ по сторонамъ фонарей; мимо мелькаютъ высокія бѣлыя кучи снятаго съ улицы лишняго снѣга; нѣкоторыя изъ этихъ бѣлыхъ кучъ съ одной стороны освѣщены свѣтомъ ближайшаго фонаря. Вдругъ выходя изъ состоянія полудремоты, Долининъ, сознательно напрягаетъ свое воображеніе, желая искусственно замѣнить красноватое освѣщеніе снѣжныхъ кучъ отъ газовыхъ фонарей—бѣлофіолетовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе интенсивнымъ свѣтомъ отъ воображаемаго электрическаго освѣщенія. Но вмѣшательство сознательной воли портитъ все дѣло. Снѣжная улица, свѣтъ фонарей, чувство движенія впередъ при ѣздѣ (въ произведеніи этого чувства принимали участіе не только зрительныя, но и двигательныя представленія), все это мгновенно смѣшивается въ какой-то неопредѣленный трепещущій хаосъ, изъ котораго послѣ того, какъ сознаніе снова вернулось къ роли пассивнаго созерцателя, выдѣлился рядъ сѣрыхъ кучъ (начиная съ большой, онѣ постепенно становились все меньше и меньше), формою похожихъ на жилища термитовъ. Вдругъ сцена проясняется и неожиданно видится нѣчто совершенно новое: Долининъ сознаетъ себя стоящимъ въ залѣ желѣзнодорожнаго вокзала, противъ стеклянной двери на платформу. Дверь растворяется и черезъ нея, съ большою отчетливостью, открывается видъ желѣзнодорожной платформы: на первомъ планѣ—деревянная открытая галлерея со столбиками, въ которой

*) Въ силу чего совершается эта трансформація, будетъ указано послѣ: здѣсь достаточно повторить, что это происходитъ вовсе не путемъ увеличенія интенсивности явленія.

находятся, одѣтые по зимнему, разнаго рода люди; за платформою—поѣздъ, передній конецъ котораго, съ дымящимся локомотивомъ во главѣ, видѣнъ въ дверь значительно слѣва; за поѣздомъ—зимній пейзажъ. Это не было сновидѣніемъ, такъ какъ Долининъ не переставалъ сознавать, что онъ лежитъ на диванѣ и не спитъ. Впрочемъ, эта зрительная псевдогаллюцинація уже была весьма близкою къ сновидѣніямъ, такъ какъ былъ моментъ, когда въ ней Далининъ невольно представилъ себя участникомъ развернувшейся передъ нимъ сцены, именно смотрѣлъ изъ залы вокзала. Потомъ снова пошли сравнительно простыя портретныя псевдогаллюцинаціи, за которыми опять послѣдовалъ рядъ псевдогаллюцинаторныхъ картинъ, на этотъ разъ подобныхъ сновидѣніямъ тѣмъ, что эти картины до извѣстной степени логически вязались между собою. Въ заключеніе—незамѣтный для сознанія Долинина переходъ въ область настоящихъ сновидѣній: наступилъ обыкновенный послѣобѣденный сонъ.

«Разъ мнѣ пришлось просмотрѣть въ теченіи дня множество англійскихъ книгъ, напечатанныхъ на сатинированной бумагѣ; когда я, улегшись въ постель, закрылъ глаза и почувствовалъ близость наступающаго сна, я вдругъ увидалъ блестящую бумагу съ напечатанными на ней тремя англійскими словами. Другой разъ я неоднократно въ теченіи дня смотрѣлся въ зеркало, приводя въ порядокъ свою бороду, такъ что смотрѣніе нѣсколько утомило мои слабые глаза. Лежа вечеромъ въ постели, я вдругъ отчетливо увидалъ, на блестящемъ фонѣ, свое лице, совершенно такъ, какъ видѣлъ его въ теченіи дня въ зеркалѣ». (Мори, l. c. pp. 85, 86).

«13 ноября 1847, я читалъ вслухъ «Путешествіе по южной Россіи» Гоммера де Гелля. Когда я, окончивъ абзацъ, невольно закрылъ глаза, то въ это мгновеніе короткой дремоты я гипнагогически увидалъ съ быстротою молніи промелькнувшій передо мною образъ человѣка, одѣтаго, на манеръ монаховъ изъ картинъ Зурбарана, въ темную рясу съ капишономъ. Появленіе этого образа напомнило мнѣ, что я закрылъ глаза и пересталъ читать. Я снова началъ чтеніе вслухъ, при чемъ упомянутый перерывъ въ чтеніи былъ настолько коротокъ, что особа, которая меня слушала, его не замѣтила». (Мори, l. c. p. 61).

«Пейзажи, рисовавшіеся передъ моими закрытыми глазами, были то чисто продуктами моей фантазіи, то воспроизведеніемъ мѣстностей, видѣнныхъ мною или въ дѣйствительности, или изображенными на картинахъ. Въ первую ночь, проведенную мною въ Константинѣ, живописный видъ которой привелъ меня въ восторгъ, я, лежа въ постели съ закрытыми глазами, вновь увидалъ ту мѣстность, дѣйствительнымъ видомъ которой я восхищался въ тотъ день послѣ полудня. Подобное же я испыталъ и въ Константинополѣ, три дня спустя послѣ моего прибытія туда. Когда

я былъ въ Барцелонѣ, то разъ, лежа въ постели, я отчетливо увидалъ одинъ домъ изъ части города, называемой Барцелонеттой, домъ, на который въ дѣйствительности я очень мало обратилъ вниманія». (Мори, l. c. p. 87).

«У меня, разсказываетъ Гёте, была слѣдующая особенность. Если я, склонивъ голову и закрывъ глаза, представлялъ въ центрѣ своего поля зрѣнія цвѣтокъ, то послѣдній ни минуты не оставался безъ измѣненія, но непрерывно развертывался, развивая изъ себя все новые и новые цвѣты, то съ разноцвѣтными, то съ зелеными лепестками; это были не натуральные цвѣты, но фантастическіе; тѣмъ не менѣе, они бы правильны, подобно розеткамъ скульпторовъ». Обыкновенно этотъ разсказъ приводится какъ примѣръ галлюцинаціи при закрытыхъ глазахъ; однако, изъ словъ Гёте вовсе не видно, чтобы тутъ рѣчь шла о настоящей галлюцинаціи, а не о псевдогаллюцинаціи. Вообще, мнѣ кажется, что совершенно напрасно считаютъ Гёте за галлюцинанта. Такъ, Гётевскій извѣстный «сѣрый двойникъ» былъ или зрительною псевдогаллюцинаціею или же простымъ сновидѣніемъ. Гёте разсказываетъ, что, послѣ того, какъ онъ съ большимъ волненіемъ простился съ Фредерикою, онъ ѣхалъ верхомъ по дорогѣ въ Друзенгеймъ и вдругъ увидалъ, но увидалъ не тѣлесными, а духовными очами, себя самого ѣдущимъ по той же дорогѣ навстрѣчу, одѣтымъ въ необычный костюмъ, сѣрый съ золотомъ. Видѣніе было очень кратковременнымъ, такъ какъ Гёте быстро стряхнулъ съ себя сонъ. Въ этомъ разсказѣ странно только слѣдующее: восемь лѣтъ спустя Гёте пришлось тою же дорогою ѣхать къ Фредерикѣ, случайно будучи въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ ему показался вышеупомянутый двойникъ *).

Псевдогаллюцинаціи зрѣнія при острыхъ и подъострыхъ формахъ душевнаго разстройства, равно какъ и при хронической идеофреніи суть самое обыкновенное явленіе. Содержаніе ихъ бываетъ то угнетающее или устрашающее, то возвышенно-экспансивное, то эротическое, то индифферентное. Обыкновенно будучи тѣсно связаны съ интеллектуальнымъ бредомъ больныхъ и служа ему какъ бы иллюстраціями, онѣ обратно иногда оказываютъ громадное вліяніе на интеллектуальный бредъ, давая ему то или другое направленіе или, по крайней мѣрѣ, являясь исходною точкою отдѣльныхъ ложныхъ идей. У душевно-больныхъ псевдогаллюцинаціи зрѣнія бываютъ или быстро смѣняющимися одна другою субъективными картинами, по содержанію своему

*) Goethe's, Leben. III. p. 84.

весьма разнообразными и составляющими въ общемъ непрерывные и длинные псевдогаллюцинаторные ряды, или онѣ являются болѣе интеркурентно и имѣютъ содержаніе довольно однообразное; наконецъ, бываютъ устойчивыя или стабильныя зрительныя псевдогаллюцинаціи. Непрерывно смѣняющіяся псевдогаллюцинаціи зрѣнія свойственны острымъ формамъ душевнаго разстройства (въ особенности, острой идеофреніи), гдѣ онѣ самымъ причудливымъ образомъ переплетаются съ настоящими галлюцинаціями зрѣнія и слуха, съ ложными идеями и навязчивыми представленіями. Въ большинствѣ случаевъ онѣ сами имѣютъ характеръ навязчивости, такъ что больной при всѣхъ усиліяхъ своей воли часто не въ состояніи освободиться отъ непріятныхъ субъективныхъ образовъ. Оттого-то больные обыкновенно прямо говорятъ, что эти образы бываютъ имъ искусственно навязываемы невидимыми преслѣдователями, или жалуются, что эти преслѣдователи мучатъ ихъ, насильно показывая имъ разныя возмутительныя картины. Псевдогаллюцинаторные зрительные образы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не остаются безъ измѣненія все то время, когда держатся передъ внутреннею точкою зрѣнія но, напротивъ, разнообразно и постоянно искажаются, такъ что, напримѣръ, псевдогаллюцинаторно видимыя лица знакомыхъ и дорогихъ людей строятъ передъ внутреннимъ окомъ больнаго болѣе или менѣе отвратительныя гримасы, разнообразно уродуются, вытягиваются и раздираются. Иногда на это искаженіе дорогихъ для него образовъ больной жалуется больше чѣмъ на навязчивость галлюцинацій, и, разумѣется, это явленіе почти всегда ставится на счетъ таинственнымъ преслѣдователямъ, какъ одна изъ самыхъ утонченныхъ пытокъ со стороны послѣднихъ. Характеръ навязчивости бываетъ всего рѣзче выраженъ въ болѣе однообразныхъ по содержанію псевдогаллюцинаціяхъ при хронической паранойа; иногда случается даже такъ, что какой нибудь одинъ противный или устрашающій зрительный образъ привязывается особенно цѣпко, болѣе или менѣе продолжительное время приводя больнаго въ отчаяніе (стабильныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія). Бредъ лихорадочныхъ больныхъ (delirium febrile), какъ я убѣжденъ, въ большинствѣ случаевъ сопровождается именно зрительными псевдогаллюцинаціями, а не настоящими галлюцинаціями; напротивъ, галлюцинаціи не особенно рѣдки въ періодѣ крайняго истощенія нервной системы, наступающемъ непосредственно послѣ того, когда лихорадка стихла, а бредъ и сплошное псевдогаллюцинированіе уже прекратились.

Хотя больные рѣзко различаютъ свои зрительныя псевдогаллюцинаціи отъ галлюцинацій, тѣмъ не менѣе при душевныхъ болѣзняхъ псевдогаллюцинаціи уже не признаются продуктомъ субъективной дѣятельности воображенія, но почти всегда считаются за факты, искусственно обусловленные посторонними лицами, или за отраженія явленій, которыя совершились въ дѣйствительности или сами по себѣ, или подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ дѣятелей. Помимо присущаго псевдогаллюцинаціямъ душевно-больныхъ характера независимости отъ воспріемлющаго сознанія и ихъ навязчивости, это происходитъ отъ того, что псевдогаллюцинаторныя явленія у душевно-больныхъ отличаются такимъ же (если еще не большимъ) свойствомъ высочайшей убѣдительности, которое характеризуетъ многія неожиданно возникающія въ сознаніи такихъ больныхъ ложныя идеи. Откуда получается эта высокая степень убѣдительности и несомнѣнности первичныхъ ложныхъ представленій, въ силу которой продукты дѣятельности представленія моментально и неизбѣжно пріобрѣтаютъ для больнаго значеніе, одинаковое съ совершившимися фактами, здѣсь не мѣсто разбирать, такъ какъ это относится уже къ патологіи интеллектуальнаго бреда и имѣетъ корень въ разстройствахъ, поражающихъ всю сферу представленія. Достаточно сказать, что въ этомъ мы имѣемъ источникъ многихъ случаевъ кажущейся алогіи психически больныхъ; именно этимъ путемъ, въ ущербъ всякой логикѣ, невозможное можетъ стать для больнаго совершившимся фактомъ, очевидностью, истиною, познанною посредствомъ непосредственнаго усмотрѣнія или интуиціи и потому обладающею высочайшею степенью достовѣрности, гдѣ исключена даже возможность сомнѣнія. Разумѣется и такія мнимыя истины суть результатъ безсознательнаго умозаключенія, при чемъ остающіяся несознанными посылки создаются болѣзненно разстроенною дѣятельностью головнаго мозга *).

*) И въ здоровомъ состояніи человѣкъ не обходится безъ истинъ, усмотрѣнныхъ непосредственно; эти истины суть коренныя посылки, изъ которыхъ выводятся, путемъ умозаключенія, всѣ остальныя. Примѣромъ истинъ познаваемыхъ нами непосредственно или интуитивно, могутъ служить наши собственныя тѣлесныя ощущенія и душевныя чувства. Этого рода истины

Такое же различіе отношенія субъективнаго образа къ собственной пространственности воспріемлющаго лица какъ при образахъ зрительнаго воспоминанія замѣчается и при зрительныхъ псевдогаллюцинаціяхъ. Въ относительно болѣе простыхъ изъ гипнагогическихъ и фебрильныхъ псевдогаллюцинацій, равно какъ въ интеркурентныхъ и стабильныхъ псевдогаллюцинаціяхъ душевно-больныхъ зрительный образъ самъ собою является передъ внутреннозрящимъ субъектомъ и, помимо воли послѣдняго и безъ всякаго въ немъ чувства внутренней дѣятельности, приводится въ опредѣленное пространственное отношеніе къ дѣйствительному положенію индивидуума въ данную минуту. Отъ этого воспріемлющему субъекту можетъ показаться, что онъ здѣсь видитъ больше глазами, чѣмъ головою. Напротивъ, при непрерывномъ зрительномъ псевдогаллюцинированіи (въ особенности у острыхъ идеофрениковъ), гдѣ псевдогаллюцинаторныя картины часто имѣютъ большую сложность и сцена часто мѣняется, субъективные образы обыкновенно не приводятся въ отношеніе къ дѣйствительному положенію больнаго въ данную минуту, такъ что больной, отвлекшись вниманіемъ отъ своей дѣйствительной обстановки, каждую минуту непроизвольно представляетъ себя въ совершенно иномъ, относительно дѣйствительнаго, пространственномъ положеніи. Здѣсь больной, погружаясь въ псевдогаллюцинаціонный міръ, отрѣшается отъ дѣйствительности вниманіемъ, тогда какъ при сновидѣніи и при чисто кортикальныхъ галлюцинаціяхъ онъ отрѣшается отъ дѣйствительности сознаніемъ.

Живые зрительные образы, являющіеся у лихорадочныхъ больныхъ, обыкновенно суть псевдогаллюцинаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я два раза, послѣдовательно одинъ за другимъ, перенесъ рожу лица. При

представляютъ для человѣка наибольшую достовѣрность, въ сравненіи съ истинами производными, выведенными путемъ умозаключенія. Наилучшее доказательство мы получаемъ тогда, когда доказываемое предложеніе оказывается выводомъ, при чемъ въ качествѣ исходной посылки находится истина, познаваемая непосредственно. „Если кто видитъ или чувствуетъ что-либо, тѣлесно или духовно, то не можетъ не быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ это видитъ или чувствуетъ. Для установленія такихъ истинъ не требуется никакой науки; никакія правила искусства не могутъ придать нашему знанію подобныхъ истинъ большей достовѣрности, чѣмъ лежитъ въ немъ самомъ. Для этой части нашихъ знаній логики не существуетъ“. (Милль, Система логики. Перев. Спб. 1865. I. p. 7).

этомъ въ то время, когда температура тѣла была очень высока, меня жестоко мучили обильныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія; стоило лишь закрыть глаза, какъ во внутреннемъ видѣніи возникали живые, ярко расцвѣченные образы, чаще всего лица знакомыхъ и незнакомыхъ людей, обыкновенно строившія разнаго рода гримасы, безобразно искажавшіяся и т. п. Всякая мысль, являющаяся въ мозгѣ сильно лихорадящаго человѣка (при лихорадочномъ состояніи теченіе представленій бываетъ по большей части ускореннымъ, при чемъ мысли смѣняются въ сознаніи безъ правильной логической связи между собою) выливается въ живо чувственную форму, такъ что такъ-называемый лихорадочный бредъ (delirium febrile) лишь малою своею частью есть бредъ интеллектуальный (т.-е. составленный изъ абстрактныхъ, не образныхъ представленій), главнымъ же образомъ есть бредъ живо чувственный, по преимуществу именно въ формѣ сплошнаго псевдогаллюцинированія зрѣніемъ. Въ тяжелыхъ случаяхъ лихорадочнаго бреда (однако, еще въ то время, когда больной не переставалъ сознавать окружающаго) къ псевдогаллюцинаціямъ зрѣнія присоединяются псевдогаллюцинаціи слуха, осязанія и общаго чувства. Въ результатѣ получается невыразимый псевдогаллюцинаторный хаосъ, а по содержанію бредъ иной разъ получаетъ форму delirii metamorphosis *). Изъ разсказа одного изъ моихъ знакомыхъ, недавно перенесшаго возвратную горячку, осложненную крупознымъ воспаленіемъ легкаго, я могъ убѣдиться, что, не испытавъ настоящихъ галлюцинацій, онъ, въ своемъ лихорадочномъ бредѣ, псевдогаллюцинировалъ не только зрѣніемъ, но и общимъ чувствомъ. Однажды въ теченіи цѣлыхъ сутокъ онъ чувствовалъ себя превращеннымъ въ лошадь, которая, будучи осѣдлана дамскимъ сѣдломъ и управляема

*) Что касается до настоящихъ галлюцинацій зрѣнія, то онѣ, въ зависимости отъ лихорадочныхъ болѣзней, получаются различнымъ путемъ: a) если при лихорадочномъ псевдогаллюцинированіи сознаніе больнаго помрачается до такой степени, что воспріятіе впечатлѣній изъ реальнаго внѣшняго міра становится невозможнымъ, то псевдогаллюцинаціи неизбѣжно превращаются въ кортикальныя галлюцинаціи: больной впадаетъ какъ бы въ тяжелый сонъ, съ непомѣрно живыми и яркими сновидѣніями, которыя иногда на всю жизнь крѣпко запечатлѣваются въ памяти; b) галлюцинаціи зрѣнія и слуха внѣ состоянія полной обнубиляціи сознанія, т-е, одновременныя съ воспріятіями изъ реальнаго внѣшняго міра и равнозначущія съ ними, разумѣется, тоже возможны въ зависимости отъ лихорадочныхъ болѣзней, однако, онѣ бываютъ далеко не такъ часто, какъ обыкновенно думаютъ; лишь временами, въ качествѣ эпизодическихъ явленій, вмѣшиваются онѣ въ сплошное теченіе псевдогаллюцинацій и, конечно, въ сознаніи больныхъ рѣзко отдѣляются отъ этихъ послѣднихъ. Вообще, галлюцинаціи внѣ состоянія отрѣшенности сознанія отъ реальнаго міра чаще наблюдаются не во время лихорадочнаго бреда а послѣ, когда лихорадочное состояніе съ псевдогаллюцинаторнымъ бредомъ уже прошло, оставивъ послѣ себя глубокое истощеніе головномозговыхъ центровъ.

ловкою наѣздницею (одна высокопоставленная дама), въ бѣшеной скачкѣ носится по полямъ и лугамъ; исходною точкою этого псевдогаллюцинаторнаго delirii metamorphosis несомнѣнно послужило ощущеніе присутствія согрѣвающаго компресса (сѣдло), облекавшаго грудь и спину больнаго.

Вообще я полагаю, что и при delirium metamorphosis душевно-больныхъ, напр. ликантроповъ, исходною точкою бреда чаще бываютъ галлюцинаціи въ сферѣ одного изъ чувствъ; остальное же дополняется псевдогаллюцинаціями или даже просто фантазіею. Такъ, больной можетъ имѣть извѣстнаго рода кожныя ощущенія, убѣждающія его, что тѣло его покрылось шерстью и приводящія къ той интуитивно познанной мнимой истинѣ, что онъ превращенъ въ волка. Но такой больной можетъ и не галлюцинировать зрѣніемъ, и когда онъ осматриваетъ напр. свои руки, то не видитъ на нихъ волчьихъ когтей и шерсти. Но стоитъ лишь ему не смотрѣть на свои члены или закрыть глаза, какъ въ помощь галлюцинаціямъ осязанія и общаго чувства являются псевдогаллюцинаціи зрѣнія, въ которыхъ конечности больнаго уже являются волчьими лапами. То обстоятельство, что ликантропъ видитъ у себя вмѣсто волчьихъ лапъ обыкновенныя человѣческія руки и ноги, никакъ не можетъ служить противовѣсомъ противъ интуитивно получившагося и потому въ своей непосредственной достовѣрности несокрушимаго убѣжденія, что онъ превращенъ въ волка. Въ этой области нѣтъ логики или, вѣрнѣе сказать, существуетъ совсѣмъ особая болѣзненная логика, болѣзненная, впрочемъ, только потому, что коренною посылкою здѣсь берется галлюцинація или непосредственное болѣзненное чувство. Въ нашемъ примѣрѣ ликантропъ можетъ судить такъ: я превращенъ въ волка, однако я вижу у себя человѣческія руки и ноги; значитъ мои волчьи лапы для меня невидимы, а видимыя человѣческія руки и ноги—обманъ зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, невидимость шерсти на тѣлѣ здѣсь ничего не значитъ передъ фактомъ ощущенія ея присутствія на тѣлѣ, равно какъ и передъ еще болѣе важнымъ фактомъ чувства своего «на волчій манеръ» измѣненнаго сознанія.

Зрительныя псевдогаллюцинаціи лихорадящихъ больныхъ не всегда представляютъ собою рядъ непрерывно смѣняющихся картинъ разнообразнаго содержанія, но иногда являются и въ формѣ стабильныхъ явленій.

Одна моя знакомая, старушка лѣтъ 70-ти, недавно была больна крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. За все время болѣзни у нея была лишь одна (правда, комплексная) галлюцинація, однообразно повторявшаяся въ теченіи нѣсколькихъ дней и одна, еще болѣе однообразно повторявшаяся, зрительная псевдогаллюцинація. Больная чувствовала, что на ней катаются двѣ бутылки изъ-подъ вина; открывъ глаза, она даже видѣла эти двѣ катавшіяся по ея постели бутылки, изъ которыхъ одна была изъ темнаго, другая изъ свѣтлаго стекла; колотясь одна о другую, бутылки издавали звонъ и этимъ звономъ выговаривали все одну и ту же фразу: «раздѣли твой капиталъ, раздай твои деньги»; это была галлюцинація. Но едва лишь больная закрывала глаза, какъ передъ нею надолго устанавливался псевдогаллюцинаторный образъ приглашенной для ухода за нею сестры милосердія. Эта псевдогаллюцинація стабильно повторялась въ теченіи трехъ дней и неотвязность образа была крайне непріятна больной; «чего хочетъ отъ меня эта рожа, чего она ко мнѣ привязалась!» говорила съ гнѣвомъ больная.

Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ стабильной псевдогаллюцинаціи зрѣнія въ состояніи, промежуточномъ между психическимъ здоровьемъ и душевною болѣзнью.

Одинъ изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, Александръ Мелехинъ, родился и воспитывался первое время своего дѣтства въ деревнѣ, въ Забайкальской области. Не имѣя наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ страданіямъ, онъ тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе не совсѣмъ обычныхъ условій умственнаго развитія, съ дѣтства отличался нѣкоторыми странностями, какъ-то: любовью къ уединенію, религіознымъ направленіемъ мысли, наклонностью къ созерцательности и мистицизму. Эти черты характера получили особенное развитіе, когда Мелехину было 12 лѣтъ, подъ руководствомъ одного молодаго человѣка, который, поступивъ въ домъ Мелехиныхъ въ качествѣ домашняго учителя, потомъ оказался помѣшаннымъ на религіи. Видя благодарную почву въ религіозности мальчика, сумасшедшій учитель со всѣмъ жаромъ и рвеніемъ фанатика принялся за религіозное воспитаніе Александра, поставивъ себѣ цѣлью приготовить изъ него монаха-аскета. Вслѣдствіе этого «свѣтскія науки» были оставлены въ небреженіи, вмѣсто того мальчикъ въ теченіи всего дня долженъ былъ изучать псалтирь и Новый Завѣтъ, читать разныя религіозно-нравственныя поученія и вести подробный счетъ своимъ прегрѣшеніямъ, вольнымъ, невольнымъ, «еже словомъ, дѣломъ и помышленіемъ». Въ комнатѣ, служившей классною и спальнею Александра, имѣлась громадная икона, на которой масляными красками на холстѣ было изображено, чуть что не въ натуральную величину, распятіе Христа, а въ самомъ низу холста, какъ эмблема смерти, была помѣщена такъ называемая «Адамова голова», т.-е. черепъ и подъ нимъ крестъ на крестъ двѣ бедряныя кости. Стоя на молитвѣ передъ этою мрачною иконою, мальчикъ долженъ былъ прочитывать по подробному молитвослову утромъ—всѣ утреннія, вечеромъ — всѣ вечернія молитвы съ прибавленіемъ акафистовъ Пресвятой Богородицѣ и Сладчайшему Іисусу. Такимъ образомъ, 12-ти лѣтнему Александру по-неволѣ приходилось ложиться въ постель съ благочестивыми размышленіями чаще всего на тэму только-что прочитанныхъ въ молитвен-

никѣ словъ: «да не будетъ одръ сей ми въ гробъ...» Вотъ, разъ вечеромъ, отбывъ обычное молитвенное стояніе, мальчикъ улегся на свой «одръ» и закрылъ, въ ожиданіи сна, глаза; вдругъ, совершенно неожиданно, онъ почувствовалъ, что передъ его постелью кто-то стоитъ. Испуганно открывъ глаза, онъ тѣлесно никого не видитъ въ комнатѣ, слабо освѣщенной ночникомъ; внутренно же, какъ при открытыхъ, такъ и при закрытыхъ глазахъ, но въ послѣднемъ случаѣ рѣзче, онъ видитъ, что въ двухъ шагахъ отъ постели, лицемъ прямо къ ней, стоитъ, скрестивъ руки на груди, сѣдовласый старецъ въ черной монашеской рясѣ. Въ эту ночь, бѣдный мальчикъ, заснулъ, измученный душевно, лишь на разсвѣтѣ; онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого субъективнаго образа, хотя внѣшними своими очами онъ не видѣлъ ничего особеннаго. Проснувшись на другой день, Александръ почувствовалъ, что старецъ, будучи по прежнему невидимъ тѣлесно, все еще находится тутъ, оставаясь въ прежней, все одной и той же позѣ. «Это преподобный отецъ Макарій», рѣшилъ мальчикъ (вѣроятно потому, что одна изъ болѣе выразительныхъ молитвъ на сонъ грядущій, есть твореніе именно преподобнаго Макарія), «это явленіе мнѣ обозначаетъ, что я скоро долженъ умереть». Только что описанный субъективный зрительный образъ, въ качествѣ стабильной псевдогаллюцинаціи, болѣе двухъ недѣль не отвязывался отъ мальчика и чуть не свелъ его съ ума. Боясь насмѣшекъ, Александръ не разсказывалъ про это «явленіе» окружающимъ, но страдалъ онъ сильно, въ особенности днемъ, такъ какъ постоянное присутствіе въ сознаніи одного и того же насильственно вторгшагося туда и крѣпко тамъ застрявшаго зрительнаго образа, естественно, чрезвычайно тормозило умственную дѣятельность и не позволяло готовить уроки или просто читать. Смотря на то мѣсто, гдѣ стоялъ «невидимо явившійся отецъ Макарій», Александръ ничего не видалъ кромѣ реальныхъ предметовъ, именно угла комнаты, по одну сторону котораго помѣщался комодъ, по другую кожаный диванъ (служившій мальчику вмѣсто кровати). При всемъ томъ, внутреннимъ, ни чѣмъ не сокрушимымъ ощущеніемъ онъ чувствовалъ присутствіе этого псевдогаллюцинаторнаго фантома, и образъ старика, стоявшаго въ прежней позѣ, какъ сначала—лицемъ къ дивану, неотвязно держался передъ его внутреннимъ зрѣніемъ. Сидя надъ книгою и напрасно стараясь помощью чтенія отвлечься (понятно, это былъ чисто механическій процессъ чтенія, такъ какъ мысль тормозилась стабильною псевдогаллюцинаціею) Александръ боялся поднять глаза къ тому мѣсту комнаты, гдѣ, въ его внутреннемъ видѣніи, стоялъ св. Макарій, боялся, невольно ожидая, что увидитъ наконецъ этого старца уже не внутреннимъ, а объективнымъ зрѣніемъ, какъ тѣлесную дѣйствительность. Даже перейдя въ другую комнату, Александръ все-таки не могъ отрѣшиться отъ своего старца и продолжалъ живо чувствовать, что послѣдній все еще тамъ, на прежнемъ

мѣстѣ, въ углу, образуемомъ комодомъ и диваномъ, лицемъ къ дивану. Эта стабильная псевдогаллюцинація, не оставлявшая Александра болѣе двухъ недѣль, и навѣянныя ею мысли о близости кончины, лишила мальчика сна и аппетита и привела его въ состояніе меланхолическаго угнетенія духа, которое, наконецъ, было замѣчено родителями. Когда, такимъ образомъ, обнаружилось, что вліяніе учителя (домашніе считали его полусумасшедшимъ, въ дѣйствительности же это былъ полный сумасшедшій, съ религіознымъ бредомъ и галлюцинаціями по ночамъ), посты и религіозныя упражненія (въ которыхъ родители сперва не находили ничего дурнаго) дѣйствуютъ губительно на психическое здоровье Саши, учителю было отказано, а мальчика отправили въ Иркутскъ для помѣщенія въ пансіонъ. Измѣненіе занятій и прежняго рода жизни, путешествіе, новая обстановка и новыя впечатлѣнія помогли Александру позабыть св. Макарія и освободиться отъ мыслей религіозно-меланхолическаго свойства; безъ этой рѣзкой перемѣны въ судьбѣ мальчика у него, вѣроятно, не замедлило бы развиться настоящее душевное разстройство. Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ чистый случай «видѣнія въ духѣ», которое, какъ здѣсь видно, можетъ быть совершенно независимымъ отъ произвольной игры фантазіи.

Что касается до примѣровъ зрительныхъ псевдогаллюцинацій при душевныхъ болѣзняхъ, то я могъ бы привесть сотни такихъ примѣровъ, такъ какъ во всякомъ сколько-нибудь значительномъ заведеніи для умалишенныхъ псевдогаллюцинирующіе больные могутъ считаться десятками. Большая часть параноиковъ суть псевдогаллюцинанты.

Больной Лашковъ одно время своей болѣзни (ideophrenia s. paranoia hallucinatoria subacuta) имѣлъ нѣсколько эпизодическихъ галлюцинацій зрѣнія; около этого же времени у него были особенно живыя и обильныя зрительныя псевдогаллюцинаціи. Находясь у насъ, въ больницѣ св. Николая Чудотворца, этотъ больной разъ сидѣлъ на койкѣ и смотрѣлъ на противоположную стѣну, прислушиваясь къ тому, что ему говорили «голоса изъ простѣнка». Бредъ больнаго въ это время вертѣлся на томъ, что врачи больницы согласились между собою, съ цѣлью спасенія его, Лашкова, отъ будто бы угрожавшей ему смертной казни за политическія преступленія, постоянно дѣйствовать на него per distantiam посредствомъ особой хитроустроенной электрической машины, и вообще производить надъ нимъ различнаго рода таинственные «эксперименты», отъ которыхъ онъ, Лашковъ, въ результатѣ долженъ былъ придти къ состоянію одурѣнія, исключающее собою вмѣняемость. Вдругъ онъ внутренно видитъ на недалекомъ отъ себя разстояніи весьма отчетливый зрительный образъ — четыреугольный листокъ блѣдносиневатой марморизированной бумаги, величиною въ осьмушку писчаго листа; на листѣ крупными золотыми буквами

было напечатано: «Докторъ Браунъ». Въ первый моментъ больной пришелъ было въ недоумѣніе, не понимая, что могло бы это значить; но «голоса изъ простѣнка» вскорѣ возвѣстили ему: «вотъ, профессоръ Браунъ прислалъ тебѣ свою визитную карточку». Хотя бумага карточки и напечатанныя на ней золотыя буквы были увидѣны весьма отчетливо, тѣмъ не менѣе Лашковъ, по выздоровленіи рѣшительно утверждалъ, что это была не настоящая галлюцинація, а именно то, что онъ, за неимѣніемъ лучшаго термина, назвалъ «экспрессивно-пластическое представленіе». За первою карточкою стали получаться и другія, съ разными фамиліями (исключительно врачей и профессоровъ медицины), при чемъ каждый разъ «голоса» докладывали: «вотъ тебѣ визитная карточка доктора X..., профессора У...» и т. д. Тогда Лашковъ обратился къ лицамъ въ простѣнкѣ съ вопросомъ, не можетъ ли и онъ, въ отвѣтъ на любезность врачей и профессоровъ, почтившихъ его своимъ вниманіемъ, разослать имъ свои визитныя карточки, на что ему было отвѣчено утвердительно. Надо замѣтить, что къ этому времени Лашковъ на столько освоился съ «голосами», что иногда (но не иначе, какъ оставшись одинъ въ комнатѣ) обращался къ нимъ съ разнаго рода вопросами и протестами, произнося ихъ вслухъ и выслушивая, галлюцинаторно, на нихъ отвѣты. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ дней Лашковъ, сидя одинъ въ своей комнатѣ, только тѣмъ и занимался, что получалъ, путемъ псевдогаллюцинацій зрѣнія, визитныя карточки отъ разныхъ лицъ и взамѣнъ того мысленно (но не псевдогаллюцинаторно) разсылалъ въ большомъ количествѣ свои собственныя карточки, пока, наконецъ, не былъ рѣзко остановленъ голосомъ изъ простѣнка: «не стрѣляй такъ твоими карточками». Послѣдняя изъ полученныхъ больнымъ карточекъ была напечатана уже не золотыми, а грязно-желтыми буквами, что «голоса» объяснили такъ: «ну, вотъ, ты и дождался карточки, напечатанной г.....ъ». По выздоровленіи Лашковъ утверждалъ, что при этомъ онъ прежде видѣлъ, а потомъ уже слышалъ объясненіе, но не наоборотъ.

Нѣсколько времени спустя тотъ же больной въ теченіи трехъ дней подъ-рядъ не могъ отдѣлаться отъ псевдогаллюцинаторнаго образа ординатора отдѣленія (это былъ я). Во внутреннемъ зрѣніи Лашкова неотвязно установился, въ весьма точномъ и живомъ видѣ, мой образъ, во весь ростъ и въ натуральную величину, при чемъ, къ довершенію непріятнаго положенія больнаго, я не оставался въ покоѣ, а постоянно взмахивалъ руками и ногами, совершенно на манеръ тѣхъ игрушекъ изъ картона, гдѣ руки и ноги раскрашенной фигурки одновременно дергаются, если потягивать за ниточку. Не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ этого псевдогаллюцинаторнаго образа, который, по мнѣнію больнаго, былъ умышленно «навязанъ» ему мною, Лашковъ обратился съ протестомъ къ лицамъ въ простѣнкѣ, но получилъ отъ нихъ лишь короткій и сухой отвѣтъ: «такъ

надо!» Тогда негодующій больной воскликнулъ: «такъ навяжите же Канд—му, въ отместку за эту его штуку, мой образъ!»—и остался въ полной увѣренности, что его распоряженіе исполнено.

Изъ множества другихъ зрительныхъ псевдогаллюцинацій Лашкова упомяну о слѣдующихъ: большой золотой крестъ и на немъ, огненными буквами, надпись: «свобода»; проф. П. И. Ковалевскій (Лашковъ никогда не видывалъ д-ра Ковалевскаго, тѣмъ не менѣе былъ твердо убѣжденъ, что это никто другой, какъ именно онъ) въ клобукѣ и монашеской мантіи, съ архіерейскимъ жезломъ въ рукахъ, которымъ онъ совалъ прямо въ глаза Лашкову; одинъ изъ служителей отдѣленія глоталъ его, Лашкова, при чемъ псевдогаллюцинировался какъ образъ служителя, считавшагося больнымъ за жандарма (глотавшій), такъ и его собственный, Лашкова, образъ (глотаемый). Весьма любопытно то, какъ этотъ больной объяснялъ самому себѣ свои зрительныя псевдогаллюцинаціи: онъ отлично чувствовалъ, что видитъ всѣ эти вещи не тѣлеснымъ зрѣніемъ, но внутренно и считалъ этого рода субъективныя явленія происходящими отъ того, что профессоръ окулистики д-ръ Браунъ, спеціально для этого вызванный изъ Москвы, особымъ образомъ обработалъ (на тогдашнемъ языкѣ больнаго — «отпрактивалъ») ему зрительный нервъ. Настоящія же галлюцинаціи зрѣнія Лашковъ считалъ реальными явленіями въ пространствѣ, производимыми посредствомъ волшебныхъ фонарей и другихъ физическихъ приспособленій.

Г. Долининъ во время своей болѣзни (галлюцинаторное помѣшательство) одновременно съ постоянными галлюцинаціями слуха и нерѣдкими галлюцинаціями зрѣнія (которыя временами бывали даже множественными) имѣлъ обильныя зрительныя псевдогаллюцинаціи. Однѣ изъ нихъ служили какъ бы иллюстраціею для бреда больнаго и отличались отъ простыхъ картинъ, созданныхъ больною фантазіею Долинина, лишь несравненно большею живостью и чувственною опредѣленностью, равно какъ и своею неотвязностью, вмѣстѣ съ отсутствіемъ чувства внутренней дѣятельности. Другія же, столь же чувственно опредѣленные и живые, тоже неотвязные зрительные образы, возникали въ сознаніи совершенно неожиданно и своимъ содержаніемъ нерѣдко давали новую пищу для бреда больнаго. Подъ вліяніемъ галлюцинацій слуха въ высшей степени подавляющаго характера, Долининъ одно время своей болѣзни ежеминутно ожидалъ, что его поведутъ на пытку, на казнь (при чемъ псевдогаллюцинировалась сцена казни черезъ повѣшеніе), бросятъ въ огромную, пылающую огнемъ, печь и т. п. Но особенно долго его мучила, въ видѣ зрительной псевдогаллюцинаціи, «нюрембергская красавица». Много лѣтъ тому назадъ въ какомъ-то музеѣ, гдѣ показывались средневѣковыя орудія пытки, Долининъ видѣлъ между прочимъ снарядъ для казни извѣстнымъ образомъ погрѣшив-

шихъ женщинъ — желѣзная, внутри полая женская кукла, которая, по длинѣ своей, вертикально раздѣлялась на двѣ половины и по внутренней поверхности была усажена большущими острыми гвоздями: несчастная жертва будто-бы была зажимаема между двумя створками этого футляра, при чемъ гвозди пронизывали ей тѣло. Между многими другими псевдогаллюцинаціями зрѣнія, Долининъ одно время, въ теченіи нѣсколькихъ дней подъ рядъ видѣлъ неотвязный псевдогаллюцинаторный образъ: раскрытая, на манеръ шкафа, «нюрембергская красавица», въ одной половинѣ которой стоялъ онъ, Долининъ, съ искаженнымъ отъ ужаса лицемъ и поднявшимися дыбомъ волосами.

Хроникъ Переваловъ, какъ мы уже видѣли, имѣетъ между другими псевдогаллюцинаціями, весьма частыя псевдогаллюцинаціи зрѣнія, довольно, впрочемъ, однообразнаго содержанія, какъ-то: обнаженныхъ женщинъ и мужчинъ, половыя части обоихъ половъ, и т. п. Не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ этихъ субъективныхъ картинъ, часто глубоко его возмущающихъ, больной относитъ эти явленія къ самымъ мучительнымъ для себя штукамъ «токистовъ».

Отставной солдатъ Максимовъ (paranoia hallucinatoria chronica, впослѣдствіи осложнившаяся старческимъ слабоуміемъ), находящійся въ нашей больницѣ около 1$^{1}/_{2}$ лѣтъ, постоянно высказываетъ вѣчно одинаковый частный бредъ и обнаруживаетъ довольно однообразныя галлюцинаціи слуха и общаго чувства, вмѣстѣ съ псевдогаллюцинаціями зрѣнія. Онъ считаетъ себя преслѣдуемымъ нѣкоею г-жею Кукшиною (въ дѣйствительности надзирательница въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, откуда этотъ больной переведенъ къ намъ), которая въ сообщничествѣ съ бѣглымъ каторжникомъ, Быковымъ, умышляетъ его погубить, съ цѣлью завладѣть 300 рублей пенсіи, назначенной ему царемъ. Раньше больной слышалъ голосъ своей преслѣдовательницы вблизи себя, теперь же онъ слышитъ ее не иначе, какъ изъ-за стѣнъ больницы: будучи вѣдьмою, Кукшина весьма удобно можетъ дѣйствовать на него изъ дали. Напримѣръ, сидя, вмѣстѣ съ Быковымъ на извощичьихъ дрожкахъ на Выборгской сторонѣ, эта «проклятая царемъ вѣдьма» стрѣляетъ въ Максимова изъ трехъ ружей (sic) или жжетъ его «анамитомъ» (динамитомъ), вбирая это вещество въ мѣдную трубку изъ вѣчно находящейся при ней большой бутыли и «стрѣляя» имъ Максимову въ лице или, еще чаще, въ пупокъ и въ половой членъ (галлюцинаціи осязанія и общаго чувства). Стрѣляя, вѣдьма приговариваетъ: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, старый хрычъ! мы тебѣ черепъ собьемъ и тебя въ покойницкую сволочемъ!» на что ея любовникъ Быковъ отзывается радостнымъ ржаніемъ: «ффррр!..» (слуховыя галлюцинаціи). Галлюцинацій зрѣнія у больнаго не бываетъ; онъ видитъ вѣдьму со всѣми ея атрибутами (три ружья, бутыль съ анамитомъ, мѣдная труба) лишь

внутренно, но такъ ясно и отчетливо, что можетъ со всѣми подробностями разсказать, въ какомъ положеніи находилась она въ данную минуту, какое у нея выраженіе лица и т. д. Что это не настоящая галлюцинація зрѣнія видно изъ того, что Максимовъ обыкновенно видитъ свою вѣдьму съ очень большихъ разстояній и притомъ сквозь стѣны зданій. Впрочемъ, иногда она является ему, и вблизи, «скрестившеюся (т.-е. in coitu) со своимъ каторжнымъ любовникомъ». Больной ничуть не думаетъ, чтобы вѣдьма показывалась ему тѣлесно, напротивъ, онъ прямо выражается, что видитъ ее «духомъ» своимъ, такъ какъ Кукшина, благодаря своему волшебству, во всякое время «владѣетъ нутромъ» его, даже будучи фактически въ мѣстѣ, относительно отдаленномъ. Стараясь отдѣлаться отъ псевдогаллюцинаторнаго образа «вѣдьмы», Максимовъ постоянно бранится и отплевывается или же становится въ уголъ, какъ бы на молитву, и начинаетъ читать вслухъ самимъ же имъ сочиненное заклинаніе отъ чертовщины, обращаясь къ

«Свистящимъ, пищащимъ,
«На іодъ и на ядъ Богу молящимъ» и т. д.

Бывшій студентъ Брамсонъ (paranoia chronica) уже болѣе 4-хъ лѣтъ находящійся въ нашей больницѣ, раньше страдавшій постоянными галлюцинаціями слуха и осязанія, недавно, за буйство, переведенный въ мое отдѣленіе, разсказалъ мнѣ на дняхъ: «Иногда я вижу то, чего въ дѣйствительности нѣтъ, и не знаю, какъ объяснить себѣ это... однако это не такія видѣнія, какія нерѣдко бывали у меня года три тому назадъ; тогда я точно лишался чувствъ, впадалъ въ состояніе «летаргіи» и тогда видѣлъ разныя вещи подобно тому, какъ видятъ во снѣ; я знаю, что это называется галлюцинаціями... Теперь же совсѣмъ не то; всѣ чувства мои остаются при мнѣ, я не перестаю видѣть и слышать все то, что меня окружаетъ, и тѣмъ не менѣе иногда чувствую и вижу странныя вещи. Правда, я вижу это не такъ, какъ вижу теперь, напр. васъ, не глазами, а какъ-то иначе... это не дѣйствительность и все-таки не мечта... Вотъ вамъ примѣръ: вчера послѣ обѣда, страдая по обыкновенію зубною болью, я сидѣлъ въ своей комнатѣ у окна; вдругъ передо мною появляется незнакомый мнѣ высокій господинъ во фракѣ, съ черными бакенбардами, запускаетъ свои пальцы мнѣ въ ротъ, вынимаетъ цѣлый рядъ зубовъ изъ обѣихъ челюстей (выниманье я чувствовалъ особенно живо) и затѣмъ вставляетъ мнѣ на мѣсто старыхъ новые зубы. Это вставленіе сопровождалось такимъ болѣзненнымъ чувствомъ, что я, вскочивъ съ мѣста, убѣжалъ изъ комнаты и больше уже не видалъ «дантиста». Я думаю, что это не галлюцинація, а что-то другое; но во всякомъ случаѣ подобныя вещи очень непріятны». Здѣсь мы имѣемъ псевдогаллюцинацію зрѣнія (и осязанія?), вызванную дѣйствительной болью зубовъ.

Студентъ филологъ Б. Козловскій (ideophrenia katatonica) постоянно галлюцинирующій слухомъ и осязаніемъ, въ состояніи переходномъ отъ аттоничности къ кататонической экзальтаціи, вдругъ прервалъ свое молчаніе и (не прекращая однако лежанія въ постели) сталъ жаловаться, что «они» (т.-е. невидимые преслѣдователи) устраиваютъ ему самыя непозволительныя штуки, сажаютъ ему на лице обнаженныхъ женщинъ, прикладываютъ послѣднихъ къ его половому члену и т. п. На вопросъ, ясно ли онъ видитъ этихъ женщинъ, больной отвѣчалъ утвердительно, но когда я выставилъ на видъ невозможность для какихъ бы то ни было женщинъ забраться въ его комнату, Козловскій объяснилъ: «я и не полагаю, что онѣ въ самомъ дѣлѣ сюда входятъ; да и не такъ я ихъ вижу, какъ еслибы онѣ здѣсь были въ дѣйствительности. Я ихъ вижу только потому, что мнѣ нарочно показываютъ ихъ «они»; для этого имъ приходится подвергать мою голову дѣйствію электрическаго тока».

Къ больному Григорьеву (учитель городскаго училища) одно время привязался псевдогаллюцинаторный образъ другаго больнаго, В..., комната котораго находилась на противоположномъ концѣ коридора. Когда В... выходилъ въ садъ, расположенный за зданіемъ больницы такъ, что Григорьевъ изъ окна своей комнаты никакъ не могъ видѣть своего, какъ онъ его называлъ, «мучителя», Григорьевъ все-таки жаловался, что не перестаетъ его видѣть. Вы видите сквозь стѣны?—спросилъ я однажды этого больнаго.—«Да, сквозь стѣны; можно видѣть и сквозь стѣны, если онѣ извѣстнымъ образомъ обработаны»... Когда я пожелалъ узнать подробнѣе о такой способности видѣть сквозь стѣны или на очень далекія разстоянія, больной отвѣтилъ мнѣ такъ: «вы ни за что этого не поймете, если вы ничего не читали объ ясновидѣніи».

Къ псевдогаллюцинаціямъ зрѣнія принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, и слѣдующій случай, приводимый у Шюле. Нѣкто со слезами жаловался, что онъ не можетъ слушать разсказовъ, такъ какъ все, что разсказывается, онъ неизбѣжно видитъ передъ собою, видитъ всѣ тѣ мѣстности и тѣ лица, о которыхъ идетъ рѣчь.—И вы видите какъ въ дѣйствительности? спрашиваютъ его.—«Я собственно не знаю, переношусь ли я туда, или это просто сонъ, или что другое» было отвѣтомъ. (Schuele's Handb. der Geisteskrankheiten. 2-te Aufl. Leipzig. 1880, p. 118). Шюле видитъ здѣсь зрительныя галлюцинаціи столь слабаго чувственнаго тэмбра, что больной находится какъ бы въ сомнѣніи относительно реальности и объективности видимаго имъ. Я же твердо убѣжденъ, что при настоящихъ зрительныхъ галлюцинаціяхъ, еслибы онѣ даже были, въ отдѣльномъ случаѣ, весьма неопредѣленны по содержанію и блѣдны красками, никакое сомнѣніе въ ихъ объективности невозможно. Попробую объяснить это на примѣрѣ. Когда я хожу, вечеромъ, по комнатѣ, освѣщенной съ

двухъ различныхъ пунктовъ двумя свѣчами, я отбрасываю отъ себя на стѣны очень блѣдныя тѣни; но эти блѣдныя тѣни въ моемъ воспріятіи суть явленія, относительно объективности и реальности которыхъ во мнѣ не можетъ быть даже и намека на сомнѣніе. То же самое и неясныя, мало отчетливыя галлюцинаціи; при всей ихъ неопредѣленности онѣ все-таки будутъ для непосредственнаго чувства больныхъ (я не говорю о сужденіи, которое, разумѣется, можетъ отрицать ихъ объективное происхожденіе) настолько же объективны и дѣйствительны, какъ для меня упомянутыя блѣдныя тѣни; въ противномъ случаѣ это уже не галлюцинаціи. Съ другой стороны, «визитныя карточки» Лашкова, его крестъ съ надписью «свобода» и проч. суть чувственно весьма опредѣленные, живо окрашенные зрительные образы, но тѣмъ не менѣе ихъ субъективное значеніе отлично чувствовалось больнымъ, который рѣзко различалъ ихъ не только отъ дѣйствительности, но и отъ настоящихъ галлюцинацій.

VI.

Переходимъ теперь къ спеціальному разсмотрѣнію **псевдогаллюцинацій слуха.**

Весьма часто душевнобольные имѣютъ опредѣленныя слуховыя воспріятія, слышатъ шумы (наприм., шумъ шаговъ), тоны, отрывки музыкальныхъ піэсъ, слова, фразы, иногда даже длинные разговоры нѣсколькихъ голосовъ, однако сами рѣзко различаютъ этого рода явленія отъ настоящихъ слуховыхъ галлюцинацій и объясняютъ, что здѣсь они слышатъ ухомъ не тѣлеснымъ, а духовнымъ или внутреннимъ. Гризингеръ справедливо говоритъ: «эти внутренніе голоса» имѣютъ характеръ распросовъ или обращеній какъ бы со стороны посторонняго лица; нѣкорые больные называютъ это «духовнымъ языкомъ, языкомъ души» *). Но Гризингеръ совершенно не правъ, увѣряя, что эти внутренніе голоса беззвучны и что они суть не болѣе, какъ весьма живыя представленія. Что внутренніе голоса не беззвучны, видно уже изъ того, что они качественно бываютъ раличны, такъ что больной обыкновенно въ состояніи различить, кто именно изъ знакомыхъ ему лицъ говоритъ съ нимъ посредствомъ «языка души». Я могу положительно утверждать, что

---

*) Griesinger. Die Pathol. und Ther. der psychisch. Krankh. 4 Aufl. Braunschweig. 1876. p. 102.

чувственный тонъ внутреннихъ голосовъ большею частію бываетъ весьма опредѣленнымъ, при чемъ могутъ ясно обозначаться высота и тэмбръ звуковъ, повышенія и пониженія голоса, совершенно параллельно тому, какъ зрительные псевдогаллюцинаторные образы имѣютъ вполнѣ опредѣленныя очертанія и расцвѣтку.

Настоящія галлюцинаціи слуха всегда представляютъ для больныхъ значеніе дѣйствительности; галлюцинаторные голоса всегда имѣютъ объективный характеръ; здѣсь самымъ слуховымъ воспріятіемъ уже дается опредѣленная локализація звука. Больной прямо чувствуетъ, что «голоса» доходятъ до него изъ извѣстной точки внѣшняго міра, находящейся отъ него въ томъ или другомъ разстояніи, или же ему кажется, что ему говорятъ у самаго уха или, наконецъ, въ самомъ ухѣ. Напротивъ, при слуховыхъ псевдогаллюцинаціяхъ больные по непосредственному чувству знаютъ, что источникъ голосовъ находится во внутреннемъ существѣ ихъ самихъ; отсюда и выраженія: «внутреннiе голоса», «слышаніе духомъ», «языкъ души» и проч. Псевдогаллюцинаторные голоса не имѣютъ представляемаго слуховыми галлюцинаціями характера объективности и дѣйствительности и потому больные никогда не смѣшиваютъ ихъ съ реальными воспріятіями.

Слуховыя псевдогаллюцинаціи душевно-больныхъ, подобно зрительнымъ, почти всегда характеризуются навязчивостью. Больные внутренно слышатъ не потому, что хотятъ этого, но потому, что принуждены слышать; при всѣхъ своихъ стараніяхъ они не въ состояніи отрѣшиться отъ этихъ внутреннихъ рѣчей, содержаніе которыхъ весьма часто бываетъ для нихъ крайне непріятно и оскорбительно.

Навязчивыя слуховыя псевдогаллюцинаціи не должны быть смѣшиваемы съ простыми навязчивыми представленіями у душевно-больныхъ. Послѣднія ничуть не соединены съ внутреннимъ слышаніемъ и суть результатъ болѣзненнаго разстройства чисто интеллектуальныхъ (не чувственныхъ) центровъ головномозговой коры. Псевдогаллюцинаціи же слуха суть субъективныя акустическія воспріятія, не имѣющія, однако, того характера объективности и дѣйствительности, который существененъ для слуховыхъ галлюцинацій. Мѣстомъ происхожденія псевдогаллюцинацій слуха можетъ быть только спеціальный слуховой центръ коры головнаго мозма.

Отъ обыкновенныхъ представленій слуховаго воспоминанія и слуховой фантазіи (наприм., музыкальныя воспоминанія въ тонахъ) псевдогаллюцинаціи слуха отличаются большею живостью, несравненно большею чувственною опредѣленностью (при чемъ въ сложномъ слуховомъ воспріятіи имѣются на лицѣ всѣ мельчайшія подробности и отдѣльныя части находятся между собою въ такомъ же соотношеніи какъ при непосредственномъ воспріятіи сложныхъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра), далѣе, — относительно малою зависимостью отъ воли воспріемлющаго лица и тѣмъ, что онѣ не сопровождаются, какъ обыкновенныя представленія слуховаго воспоминанія или слуховой фантазіи, чувствомъ внутренней дѣятельности въ воспріемлющемъ лицѣ. За всѣмъ тѣмъ, патологическія псевдогаллюцинаціи слуха характеризуются еще своею навязчивостью. Хотя и встрѣчаются иногда случаи, гдѣ больные могутъ по произволу придавать своимъ псевдогаллюцинаторнымъ слуховымъ воспріятіямъ опредѣленное содержаніе, однако въ большинствѣ случаевъ рѣзко выраженныя псевдогаллюцинаціи слуха возникаютъ спонтанно, беря свое содержаніе изъ безсознательной сферы души, являются въ сознаніи неожиданно для самого больнаго и нерѣдко представляютъ рѣзкое противорѣчіе съ содержаніемъ представленій, движущихся въ сознаніи по логическимъ законамъ. Такимъ образомъ, слуховыя псевдогаллюцинаціи настолько же отличаются отъ представленій слуховаго воспоминанія и слуховой фантазіи, насколько раньше изображенныя псевдогаллюцинаціи зрѣнія отличаются отъ просто воспроизведенныхъ зрительныхъ представленій.

Изъ области нормальной душевной жизни можно привести слѣдующее явленіе, до извѣстной степени аналогичное слуховымъ псевдогаллюцинаціямъ. Съ впечатлительными людьми иногда бываетъ такъ, что они, прослушавъ, наприм., оперу, живо удерживаютъ въ памяти нѣсколько арій; затѣмъ иной разъ по истеченіи довольно значительнаго времени, одинъ какой-нибудь изъ этихъ оперныхъ отрывковъ вдругъ спонтанно возникаетъ въ сознаніи съ большою чувственною опредѣленностью. Это не всегда бываетъ простымъ, хотя бы и невольнымъ музыкаль-

нымъ воспоминаніемъ; напротивъ, при этомъ иногда кажется, что воспроизводящійся мотивъ звучитъ гдѣ-то въ глубинѣ головы, или что онъ слышится ухомъ, но только не наружнымъ, а какимъ-то внутреннимъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ внутреннее ухо можетъ даже различить въ воспроизводящемся отрывкѣ изъ оркестровой партіи тэмбръ голосовъ отдѣльныхъ инструментовъ. Подобныя явленія, вѣроятно многимъ извѣстныя по личному опыту, уже представляютъ свойственный болѣзненнымъ псевдогаллюцинаціямъ характеръ навязчивости: мотивъ звучитъ, какъ говорятъ, «въ ушахъ» или «въ головѣ» съ большою назойливостью, такъ что извѣстное время, въ теченіи котораго онъ является нарушителемъ логически нормальнаго хода представленій, нѣтъ возможности отъ него отдѣлаться.

«Роже говоритъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который въ теченіи нѣсколькихъ дней страдалъ безсонницею вслѣдствіе того, что у него въ головѣ постоянно звучала арія изъ оперы «le Devin du village»; при всѣхъ своихъ усиліяхъ онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой аріи». (Hagen. Die Sinnestäuschungen Leipzig. 1837. p. 67).

«Внутреннее слышаніе часто достигаетъ большой отчетливости у композиторовъ и музыкантовъ-артистовъ. Бюше зналъ многихъ музыкантовъ, которые, услышавъ разъ піесу въ оркестровомъ исполненіи, могли цѣликомъ переложить ее для рояля... Одинъ капельмейстеръ, привыкшій дирижировать въ симфоніяхъ и хорошо извѣстный въ музыкальныхъ кругахъ Парижа, будучи распрашиваемъ Бюше относительно этой способности внутренняго слышанія, отвѣчалъ, что онъ при этомъ слышитъ, какъ бы ушами, не только аккорды и ихъ ряды, но и отдѣльные оркестровые голоса, такъ что въ состояніи различить игру разныхъ инструментовъ и оцѣнить ихъ симфоническое значеніе. Взявъ новую для него партитуру, наприм., увертюры или симфоніи, при первомъ чтеніи онъ слышалъ внутренно лишь квартетъ; при второмъ и при слѣдующихъ чтеніяхъ къ квартету постепенно присоединялось и слышаніе другихъ инструментовъ». (Brierre de Boismont. Des hallucinations. 3-me édit. Paris. 1862. p. 459).

У Ад. Горвица я нахожу слѣдующее самонаблюденіе. «Когда я былъ студентомъ, разъ мнѣ пришлось участвовать въ трехдневномъ праздновaніи годовщины основанія университета. Мы, младшіе, такъ-назыв. «Randalirfüchse», пѣли и пили почти всѣ три дня и три ночи. На четвертую ночь, когда я, измученный, лежалъ въ постели, у меня, послѣ короткой дремоты, наступило состояніе, которое я съ ужасомъ долженъ былъ принять за начало острой душевной болѣзни. Въ моемъ сознаніи, непрерывною вереницею и чрезвычайно быстро смѣняясь одна другою, стали воспроизводиться сцены нашего трехдневнаго пиршества, при чемъ мнѣ явственно слышались голоса какъ моихъ товарищей, такъ и мой собственный, и всѣ тѣ пѣсни, шутки и разговоры, которыми мы тогда занимались. Я никакъ не могъ положить конецъ этому непроизвольному воспоминанію, живость котораго, равно какъ и постоянное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же сценъ, были для меня крайне мучительны». (Horwicz. Psychologische Analysen. I. Halle. 1872, p. 303). Повидимому, это были не настоящія галлюцинаціи а лишь псевдогаллюцинаціи.

Подобно гипнагогическимъ псевдогаллюцинаціямъ зрѣнія, бываютъ, у здоровыхъ людей, и гипнагогическія галлюцинаціи слуха, хотя далеко не такъ часто и не въ такомъ обиліи какъ первыя. Въ состояніи переходномъ отъ бодрствованія ко сну, т.-е. передъ засыпаніемъ, но иногда (значительно, впрочемъ, рѣже) и наоборотъ, въ самый моментъ просыпанія субъективно слышатся отдѣльные тоны, отдѣльныя безсвязныя слова, короткія фразы и короткіе музыкальные пассажи. Только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ эти гипнагогическія слуховыя явленія суть у психически здоровыхъ людей, галлюцинаціи; въ большинствѣ же случаевъ это псевдогаллюцинаціи. Если псевдогаллюцинаціи зрѣнія особенно часты и живы у живописцевъ, то псевдогаллюцинаціи слуха въ тонахъ и сочетаніяхъ послѣднихъ особенно свойственны музыкантамъ. А. Мори совершенно вѣрно не считаетъ свои гипнагогическія слуховыя явленія за психо-сенсоріальныя слуховыя галлюцинаціи, и не менѣе вѣрно замѣчаетъ, что «эти внутренніе голоса суть дѣйствительно голоса, они передаютъ и тэмбръ и манеру говорить того или другаго изъ знакомыхъ лицъ» *). «Это можно назвать галлюцинаціями мысли, такъ какъ слова здѣсь звучатъ во внутреннемъ ухѣ почти такъ, если бы ихъ выговаривалъ посторонній голосъ **).

«Однажды вечеромъ, въ мартѣ 1877, я услышалъ передъ засыпаніемъ два или три раза прозвучавшія въ моемъ внутреннемъ ухѣ слова: «*su su ti tir*». Мнѣ, кажется, что эти слова получились отъ словъ Зюзюсимъ и Тиръ, которыя въ теченіи нѣсколькихъ дней много разъ встрѣчались мнѣ въ географіи Палестины». (Maury l. c. p. 96).

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я страдалъ ревматическою болью головы. Разъ я улегся въ постель въ 10 часовъ вечера. Не прошло 20—30

*) A. Maury, l. c. p. 95.
**) Ibid. p. 66.

секундъ послѣ того, какъ мною начала овладѣвать дремота, и я явственно услыхалъ нѣсколько разъ повторенную, восклицательнаго свойства, фразу,—услыхалъ, однако, не съ такою отчетливостью и, главнымъ образомъ не съ такою объективностью, какъ еслибы я слышалъ голосъ реальнаго лица. Затѣмъ, задумавшись о происхожденіи только-что послышавшейся мнѣ фразы, я вдругъ припомнилъ, что послышавшееся мнѣ было точнымъ воспроизведеніемъ голоса и манеры говорить одного лица, встрѣченнаго мною за нѣсколько дней передъ тѣмъ.—Совершенно подобное же явленіе повторилось и на слѣдующій день... за нѣсколько минутъ передъ вставаньемъ съ постели я еще находился въ дремотѣ, которая обыкновенно овладѣваетъ мною только вечеромъ, передъ наступленіемъ сна; внезапно своимъ внутреннимъ ухомъ я услыхалъ мое имя: «Monsieur Maury, Monsieur Maury!» Этотъ зовъ былъ услышанъ мною такъ явственно, что я тотчасъ же узналъ въ этомъ внутреннемъ голосѣ голосъ и манеру говорить одного изъ моихъ друзей, съ которымъ я видѣлся наканунѣ вечеромъ: онъ произносилъ мое имя именно съ такою же интонаціею». (Maury, l. c. pp. 89, 90).

...«Направляясь на островъ Стаффа, я находился на пароходѣ, при чемъ, лежа на палубѣ съ закрытыми глазами я вдругъ вновь услыхалъ ту арію, которую дѣйствительно слышалъ наканунѣ: ее игралъ слѣпецъ на своей волынкѣ». (Maury, l. c. p. 91).

Будучи расположенъ къ псевдогаллюцинированію зрѣніемъ, я, однако, до послѣдняго времени не испытывалъ гипнагогическихъ псевдогаллюцинацій слуха. Я всегда имѣлъ порядочную музыкальную память, но отрывки изъ слышанныхъ мною музыкальныхъ піэсъ прежде воспроизводились въ моей головѣ всегда въ качествѣ слуховыхъ воспоминаній, но не псевдогаллюцинацій. Нѣсколько времени тому назадъ я началъ заниматься игрою на цитрѣ и, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ упражненій теперь у меня стали возможными и гипнагогическія псевдогаллюцинаціи слуха.—17-го февраля 1884 г., покончивъ вечеромъ обычныя занятія, я, въ теченіи часа, развлекался бренчаніемъ на цитрѣ, но, улегшись затѣмъ въ постель, все-таки не могъ сразу заснуть. Незадолго до наступленія сна я вдругъ услышалъ своимъ внутреннимъ ухомъ начало игранной мною, между прочимъ, въ тотъ вечеръ, тирольской пѣсни изъ «Дочери полка». Двѣ первыя, короткія фразы этой пѣсни прозвучали съ значительною тональною опредѣленностью, при чемъ хорошо различался и своеобразный тэмбръ цитры; въ слѣдующемъ затѣмъ пассажѣ отдѣльные звуки шли одинъ за другимъ съ возрастающею быстротою, но съ уменьшающеюся интенсивностью, такъ что пѣсня постепенно замерла, едва начавшись. Непосредственно вслѣдъ за этимъ я старался вторично вызвать это субъективное явленіе, усиленно воспроизводя въ своемъ воображеніи тотъ же хорошо знакомый мотивъ, но явленіе не повторилось: получалось обыкновенное музыкальное воспоминаніе, т.-е. рядъ воспроизведенныхъ слуховыхъ представленій, но не псевдогаллюцинація. (Собственное наблюденіе).

Устанавливая фактъ существованія «психическихъ галлюцинацій», Бэлларже указывалъ именно на «внутренніе голоса» душевно-больныхъ. Однако, внимательно читая о психическихъ галлюцинаціяхъ у Бэлларже *), не трудно убѣдиться, что онъ скорѣе даетъ описаніе простаго (т.-е. нечувственнаго) насильственнаго мышленія (Zwangsdenken), чѣмъ тѣхъ живо чувственныхъ субъективныхъ воспріятій, которыя я называю псевдогаллюцинаціями слуха. Совершенно вѣрно выражается Марсе, говоря, что психическія галлюцинаціи Бэлларже суть скорѣе родъ интеллектуальнаго бреда **). Бэлларже рѣшительно утверждаетъ, что «психическія галлюцинаціи не имѣютъ никакого отношенія къ органамъ чувствъ» (l. c. p. 369), что «онѣ совершенно независимы отъ сенсоріальныхъ аппаратовъ» (p. 423) и суть «воспріятія чисто интеллектуальныя, несмотря на то, что больные часто смѣшиваютъ ихъ со своими сенсоріальными воспріятіями» (p. 471). Хотя эти ложныя воспріятія, у которыхъ Бэлларже отнимаетъ всякое отношеніе къ чувственнымъ нервнымъ аппаратамъ «всегда относятся больными почти исключительно къ чувству слуха» (изъ этого видно, что никакихъ другихъ психическихъ галлюцинацій, напр., зрительныхъ, Бэлларже не зналъ), «больные при этомъ не испытываютъ ничего похожаго на воспріятія слуховыя» (p. 368); «они слышатъ мысль безъ посредства звука, слышатъ тайный внутренній голосъ ***), не имѣющій ничего общаго съ голосами, воспринимаемыми при посредствѣ уха, они ведутъ со своими невидимыми собесѣдниками интимные разговоры, въ которыхъ чувство слуха положительно не играетъ никакой роли». (pp. 386; 415). «Больные говорятъ, что они одарены шестымъ чувствомъ, что они могутъ воспринимать чужія мысли безъ посредства словъ, что

*) Baillarger, Des hallucinations. Mémoires de l'Académie royale de médecine, XII. Paris. 1846. pp. 383—420.

**) Marcé, Traité pratique des maladies mentales. Paris. 1862. p. 249.

***) Бэлларже самъ говоритъ, что выраженія „внутренніе, интеллектуальные голоса" здѣсь собственно непригодны: „нельзя говорить о голосахъ, если явленіе совершенно чуждо чувству слуха а совершается въ глубинахъ души"; „больные пользуются подобнаго рода невѣрными выраженіями только за неимѣніемъ лучшихъ". (l. c. p. 385).

они могутъ имѣть духовныя общенія со своими невидимыми собесѣдниками, при чемъ понимаютъ послѣднихъ посредствомъ интуиціи», (pp. 388, 389). Такимъ образомъ, описаніе Бэлларже приложимо только къ тому, что нѣкоторые изъ моихъ больныхъ называютъ «мысленныя внушенія», «мысленная индукція» и что они отличаютъ отъ «внутренняго слышанія», отъ «внутренняго слуховаго внушенія» или отъ «внутренней слуховой индукціи»; первое изъ этихъ явленій имѣетъ характеръ, дѣйствительно, чисто интеллектуальный и органы чувствъ, въ частности органъ слуха, здѣсь нимало не замѣшаны. Напротивъ, во второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ рѣзко чувственнымъ, съ особаго рода весьма живыми и именно слуховыми субъективными воспріятіями, мѣстомъ происхожденія которыхъ могутъ быть только спеціально слуховыя области головно-мозговой коры.

Больные говорятъ о «мысленномъ внушеніи», жалуются на то, что имъ «намысливаютъ въ голову» *) другія лица, что мысли вгоняются въ ихъ голову извнѣ» въ тѣхъ случаяхъ, когда они приписываютъ свои навязчивыя представленія продѣлкамъ своихъ преслѣдователей или когда считаютъ эти субъективныя явленія за откровеніе свыше. Этого рода явленія прекрасно поняты Гагеномъ, выражающимся по этому поводу такъ: «Чувство больнаго, что онъ зависитъ отъ какой-то тайной силы, вліяющей на сокровенныя глубины его души, здѣсь связано не съ субъективными ощущеніями, но съ представленіями и мыслями; мысли больнаго, насколько онѣ являются въ зависимости отъ болѣзненныхъ чувствъ подчиненности чуждому вліянію, получаютъ отпечатокъ чего-то посторонняго, чужаго, навязаннаго извнѣ» **). Но это не псевдогаллюцинаціи слуха, это просто ложныя идеи, поводомъ къ возникновенію которыхъ послужилъ фактъ навязчивости нѣкоторыхъ представленій. Наблюдательные и точно выражающіеся больные въ такихъ случаяхъ не будутъ говорить о внутреннемъ слышаніи. «Ce n'est pas une voix, справедливо выразился одинъ больной у Бэлларже, c'est une suggestion» ***). Если же, не умѣя выразиться иначе, они прибѣгнутъ къ термину «внутренній голосъ», то такое вы-

*) Griesinger. Psych. Krankh. 1876. p. 94.

**) Hagen, Zur Theorie der Hallucination. Allgem. Zeitschrift für Psychiatr. XXV. p. 25.

***) Baillarger, l. c. p. 409.

раженіе будетъ имѣть чисто метафорическое значеніе. Не надо забывать, что и здоровые люди ежедневно пользуются выраженіями: «внутренній голосъ сказалъ мнѣ»..., или «сердце мое рѣшило»...; кромѣ того, мы знаемъ: «голосъ совѣсти», «дурныя внутреннія внушенія, которыхъ мы слушаемся» и т. п. аллегорическія обозначенія» *).

Одинъ изъ больныхъ Кёппе, именно, чулочникъ Фишеръ, разсказывалъ, что первоначально Богъ имѣлъ съ нимъ общеніе черезъ постукиваніе и столоверченіе. Впослѣдствіи же больной сталъ обходиться и безъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, такъ какъ ему было довольно прислушаться къ «внутреннему голосу познанія». Кромѣ того, онъ слышалъ «тишайшій гласъ Божій, относительно котораго другой сказалъ бы, что это просто мышленіе» **).

Одинъ изъ паціентовъ Шюле прекрасно охарактеризовалъ навязчивость мыслей, приводящую больныхъ къ умозаключенію, что ихъ мысли фабрикуются для нихъ другими. «Мои собственныя мысли идутъ равномѣрнымъ ходомъ; мысли же другихъ входятъ въ мою голову какъ бы давленіемъ, онѣ насильно вталкиваются въ мой мозгъ... Я долженъ думать этими мыслями противъ своей воли и какъ бы я ни старался, я не въ состояніи отъ нихъ освободиться, потому что противъ такого давленія нельзя ничего подѣлать» ***). Въ этомъ разсказѣ нѣтъ и намека на внутреннее слышаніе.

Совсѣмъ другое дѣло псевдогаллюцинаціи слуха, гдѣ субъективное явленіе представляетъ рѣзко сенсоріальный характеръ. Здѣсь больной имѣетъ именно слуховое субъективное воспріятіе: онъ дѣйствительно слышитъ своимъ внутреннимъ ухомъ, а потому въ большинствѣ случаевъ онъ именно такъ и говоритъ. Но такъ какъ здѣсь слуховыя воспріятія не обладаютъ тѣмъ характеромъ объективности и дѣйствительности, который одинаково существененъ какъ для настоящихъ галлюцинацій слуха, такъ и для воспріятій изъ реальнаго міра, то иногда «для самого больнаго представляется неяснымъ, слышитъ ли онъ надоѣдливый говоръ своихъ преслѣдователей дѣйствительно извнѣ,

*) Emminghaus. Allgem. Psychopathologie. Leipzig. 1878. p. 166.

**) Koeppe. Gehörstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. XXIV. pp. 33, 34.

***) Schüle. Handb. der Geisteskrankheit. Leipzig. 1880. p. 118.

или же этотъ говоръ имѣетъ мѣсто лишь въ его головѣ» [1]). Отъ этого нѣкоторые псевдогаллюцинанты выражаются осторожно и нерѣшительно, говорятъ, напр., какъ говорили больные Мореля: «je crois entendre», «on me fait comprendre», «il me semble, qu'on me dit» [2]). Напротивъ, въ другихъ случаяхъ больные уже самою формою своихъ заявленій даютъ понять, что тутъ дѣло идетъ не просто о насильственныхъ мысляхъ, равно какъ и не объ обыкновенныхъ, хотя бы и очень живыхъ представленіяхъ слуховаго воспоминанія. Такъ, нерѣдко они говорятъ, что «голоса родятся въ ихъ головѣ»; «une voix m'a frappé à la tête» приводилось слышать отъ больныхъ Морелю [3]); «c'est un travail, qui se fait dans ma tête», объяснялъ больной у Лере [4]), а одинъ больной у Гризингера слышалъ, что въ его головѣ разговариваютъ между собою даже нѣсколько голосовъ [5]). Такъ какъ при псевдогаллюцированіи подлежащее лице совсѣмъ не испытываетъ чувства собственной внутренней дѣятельности, и такъ какъ при этомъ тѣ или другія слова и фразы всплываютъ въ сознаніи, изъ безсознательной сферы души, совершенно неожиданно для больнаго и вполнѣ независимо отъ его воли, то больной обыкновенно ищетъ причину явленія не въ самомъ себѣ а въ постороннихъ воздѣйствіяхъ. Одинъ изъ больныхъ Кальбаума, жалуясь на то, что его мысли мастерятся для него другими лицами, дѣлалъ при этомъ такіе жесты, какъ будто бы его мысли были вгоняемы ему черезъ ухо или какъ будто бы онѣ изъ его головы были, черезъ ухо, вытягиваемы наружу. Одна паціентка Кальбаума говорила, что ей «преподносятъ языкъ» или ей «преподносятъ тоны и слова» [6]). Но всего чаще больные прямо жалуются на «внутренніе голоса», на «духовное слышаніе», на «слуховыя внушенія». «Я слышу чужія мысли» (Лере, Бэлларже), «мнѣ мысленно говорятъ» (Бэлларже [7]); «on me parle idéalement»; «il

[1]) Schüle, l. c. p. 118.

[2]) Morel. Traité des maladies mentales. Paris. 1860. pp. 343, 363.

[3]) Ibid. p. 363.

[4]) Leuret. Fragments psychologiques. Paris. 1834; p. 162.

[5]) Griesinger, l. c. p. 94.

[6]) Kahlbaum. Die Sinnesdelirien. Allgem. Zeitschr. für Psychiatr. XXIII. p. 44.

[7]) Выше я сказалъ, что описаніе Бэлларже относится больше къ простымъ насильственнымъ представленіямъ, чѣмъ собственно къ псевдогаллюцинаціямъ слуха, такъ какъ этотъ авторъ особенно настаиваетъ, что „le sens de l'ouïe n'y est pour rien“. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ случаевъ, наблюдавшихся Бэлларже, несомнѣнно были и такіе, въ которыхъ имѣли мѣсто настоящія псевдогаллюцинаціи слуха.

y a quelque chose en moi, qui me dit»; «c'est un écho, qui se passe dans mon intérieur»; «c'est comme une voix au dedans de moi» (Морель). Нѣкоторые изъ моихъ больныхъ (Переваловъ, Долининъ, Сокоревъ) прекрасно различаютъ «слуховое внушеніе» отъ простаго «мысленнаго внушенія» и даже даютъ различное объясненіе для этихъ двухъ явленій.

Нѣкто, бывшій нотаріусъ, сначала слышалъ своихъ невидимыхъ преслѣдователей посредствомъ интуиціи и ясно толковалъ, что слышать инспиративно—значитъ слышать мысль безъ посредства звука. Позже онъ пріобрѣлъ «способность вейламбулизма» (la faculté veillambulique), заключавшуюся въ томъ, что сталъ весьма отчетливо слышать мысли тѣхъ лицъ, съ которыми онъ приводился въ магнетическую связь; при этомъ какъ его мысли, такъ и мысли его собесѣдниковъ, иногда очень отдаленныхъ, «étaient formulées en paroles veillambuliques, avec le son de la voix veillambulique» *). Отсюда видно, что этотъ больной различалъ простыя навязчивыя представленія (la faculté d'entendre par inspiration) отъ слуховыхъ псевдогаллюцинацій (la faculté d'entendre le son de la voix veillambulique). Кромѣ того, этотъ больной замѣчателенъ еще во многихъ другихъ отношеніяхъ. Онъ, по его словамъ, могъ по своему произволу измѣнять свои обыкновенныя мысли въ мысли вейламбулическія, т.-е. онъ могъ произвольно псевдогаллюцинировать слухомъ. Затѣмъ, другіе люди, по его мнѣнію, могли узнавать не всѣ его мысли а только мысли вейламбулическія; такимъ образомъ, его ложная идея, что его мысли будто бы могутъ передаться другимъ лицамъ, а отъ этихъ послѣднихъ, обратно, ему,—была результатомъ не галлюцинацій слуха (какъ это обыкновенно бываетъ), а слуховыхъ псевдогаллюцинацій.

«Я слышу, разсказывалъ одинъ больной, какъ по моему адресу мысленно высказываются разные упреки: будто бы я повиненъ въ такомъ-то и такомъ-то грѣхѣ, и мнѣ необходимо наложить на себя постъ и покаяніе, а такъ какъ я этого не дѣлаю, то мои друзья должны отречься отъ меня. Я слышу, какъ не перестаютъ мнѣ мысленно (idéalement) повторять слѣдующія слова: «Бди надъ собою, если ты хочешь избѣгнуть вѣчной погибели!»... въ каретѣ, на дорогѣ между Верденомъ и Парижемъ, всю ночь мнѣ кажется, будто мнѣ говорятъ: «тебѣ не много времени остается жить, если тебя не убьютъ дорогою, то ты не избѣжишь

*) Извлечено изъ единственнаго въ этомъ родѣ наблюденія Бэлларже (Des hallucinations, Mémoires de l'Académie royale de médecine. XII. p. 415).

смерти по прибытіи въ Парижъ» и т. п. По моемъ пріѣздѣ въ Парижъ нѣкоторое время мнѣ кажется, будто двое духовъ спорятъ между собою изъ-за обладанія моею душею. Одинъ изъ нихъ возводитъ въ величайшія прегрѣшенія всѣ мелкія ошибки моей молодости; другой же поддерживаетъ и утѣшаетъ меня; съ одной стороны, я слышу лишь упреки и угрозы, съ другой—только ободренія... Несмотря на то, что со мною говорятъ лишь мысленно, я слышу чрезвычайно явственно... Эти идеальные голоса указываютъ мнѣ: «прежде чѣмъ ты оставишь тотъ домъ, гдѣ ты теперь находишься (больница для умалишенныхъ), ты, подобно Орфею, введешь тамъ цивилизацію»... Впослѣдствіи я сталъ слышать мыслью лишь голоса, изрекавшіе угрозы и скабрёзности»... *).—Значительную часть своей болѣзни этотъ больной страдалъ исключительно псевдогаллюцинаціями слуха и навязчивыми представленіями. Впослѣдствіи присоединились и слуховыя галлюцинаціи.

Одинъ изъ больныхъ Кёппе, именно старикъ чулочникъ Фишеръ, различалъ въ своихъ субъективныхъ слуховыхъ воспріятіяхъ: a) «громчайшій гласъ Божій», который «долженъ проникать въ голову не иначе, какъ черезъ ухо», и вообще «громчайшій звукъ» (наприм. ободряющая фраза, отрывокъ пѣсни), который всегда слышался больному такъ, какъ будто достигалъ до его уха изъ внѣшняго міра (галлюцинаціи слуха); b) «тишайшій гласъ Божій, относительно котораго другой сказалъ бы, что это просто мышленіе» (навязчивыя мысли); c) кромѣ того еще двѣ разновидности Божьяго гласа, при чемъ въ одной изъ нихъ, самой частой, «голосъ слышался такъ ясно и отчетливо, что можно было разобрать рѣшительно каждый слогъ». Для двухъ послѣднихъ разновидностей гласа Божія больной, по его словамъ, вовсе не нуждался во внѣшнемъ органѣ слуха: «если бы я былъ глухъ какъ дубина, я бы и тогда слышалъ это», говаривалъ больной **).

Въ своихъ субъективныхъ слуховыхъ воспріятіяхъ мой больной Переваловъ различаетъ слѣдующее: a) «прямое говоренье» (галлюцинаціи слуха), которое бываетъ двоякаго рода: α) очень громкое, при чемъ, однако, не всегда легко разобрать слова (здѣсь обыкновенно сливающіяся между собою); при этомъ выкрикиваются «токистами» отдѣльныя, большею частью короткія, фразы и ругательныя слова; β) «тихая рѣчь» съ шипящимъ тэмбромъ, похожая на напряженно-усиленный шепотъ, въ которомъ рѣзко различаются голоса различныхъ лицъ; больной полагаетъ, что при этомъ со-

*) Извлечено изъ наблюденія Мореля (Traité des maladies mentales 1860. pp. 342—352).

**) Koeppe. Gehörstörungen und Psychosen. Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie. XXIV. p. 34.

собѣ воздѣйствія, (какъ при α, такъ и при β) звуки и слова естественнымъ образомъ производятся голосовыми аппаратами «токистовъ» и передаются его уху какъ и всякій другой объективный звукъ (наприм., черезъ отверстія въ полу и стѣнахъ, черезъ нарочно устроенныя говорныя трубы); b) «говореніе посредствомъ тока», при чемъ этотъ токъ, будучи направленъ на его голову, заставляетъ его слышать, по волѣ токистовъ, тѣ или другія слова и фразы; здѣсь слуховое воспріятіе лишено характера объективности, не локализируется во внѣшнее пространство и бываетъ всегда одного и того же свойства, такъ что различій въ тэмбрѣ здѣсь для больнаго не представляется; c) насильственное мышленіе безъ всякаго внутренняго слышанія; при этомъ «токисты» устраиваютъ ему искусственныя мысли, переводя мысли изъ своей въ его голову (больной убѣжденъ, что невидимые преслѣдователи постоянно держатъ и его и вмѣстѣ съ нимъ самихъ себя, чередуясь между собою, подъ вліяніемъ электричества, въ силу чего устанавливается своего рода rapport, дозволяющій передачу мыслей изъ одной головы въ другую).

Долининъ во время своей первой душевной болѣзни, имѣлъ постоянныя галлюцинаціи слуха, при чемъ слова, фразы, діалоги, цѣлые стихотворные куплеты доносились до его уха изъ опредѣленныхъ точекъ внѣшняго пространства, слышались, наприм. изъ стѣнъ, изъ сосѣднихъ помѣщеній, изъ устъ людей, находившихся съ нимъ въ одной комнатѣ. Больной, подъ вліяніемъ слуховыхъ галлюцинацій, пришелъ къ убѣжденію, что онъ находится въ рукахъ цѣлаго корпуса тайныхъ мучителей, которые окружаютъ его (въ заведеніи для умалишенныхъ) подъ видомъ больныхъ, прислуги и врачей. Каждое изъ этихъ лицъ, приведя себя въ магнетическій rapport съ нимъ (больной былъ знакомъ со старою французскою литературою животнаго магнетизма) съ одной стороны непосредственно узнавало всѣ его мысли, чувства и ощущенія, до самыхъ мельчайшихъ внутреннихъ движеній, съ другой стороны могло передавать въ его мозгъ изъ своего какую угодно мысль или какое угодно ощущеніе. Больной различалъ два рода таковыхъ передачъ или «внутреннихъ внушеній», основанныхъ на двухъ способахъ «психической индукціи»: a) «Мысленное внушеніе»—лице находящееся въ данную минуту въ магнетической связи съ нимъ, искусственно фиксировало въ своемъ мозгѣ ту или другую, мучительную для него, Долинина, мысль, чѣмъ и причиняло ему «такъ-называемое психіатрами навязчивое представленіе»; b) «слуховое внушеніе»—лице, въ настоящую минуту съ нимъ, Долининымъ, магнетически связанное, усиленно слушало какой-нибудь искусственно производимый реальный звукъ или шумъ, напр., дѣйствительную рѣчь другаго лица, находящагося въ той же комнатѣ или даже свою собственную рѣчь (громко говоря или крича и своимъ же слухомъ воспринимая говоримое) и этимъ путемъ переводило въ его, Долинина, мозгъ свои слуховыя воспріятія. При этомъ

явленіи искусственно вызваннаго внутренняго слышанія Долининъ различалъ тотъ или другой тэмбръ, ту или другую манеру говорить (невидимые мучители нерѣдко старались поддѣлываться подъ голоса знакомыхъ Долинину лицъ).

Во время своей второй, непродолжительной болѣзни Долининъ тоже имѣлъ массу псевдогаллюцинацій слуха и притомъ какъ въ словесной формѣ, такъ и въ формѣ слышанія разныхъ звуковъ и шумовъ (шумъ шаговъ марширующихъ войскъ, выстрѣлы и проч.), или въ формѣ музыкальныхъ псевдогаллюцинацій (барабанный бой, военная музыка).

VII.

Чрезмѣрное фантазированіе больныхъ (hyperphantasia) обыкновенно бываетъ соединено съ псевдогаллюцинированіемъ. Тѣмъ не менѣе болѣзненно усиленное фантазированіе и псевдогаллюцинированіе совсѣмъ не одно и то же. Чрезмѣрное фантазированіе есть внутренній процесъ, если не вполнѣ, то все-таки въ значительной мѣрѣ зависящій отъ воли индивидуума. Отъ процесса простаго мышленія фантазированіе отличается только тѣмъ, что здѣсь сознаніе оперируетъ не съ абстрактными (общими) представленіями или понятіями и ихъ символами (слова), а съ представленіями конкретными, т.-е. съ воспроизведенными чувственными образами (всего чаще со зрительными). Какъ процессъ простаго произвольнаго воспоминанія, такъ и процессъ фантазированія (гдѣ составныя части сложныхъ воспроизведенныхъ представленій являются въ сознаніи въ новыхъ сочетаніяхъ) неизбѣжно сопровождаются у подлежащаго лица чувствомъ собственной внутренней дѣятельности. «Когда я себѣ что-нибудь представляю, то все мое сознаніе бываетъ занято представляемымъ предметомъ и при этомъ я сознаю, что вызвалъ въ себѣ данный образъ моею собственною самоопредѣляющеюся дѣятельностью. Чѣмъ живѣе я хочу себѣ что-либо представить, тѣмъ сильнѣе я долженъ напрягать свое «я» и, соотвѣтственно этому, тѣмъ интенсивнѣе во мнѣ сознаніе, что я это представляю въ себѣ» *). Но настоящія псевдогаллюцинаціи суть явленія спонтанныя, отъ произвола воспріемлющаго лица вовсе не зависящія.

*) Hagen. Die Sinnestäuschungen in Bezug auf Psychol., Heilk. und Rechtspflege. Leipzig. 1837. p. 191.

Ихъ возникновеніе не бываетъ сопряжено у подлежащаго субъекта не только съ чувствомъ напряженія, но даже и просто съ чувствомъ собственной внутренней активности и собственно въ силу этого отрицательнаго признака псевдогаллюцинаціи и выдѣляются въ сознаніи на фонѣ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи и получаютъ для непосредственнаго чувства особое значеніе, какъ нѣчто, входящее извнѣ, при чемъ обыкновенно считаются больными за явленія, искусственно «наведенныя» постороннею волею. Между отдѣльными псевдогаллюцинаторными образами большею частію не бываетъ той логической связи, какая существуетъ между отдѣльными представленіями фантазіи (внутренняя ассоціація); что касается до представленій воспоминанія, то между ними всегда есть связь, если не внутренняя то внѣшняя, которая дается напр., пространственнымъ соотношеніемъ воспоминаемыхъ предметовъ или послѣдовательностію во времени воспроизводимыхъ событій.—Если я позволяю себѣ иногда выраженія: «больной постоянно псевдогаллюцинируетъ зрѣніемъ или слухомъ», то это не значитъ, что псевдогаллюцинаторные образы всегда идутъ непрерывнымъ рядомъ, вызывая одинъ другой по законамъ ассоціаціи; они возникаютъ время отъ времени (конечно, при значительной наклонности къ псевдогаллюцинированію промежутки могутъ быть весьма коротки) и непосредственной логической связи между собою чаще вовсе не имѣютъ. Вѣдь, и у псевдогаллюцинирующаго субъекта становится псевдогаллюцинаціею далеко не всякое чувственное представленіе, а только такія изъ нихъ, для которыхъ, по случайному совпаденію, имѣющееся въ данный моментъ въ кортикальныхъ чувственныхъ центрахъ органическое возбужденіе представитъ для такой трансформаціи особо благопріятныя условія. Промежутокъ отъ одной псевдогаллюцинаціи до другой, разумѣется, не бываетъ пустымъ; онъ выполненъ тѣми или другими продуктами частію произвольной, частію невольной дѣятельности мысли, т.-е. представленіями какъ абстрактными, такъ и образными. Отсюда видно, что два послѣдовательные одинъ за другимъ псевдогаллюцинаторные образа, не имѣя между собою непосредственной логической связи, могутъ связаться при посредствѣ другихъ, не псевдогаллюцинаторныхъ представленій. Поэтому, если взять содержаніе сознанія нѣкоторыхъ больныхъ (острые идеофре-

ники псевдогаллюцинируютъ всего больше) за извѣстный промежутокъ времени, то получится сложное сплетеніе изъ представленій правильныхъ и ложныхъ, навязчивыхъ мыслей, образовъ воспоминанія и фантазіи, псевдогаллюцинацій, галлюцинацій (если имѣются на лицѣ тѣ спеціальныя условія, которыя необходимы для возникновенія послѣднихъ) и, наконецъ, вторично получившихся ложныхъ идей.

Утверждая, что отдѣльныя псевдогаллюцинаціи часто бываютъ, по содержанію своему, совершенно неожиданными, лишенными прямаго отношенія къ представленіямъ, находившимся въ сознаніи непосредственно передъ тѣмъ, я констатирую лишь фактъ, которымъ ни мало не исключается другой фактъ, что сосредоточеніе дѣятельности мысли на представленіяхъ извѣстнаго содержанія предрасполагаетъ и къ псевдогаллюцинированію въ томъ же направленіи. При хронической идеофреніи псевдогаллюцинаціи почти всегда спонтанны и не могутъ быть вызваны произвольными усиліями воображенія больнаго; встрѣчаются, однако, отдѣльные случаи когда, при большой наклонности къ псевдогаллюцинированію, больной можетъ по произволу придавать своимъ псевдогаллюцинаціямъ опредѣленное содержаніе. Настоящія галлюцинаціи обыкновенно тоже не могутъ быть вызываемы произвольнымъ напряженіемъ воображенія; это однако, не исключаетъ того факта, что иногда душевнобольной человѣкъ можетъ влагать въ свои галлюцинаціи то или другое содержаніе; впрочемъ, послѣднее возможно лишь для галлюцинацій извѣстнаго рода («производныя галлюцинаціи слуха», по моей терминологіи).

Что усиленная дѣятельность фантазіи есть лишь моментъ, предрасполагающій къ псевдогаллюцинированію а не самое псевдогаллюцинированіе, всего виднѣе при псевдогаллюцинаціяхъ психически здоровыхъ людей, а изъ душевно-больныхъ—у хрониковъ. Въ самомъ дѣлѣ псевдогаллюцинаціи здоровыхъ людей (гипнагогическія и другія) совершенно независимы отъ усиленія произвольной дѣятельности фантазіи, и для ихъ возникновенія, какъ мы видѣли, необходима именно полнѣйшая внутренняя пассивность. При хроническомъ сумасшествіи содержаніе псевдогаллюцинацій (не только стабильныхъ и интеркурентныхъ, но даже и множественныхъ) тоже обыкновенно не согласуется съ направленіемъ сознательной и произвольной дѣятельности воображенія. Напротивъ, при непрерывномъ или сплош-

номъ псевдогаллюцинированіи острыхъ больныхъ дѣло представляется нѣсколько инымъ. Въ этихъ случаяхъ возбудимость кортикальныхъ областей чувствъ повышается въ такой степени, что почти всякое представленіе, всякая мысль, возникая въ мозгѣ больнаго, принимаетъ конкретную, рѣзко чувственную форму, такъ что все мышленіе больнаго, уже вышедшее изъ предѣловъ нормальной логики, совершается въ пластической, образной формѣ. Тогда получается рядъ, такъ сказать, псевдогаллюцинаторныхъ фантазій, содержаніе которыхъ всегда болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ направленію мыслей больнаго въ данное время. Понятно, что такія псевдогаллюцинаторныя фантазіи будутъ отличаться отъ не псевдогаллюцинаторныхъ продуктовъ болѣзненно усиленной дѣятельности воображенія не такъ рѣзко, какъ отличаются отъ обыкновенныхъ представленій воспоминанія и фантазіи псевдогаллюцинаціи психически здоровыхъ людей и сумасшедшихъ-хрониковъ. Я убѣжденъ, что между псевдогаллюцинаціями и настоящими галлюцинаціями не существуетъ переходныхъ ступеней. Но между продуктами обыкновенной дѣятельности фантазіи и рѣзко выраженными псевдогаллюцинаціями со всѣми характерными признаками послѣднихъ переходы, разумѣется, возможны. Такъ, въ случаяхъ острой галлюцинаторной идеофреніи мы можемъ найти цѣлую массу субъективныхъ чувственныхъ воспріятій, представляющихъ собою именно эти переходныя ступени. Впрочемъ, и здѣсь чистыя псевдогаллюцинаціи всегда болѣе или менѣе выдѣляются изъ общаго фона болѣзненно живыхъ представленій фантазіи и субъективныхъ воспріятій, переходныхъ отъ послѣднихъ къ псевдогаллюцинаціямъ. Выдѣленіе это обусловливается тѣмъ, что къ псевдогаллюцинаціямъ сознаніе всегда относится рецептивно, оно не признаетъ ихъ своею собственностью, ибо возникновеніе этихъ субъективныхъ явленій никогда не сопровождается у подлежащаго субъекта чувствомъ собственной внутренней дѣятельности.

Въ острыхъ формахъ или періодахъ сумасшествія больной вполнѣ уходитъ въ міръ фантазіи (именно въ этихъ случаяхъ псевдогаллюцинаціи, быстро мѣняясь одна другою, идутъ почти сплошь, однимъ непрерывнымъ теченіемъ) и оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія свою реальную обстановку. Такой больной иногда бываетъ ошибочно принимаемъ за галлюцинанта, вполнѣ отрѣшеннаго отъ внѣшняго міра. Однако, здѣсь довольно перваго болѣе

сильнаго внѣшняго впечатлѣнія, чтобы возвратить больнаго, по крайней мѣрѣ на время, къ дѣйствительности, напр., достаточно обратиться къ нему съ прямымъ вопросомъ или просто близко подойти къ нему. Здѣсь больной лишь вниманіемъ отвлеченъ отъ внѣшняго міра, тогда какъ при непрерывномъ галлюцинированіи, неразлучномъ съ глубокимъ разстройствомъ сознанія, больной всѣмъ своимъ сознаніемъ отрѣшается отъ окружающей его дѣйствительности.

Въ минуту засыпанія больныхъ, при бодрствованіи непрерывно псевдогаллюцинировавшихъ зрѣніемъ, ихъ зрительныя псевдогаллюцинаціи непосредственно переходятъ въ сновидѣнія, несравненно болѣе живыя и болѣе объективныя чѣмъ нормальныя сновидѣнія: наступаетъ то состояніе, которое Бэлларже прежде называлъ «сновидѣнія съ галлюцинаціями». Такъ какъ для превращенія псевдогаллюцинацій въ галлюцинаціи достаточно прекращенія воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, то возможно, что кортикальная галлюцинація, т.-е. сновидѣніе, явится прежде чѣмъ больной всецѣло погрузится въ сонъ (кортикальныя галлюцинаціи въ состояніи переходномъ отъ бодрствованія ко сну).

Слѣдующіе примѣры показываютъ пластическую чувственность бреда сумасшедшихъ, сотканнаго изъ ложныхъ представленій, первичныхъ и вторичныхъ, образовъ фантазіи и псевдогаллюцинацій. Въ третьемъ примѣрѣ видно, кромѣ того, отношеніе псевдогаллюцинаторныхъ явленій къ другимъ болѣзненнымъ явленіямъ въ самомъ сознаніи больнаго.

Отрывокъ изъ одной исторіи болѣзни у Крафтъ-Эбинга *), гдѣ больной, одновременно съ слуховыми галлюцинаціями, какъ по всему видно, галлюцинировалъ зрѣніемъ (настоящія зрительныя галлюцинаціи если и бываютъ у подобнаго рода больныхъ, то лишь въ качествѣ эпизодическихъ явленій). «Императоры Франціи, Австріи и король Пруссіи, съ которыми больной велъ разговоры, находились подъ домомъ, гдѣ помѣщался больной, въ преддверіи ада, недавно открытомъ со стороны Рима. Преддверіе ада состоитъ изъ двухъ отдѣленій; одно изъ нихъ высотою въ человѣческій ростъ, другое столь же высокое, какъ большой домъ; это второе отдѣленіе наполняется, со стороны Рима, морскою водою. Тамъ помѣщены души умершихъ; души имѣютъ весьма нѣжную конструкцію; онѣ состоятъ изъ корпуса и двухъ крыльевъ; падая на полъ онѣ легко разбиваются. Тамъ

*) Krafft-Ebing. Die Sinnesdelirien. Ein Versuch ihrer physio-psychol. Begründung und klin. Darstellung. Erlangen. 1864. p. 51.

же находится Аммонъ, имѣющій видъ громаднаго звѣря съ толстымъ туловищемъ и большущими глазами; напереди у него лапы съ когтями, назади—ноги съ копытами... У преддверія ада два входа; черезъ одинъ изъ нихъ, находящійся близъ М., больной однажды и проникъ туда... Проштрафившимся душамъ залѣпляютъ крылья расплавленнымъ желѣзомъ, при чемъ онѣ начинаютъ дрожать отъ боли. Находясь въ В., больной видѣлъ много тысячъ душъ, летающихъ по преддверію ада; тогда больной сталъ бѣгать по улицамъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока въ мысляхъ своихъ не высвободилъ всѣхъ этихъ душъ. По отяжелѣванію своихъ ногъ больной узнаетъ, что подъ нимъ пролетаетъ чья-нибудь душа»...

Извлеченіе изъ сюда же относящагося observ. 30. Бріерра де Буамана *). Однажды, разсказывалъ больной, я, чтобы разсѣяться, отправился бродить по городу. Дойдя до церкви св. Павла, я остановился у оконъ магазиновъ Каррингтона и Броульса, чтобы посмотрѣть гравюры. Вскорѣ возлѣ меня остановился, тоже смотря гравюры, господинъ, небольшаго роста, пожилой и съ видомъ, довольно важнымъ. Завязавъ со мною разговоръ, онъ сталъ восторгаться видомъ, открывавшимся съ колокольни церкви св. Павла. Такъ какъ я туда никогда не всходилъ, то онъ мнѣ предложилъ пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ въ трактирѣ а потомъ подняться на колокольню. На-скоро пообѣдавъ, мы пошли на колокольню и взобрались въ тотъ самый шаръ (яблоко), въ которомъ утверждается вѣнчающій колокольни крестъ. Нѣсколько минутъ мы восторгались прелестною панорамою, представившеюся нашему взору; затѣмъ мой спутникъ вынулъ изъ кармана инструментъ, на которомъ были выгравированы странныя фигуры, видомъ похожій на компасъ. Помѣстивъ инструментъ въ центрѣ яблока, онъ предложилъ мнѣ смотрѣть туда, сказавъ, что я могу увидѣть любаго изъ своихъ далекихъ друзей и узнать, что каждый изъ нихъ въ данную минуту дѣлаетъ. Сперва я содрогнулся, но желаніе увидать моего больнаго отца взяло верхъ надъ моимъ страхомъ. Не успѣвъ выразить своего желанія словами, я уже увидѣлъ въ инструментѣ, какъ въ зеркалѣ, моего отца, отдыхающаго, сидя въ своемъ креслѣ. Фактъ видѣнія поразилъ меня ужасомъ и я сталъ приглашать сойти внизъ. Мы сошли и разстались подъ сѣвернымъ портикомъ церкви. На прощанье мой странный спутникъ сказалъ мнѣ: «помните, что съ этой минуты вы въ моей власти»... Съ той поры «некромантикъ» всецѣло завладѣлъ мною; при помощи своего зеркала онъ видитъ меня во всякое время и постоянно читаетъ мои мысли».

Я приведу теперь часть изъ испытаннаго Долининымъ во время его втораго (короткаго) психическаго разстройства, быстро развившагося послѣ

*) Brierre de Boismont. Des hallucinations. 3-me édit. Paris. 1862, pp. 91—94.

2—3 недѣль чрезмѣрнаго умственнаго напряженія. Въ нижеслѣдующемъ изображено, по возможности въ краткихъ и вѣрныхъ чертахъ, содержаніе сознанія больнаго за первые 5 дней псевдогаллюцинаторно-галлюцинаторнаго періода болѣзни.

...Больной вдругъ сталъ бредить тѣмъ, что онъ производитъ государственный переворотъ въ Китаѣ, имѣющій цѣлью дать этому государству европейскую конституцію. Долининъ былъ, конечно, не одинъ; существовала цѣлая партія, въ число членовъ которой входило много просвѣщенныхъ мандариновъ изъ государственныхъ людей Китая и высшихъ начальниковъ флота и арміи. Больной чувствовалъ себя тѣмъ болѣе способнымъ на роль главнаго руководителя переворота, что онъ находился въ духовномъ общеніи съ народомъ и могъ непосредственно знать нужды и потребности разныхъ классовъ общества. Въ народѣ, двигавшемся по улицѣ передъ окнами квартиры его, Долининъ видѣлъ представителей разныхъ общественныхъ фракцій; эти депутаты, поочередно, вступали своими умами въ общеніе съ умомъ Долинина и такимъ путемъ выражали свои политическія требованія; это духовное общеніе было ничѣмъ инымъ какъ слуховымъ псевдогаллюцинированіемъ, на фонѣ котораго рѣзко выдѣлялись настоящія галлюцинаціи и иллюзіи слуха, являвшіяся первоначально въ одиночку: отъ времени до времени Долининъ слышалъ (галлюцинаторно) отъ людей, проходившихъ по улицѣ, относившіяся къ нему слова и фразы. Съ другой стороны Долининъ являлся духовнымъ средоточіемъ партіи заговорщиковъ и его мозгъ служилъ для нея какъ бы центральною телеграфною станціею: больной псевдогаллюцинаторно получалъ частыя извѣщенія о ходѣ дѣла отъ своихъ сообщниковъ какъ въ Пекинѣ, такъ и въ другихъ главныхъ городахъ Китая и, соображаясь съ этимъ, дѣлалъ дальнѣйшія распоряженія, мысленно (безъ словъ) телеграфируя лицамъ, имъ же распредѣленнымъ на различныя роли. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы дѣйствовать рѣшительно и провозгласить конституцію прежде чѣмъ противники ея успѣютъ опомниться. Все шло бы хорошо, но дѣло осложнилось тѣмъ, что мысли больнаго сдѣлались открытыми и для противной партіи. Квартиры, смежныя съ квартирою Долинина, оказались занятыми шпіонами, которые стали узнавать мысли Долинина, вбирая ихъ изъ его головы въ свои головы. Больной не только чувствовалъ близость шпіоновъ (такъ какъ и отъ нихъ нѣкоторыя мысли переходили въ его голову), но и сталъ слышать ихъ голоса (отдѣльныя фразы, которыми они иногда перекидывались между собою посреди эксплоративныхъ занятій, реплики, дѣлавшіяся ими иногда вслухъ, на открывавшіяся имъ мысли больнаго; понятно, что это были уже галлюцинаціи слуха). Надо было стараться перехитрить враговъ. И вотъ, больной вообразилъ нѣкую машину, въ родѣ какъ бы сложнаго токоизбирателя, дававшую возможность оперировать съ совокупностью множества системъ гальваническихъ баттарей, путемъ различнѣйшихъ, болѣе или менѣе сложныхъ комбинацій дѣйствія этихъ системъ. Съ внѣшней стороны этотъ аппаратъ (больной мысленно окрестилъ его «психораспредѣлителемъ») являлся внутреннему зрѣнію Долинина закрытымъ столомъ, на верху съ большою квадратною доскою изъ чернаго дерева, на которой устроены замыкатели, избиратели, коммутаторы для громадной массы гальваническихъ цѣпей. Въ однихъ мѣстахъ при втыканіи металлическихъ шпеньковъ въ отверстія токъ замыкался, при выниманіи же—размыкался; въ другихъ мѣстахъ выниманіе шпеньковъ открывало для тока болѣе длинный окольный путь, который снова можно было удлиннить или развѣтвить вынимая и вставляя соотвѣтственные шпеньки. Параллельно ходу своей мысли (вѣрнѣе, фантазіи, такъ какъ въ это время больной уже не могъ мыслить иначе какъ въ живо чувственной, образной формѣ), почти совершенно вышедшей изъ подъ контроля воли, Долининъ, въ своемъ зрительномъ представленіи, оперировалъ обѣими руками на «распредѣлителѣ» и полагалъ при этомъ, что ингеніознымъ выборомъ комбинацій затыкаемыхъ и оттыкаемыхъ отверстій достигалось то, что мысли, назначенной къ «своимъ», преграждался обратный путь, такъ что въ нее уже не могли проникнуть шпіоны; подобными же пріемами предотвращалась передача въ мозги шпіоновъ телеграммъ, получавшихся со всѣхъ сторонъ отъ исполнителей замысла. При такой мудреной работѣ, гдѣ результатъ всецѣло зависѣлъ отъ вдохновенія, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ промаховъ. Черезъ своихъ шпіоновъ противники узнали кое-что изъ плановъ и распоряженій Долинина, соотвѣтственно этому приняли свои мѣры. Надо замѣтить, что въ это время, кромѣ дара, такъ сказать, всезнанія и всеслышанія (черезъ таинственное общеніе съ умами множества людей), у Долинина былъ и даръ всевидѣнія. Ходя по своимъ комнатамъ изъ угла въ уголъ и почти не видя предметовъ, находившихся у него подъ носомъ (потому что вниманіе было всецѣло занято вещами отдаленными и грандіозными), больной внутренно видѣлъ все, что въ тѣ дни будто бы творилось въ столицѣ Китая, какъ на улицахъ, такъ въ богдыханскомъ дворцѣ и въ верховномъ совѣтѣ мандариновъ (чрезвычайное усиленіе дѣятельности зрительной фантазіи, при чемъ часто возникавшія зрительныя псевдогаллюцинаціи служили какъ бы отдѣльными иллюстраціями; характеризуясь всѣми тѣми чертами, которыя раньше мною были выставлены въ качествѣ существенныхъ признаковъ псевдогаллюцинацій, главнымъ же образомъ своею навязчивостью, эти иллюстраціи въ сознаніи больнаго отдѣлялись отъ простыхъ продуктовъ дѣятельности представленія и потому получали особое значеніе: больной видѣлъ въ нихъ таинственное отраженіе отдаленныхъ дѣйствительныхъ событій). Больной внутренно видитъ, что согласно съ его планомъ, верховный совѣтъ мандариновъ въ своемъ полномъ составѣ торжественно засѣдаетъ, формулируя основные законы конституціи. Зданіе совѣта окружено строемъ пѣхотинцевъ; на площади расположена артиллерійская бригада; по

окраинѣ площади и въ смежныхъ улицахъ несмѣтныя массы ждущихъ китайцевъ... Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ улицахъ смятеніе: противники реформы успѣли увлечь за собою нѣсколько полковъ инфантеріи, въ томъ числѣ и гарнизонъ крѣпости; необходимо разсѣять крамольниковъ. И вотъ, передъ умственнымъ окомъ больнаго развертывается новая псевдогаллюцинаторная картина,—картина уличной схватки вооруженныхъ отрядовъ. Долининъ отчетливо видитъ (псевдогаллюцинаторно) солдатъ и командировъ, слышитъ (частію внутренно, частію галлюцинаторно) звонъ оружія, команду, ружейные залпы, побѣдные крики... Съ крѣпости, которая теперь уже въ рукахъ конституціоналистовъ, раздаются пушечные выстрѣлы.. Затѣмъ, мало по малу, все успокоивается; очевидно, гидра открытаго сопротивленія задавлена; врагамъ остаются лишь тайные ковы, ибо самыхъ главныхъ изъ нихъ еще не удалось переловить... На улицѣ тишина; лишь слышно со стороны народа (дѣйствительно проходящаго по улицѣ) ликованіе и похвалы на мудрыя распоряженія Долинина вслѣдствіе которыхъ все обошлось безъ большой кутерьмы. Послѣ столькихъ тревожныхъ минутъ, Долининъ испытываетъ теперь глубочайшее удовлетвореніе: онъ— герой дня. Его квартира окружается, частію для почета, частію для предупрежденія враждебныхъ покушеній, отрядомъ національной гвардіи; правда, взглянувъ въ окно, Долининъ не видитъ солдатъ, такъ какъ они расположены на почтительномъ отдаленіи, за то онъ знаетъ объ ихъ близости непосредственно, ибо можетъ, когда захочетъ, имѣть съ этими людьми умственное общеніе. Къ вечеру на улицѣ, недалеко отъ дома располагается прекрасный военный оркестръ, который значительную часть ночи услаждаетъ слухъ Долинина игрою торжественныхъ маршей и другихъ піэсъ. Тутъ больной уже не выглядываетъ въ окно: ему довольно, что онъ чувствуетъ присутствіе музыкантовъ, видитъ оркестръ своими духовными очами и своимъ внутреннимъ ухомъ слышитъ исполняемыя имъ піэсы (псевдогаллюцинаціи)... На другой день больной съ утра собирается въ засѣданіе новаго законадательнаго корпуса... Въ то же утро въ квартиру больнаго являются двое его товарищей по службѣ и, послѣ короткаго разговора, приглашаютъ его прокатиться вмѣстѣ съ ними въ каретѣ. Долининъ принимаетъ товарищей за присланныхъ за нимъ членовъ законодательнаго собранія; хотя прямаго объясненія на этотъ счетъ не было, но по взволнованнымъ лицамъ друзей, по ихъ многозначительному виду и почтительному обращенію, равно какъ и по прорвавшимся въ теченіи разговора намекамъ ихъ и даже по нѣкоторымъ прямого смысла фразамъ (галлюцинаціи слуха) Долининъ узнаетъ цѣль визита гостей; да къ чему излишнія слова между единомышленниками, имѣющими возможность сообщиться между собою духовно, безъ посредства языка... Ѣдутъ; больной озабоченъ мыслями, что дѣлается теперь во дворцѣ; тѣмъ не менѣе онъ замѣчаетъ, что на главныхъ улицахъ города стоитъ торжественное затишье... Отъ проходящихъ по улицамъ отдѣльныхъ личностей

Долининъ временами слышитъ обращенныя къ нему лаконическія фразы— восхваленія, одобренія, сдержанныя выраженія восторга, иногда остереженія (слух. галлюц.)... Погрузившись въ свои соображенія, Долининъ разсѣянно смотритъ по сторонамъ и не видитъ, куда его везутъ... Вдругъ отдѣльныя выраженія враждебнаго къ нему отношенія уличной толпы поражаютъ его слухъ. Долининъ осматривается и видитъ, что пріѣхали на край города *); на улицѣ, какъ кажется больному, все чаще и чаще попадаются полицейскіе, растерзанные и пьяные отдѣльные солдаты, оборванные представители черни; изъ устъ этихъ людей Долининъ слышитъ уже прямыя ругательства и угрозы... Тогда, прибѣгнувъ къ помощи интуиціи, больной узнаетъ, что шпіонъ, переодѣтый кучеромъ, нарочно завезъ ихъ въ часть города, враждебно настроенную мятежною партіею; противники снова сплотились и дѣлаютъ отчаянныя усилія, чтобы захватить въ свои руки кормило правленія, приняты уже мѣры, чтобы поймать Долинина и его друзей въ ловушку... Замѣшательство и страхъ, написанные на лицахъ спутниковъ, теперь болѣе чѣмъ понятны... Но тѣмъ же путемъ интуиціи больной узнаетъ, что имъ въ прикрытіе посланъ отрядъ пѣшей гвардіи, подъ командою двоихъ офицеровъ, его старыхъ пріятелей. Отрядъ еще далеко назади, но Долининъ уже слышитъ (внутренно, т.-е. псевдогаллюцинаторно) мѣрный шумъ шаговъ по мостовой и барабанный бой... Усталыя извощичьи лошади ежеминутно готовы остановиться и тогда придется застрять среди уличной толпы, становящейся все болѣе и болѣе враждебною... Но мужество прежде всего; пока не погасъ на папироскѣ захваченный изъ дома огонь, непріятель не посмѣетъ къ нимъ подступиться, ибо онъ, Долининъ имѣетъ нынѣ въ своихъ рукахъ верховную исполнительную власть въ государствѣ (еще на дому старшій изъ товарищей, пріѣхавшій съ курящеюся папиросою, предложилъ больному папиросу изъ своей папиросницы; папироса была принята больнымъ какъ «символическій скипетръ власти»; зажегши ее еще у себя на квартирѣ о папиросу товарища, больной всю дорогу не переставалъ курить, зажигая новую папиросу о докуренную и придавая большую важность тому, чтобы «не потерять огня»)... Къ тому же звуки марша (псевдогаллюцинаціи слуха) слы-

*) Читатель можетъ быть удивится, что больной, находясь въ Петербургѣ, считаетъ себя дѣйствующимъ въ Пекинѣ, между китайцами. Не имѣя времени останавливаться на этомъ, я замѣчу лишь, что съ сумасшедшими бываютъ еще большія странности. Вообще же психіатрамъ извѣстно, что больные иногда не узнаютъ знакомыхъ лицъ, знакомыхъ мѣстностей а между тѣмъ находятъ знакомое въ лицахъ и мѣстностяхъ, видимыхъ ими впервые. Нѣмцы называютъ это „Verwechselung der Person, Verwechselung der Umgebung“. Прибавлю еще, что въ такомъ неузнаваніи знакомыхъ мѣстностей и лицъ, равно какъ и приниманіи лицъ незнакомыхъ за старыхъ знакомыхъ и друзей иллюзіи и галлюцинаціи зрѣнія весьма часто нимало непричастны.

шатся все ближе и ближе; черезъ нѣсколько минутъ карета будетъ нагнана эскортомъ. И вотъ, въ приливѣ восторга, Долининъ начинаетъ, въ тактъ внутренно слышимымъ имъ шагамъ солдатъ, напѣвать собственнаго сочиненія маршъ, дѣйствуя при этомъ шагообразно своими ногами, такъ какъ теперь это движеніе ногами таинственно связано съ движеніемъ кареты: если его прекратить, то и карета остановится... Но, вотъ, вотъ! передніе ряды отряда уже окружили экипажъ; противъ лѣваго окна кареты маршируетъ вѣчно серьезный капитанъ В., салютуя сидящимъ въ каретѣ обнаженною саблею; по другую сторону экипажа штабсъ-капитанъ П... широко шагаетъ своими коротенькими ножками и восторженно что-то кричитъ (что именно,—въ общемъ движеніи нельзя разобрать)... Эти зрительныя явленія—еще не галлюцинаціи, это лишь «видѣніе духомъ»; у самого Долинина имѣется въ эту минуту сознаніе, что это еще не дѣйствительность, но только таинственное духовное предвкушеніе дѣйствительности; несомнѣнная близость послѣдней доводитъ восторгъ больнаго до высшей точки... Вдругъ экипажъ останавливается и спутники многозначительно приглашаютъ Долинина выйти изъ кареты. Осмотрѣвшись, больной видитъ, что подъѣхали къ какому-то деревянному домику, дачной постройки. Конечно, тутъ весьма удобно подождать приближающійся отрядъ (за поворотомъ дороги его не видно, но Долининъ различными способами чувствуетъ его близость). Долининъ мысленно рѣшаетъ, что тутъ онъ дастъ людямъ роздыхъ; отсюда они трое, облачившись въ оффиціальные костюмы и опоясавшись шарфами, пойдутъ пѣшкомъ къ зданію законодательнаго собранія, гдѣ ихъ давно уже ждутъ... Но почувствововавъ вдругъ огромную физическую усталость (не малую часть не близкой дороги онъ восторженно пѣлъ и энергически работалъ ногами) Долининъ при входѣ въ домъ передаетъ старшему изъ товарищей свою символическую, все еще дымящуюся папиросу, выразивъ ему короткую просьбу «снять на время команду» съ него... Въ первой комнатѣ онъ садится къ роялю и погружается въ задумчивость. Очнувшись, онъ замѣчаетъ, что въ комнатѣ никого, кромѣ него, нѣтъ. Но въ смежныхъ комнатахъ онъ находитъ незнакомыхъ, страннаго вида людей, повидимому, не обращающихъ на него вниманія. По отдѣльнымъ ихъ фразамъ [однѣ изъ этихъ фразъ онъ слышалъ лишь внутренно (псевдогаллюцинаціи), другія же обыкновеннымъ путемъ, т.-е. наружнымъ ухомъ (производныя галлюцинаціи слуха)] Долининъ понялъ, что онъ окруженъ членами корпуса тайныхъ палачей, которые, чередуясь между собою, стараются не прерывать съ нимъ внутренняго общенія и такимъ образомъ ловятъ всѣ его мысли. Спутники его исчезли, выходная дверь на замкѣ и кромѣ того охраняется стражемъ, окна съ рѣшетками... Все погибло, Долининъ попалъ въ ловушку... Мы можемъ оставить больнаго на этихъ минутахъ буйнаго гнѣва и отчаянія, неожиданно наступившихъ послѣ прежняго восторженно-воинственнаго настроенія.

Въ этомъ извлеченіи изъ записанныхъ для меня выздоровѣвшимъ больнымъ воспоминаній я старался воспроизвести возможно ближе къ дѣйствительности послѣдовательность чувствъ, идей, фантазій и субъективныхъ чувственныхъ воспріятій за нѣсколько дней болѣзни подъ рядъ. Читатель видитъ, что за эти дни у больнаго было много безумнаго бреда съ насильственными представленіями и производными ложными идеями; много простыхъ образныхъ представленій въ качествѣ продуктовъ дѣятельности чрезмѣрно возбужденной фантазіи; достаточно слуховыхъ галлюцинацій и еще большее количество псевдогаллюцинацій, слуховыхъ и зрительныхъ. Что касается до галлюцинацій зрѣнія, то ихъ въ это время совсѣмъ не было (позже на непродолжительный срокъ появились и онѣ).

VIII.

Не должно смѣшивать съ «внутреннимъ слышаніемъ» «внутреннее говореніе» самихъ больныхъ. При этомъ говореніи больные не имѣютъ никакого субъективнаго возбужденія въ кортикальной слуховой сферѣ, но лишь чувствуютъ болѣе или менѣе насильственный двигательный импульсъ къ кричанію, къ произнесенію тѣхъ или другихъ словъ, фразъ, цѣлыхъ монологовъ или діалоговъ. Не завися отъ возбужденія центральныхъ чувственныхъ областей, это явленіе не имѣетъ ничего общаго ни съ галлюцинаціями, ни съ псевдогаллюцинаціями; это ничто иное какъ чувство рѣчевой иннерваціи, результатъ возбужденія извѣстныхъ узловыхъ клѣтокъ кортикальнаго двигательнаго аппарата рѣчи. Если больной, произвольнымъ усиліемъ воли, не подавляетъ эту непроизвольную или даже прямо насильственную двигательную иннервацію, или если послѣдняя происходитъ съ большою силою, то голосовой аппаратъ можетъ въ самомъ дѣлѣ придти въ дѣйствіе, такъ что въ результатѣ получатся непроизвольные крики, непроизвольно произносимыя слова и фразы.

Вообще жалобы больныхъ на то, что ихъ языкомъ говорятъ невидимые преслѣдователи, приходится слышать довольно часто и въ этихъ заявленіяхъ должно различать два рода случаевъ: а) больные страдаютъ только навязчивыми мыслями и упомянутыми жалобами желаютъ выразить врачу только то, что невидимые преслѣдователи отнимаютъ у нихъ ихъ собственныя мысли и взамѣнъ того вводятъ въ ихъ голову мысли чужія, которыя

они, больные, поэтому (т.-е. за неимѣніемъ собственныхъ мыслей) и принуждены высказывать; b) случаи настоящей непроизвольной или насильственной иннерваціи двигательнаго аппарата рѣчи. Послѣдняго рода случаи хотя и не принадлежатъ къ псевдогаллюцинаціямъ, но краткое разсмотрѣніе ихъ здѣсь не будетъ совсѣмъ неумѣстнымъ, въ виду того, что эти патологическія явленія находятся въ связи съ явленіемъ внутренняго говоренія, которое обыкновенно смѣшивается авторами съ психическими галлюцинаціями.

Непроизвольное говореніе можетъ быть или явленіемъ, часто повторяющимся и въ то же время длительнымъ, или, наоборотъ, явленіемъ эпизодическимъ и даже случайнымъ.

Иногда больной, собравшись сказать одно, нечаянно выговариваетъ совершенно другое, въ силу рефлекса съ органа зрѣнія или слуха. При псевдоафазической спутанности (dementia pseudoaphasica Meynerti) больные дѣлаютъ безсмысленный наборъ звуковъ и словъ иногда совершенно автоматично, вслѣдствіе иррадіаціи двигательнаго возбужденія на такія клѣтки кортикальнаго центра рѣчи, которыя при данномъ движеніи въ области представленія вовсе не должны бы приходить въ дѣйствіе. Вотъ относящіеся сюда примѣры:

Больной Лашковъ, находясь въ нашей больницѣ, разъ разсердился на надзирателя моего отдѣленія и приготовился энергически ругнуть его; дождавшись прихода къ себѣ въ комнату надзирателя, онъ открываетъ ротъ, чтобы произнесть впередъ заготовленную бранную фразу... но, къ немалому его удивленію, его языкъ вдругъ выговорилъ: «господинъ Щербаковъ» (фамилія надзирателя) и больше ничего. Послѣ двухъ, трехъ подобнаго рода случаевъ больной рѣшилъ, что его языкъ уже не находится въ его власти, ибо невидимые экспериментаторы могутъ, съ одной стороны, не дать ему сказать то, что онъ собрался сказать, съ другой стороны могутъ заставить его произнесть то, что онъ вовсе не думалъ. Раньше того этотъ же больной во время наступавшихъ у него иногда періодовъ отупѣнія и молчаливости (Stupidität mit Mutacismus), нерѣдко, вмѣсто отвѣта, механически повторялъ предлагавшіеся ему вопросы, очевидно, въ силу рефлекса съ органа слуха.

Проф. Лейдесдорфъ *) сообщаетъ про одну изъ своихъ больныхъ между прочимъ слѣдующее: «Особенно трудно ей было говорить; она никогда не могла сказать того, что она желала... На вопросы она старалась отвѣчать правильно, но сама постоянно замѣчала, что она повторяетъ приблизительно одно и тоже, никакъ не можетъ кончить, но постоянно говоритъ, не сказавши именно того, что намѣревалась сказать; кромѣ того она замѣтила, что нѣкоторыя отдѣльныя слова она повторяетъ совершенно противъ ея воли.

*) Casuistischer Beitrag zur Frage von der primären Verrücktheit. — Psychiatr. Studien aus der Klinik des Prof. Leidesdorf. Wien. 1877. p. 236.

Мой больной Андреевъ (псевдоафазическая спутанность Мейнерта), желая правильно отвѣтить на предложенный ему вопросъ, не находитъ надлежащихъ словъ; въ этомъ затрудненіи его растерянность достигаетъ до высшей точки и тогда съ устъ его (противъ его воли, какъ онъ самъ весьма недвусмысленно даетъ понять) начинаютъ срываться слова, къ дѣлу ни мало не идущія, такъ что получается вполнѣ безсмысленный наборъ словъ или же аграмматическая фраза, съ которою больной рѣшительно не связываетъ никакого представленія.

Извѣстно, что кататоники иногда по цѣлымъ часамъ подъ рядъ издаютъ отдѣльные дикіе звуки, выкрикиваютъ отдѣльныя, все одни и тѣ же, слова или же повторяютъ безчисленное множество разъ подъ рядъ одну и ту же, часто безсмысленную фразу. Мнѣ кажется возможнымъ, что въ такого рода простѣйшихъ случаяхъ кататонической вербигераціи собственно интеллектуальная дѣятельность мало участвуетъ въ явленіи; непроизвольная работа мышцами голосоваго аппарата здѣсь можетъ совершаться автоматично, единственно въ силу самостоятельнаго раздраженія клѣтокъ двигательнаго кортикальнаго центра рѣчи. Здѣсь можно видѣть родъ судороги кортикальнаго происхожденія, которая иногда является въ очень простой формѣ (монотонный крикъ), иногда же въ формѣ болѣе сложной и координированной (слова и наборъ ихъ); въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями, повидимому, близкими къ тѣмъ, которыя описаны Фридрейхомъ *) подъ названіемъ «coordinirte Erinnerungskrämpfe» (рѣдкіе случаи такого судорожнаго состоянія, гдѣ, при сохраненномъ сознаніи, непроизвольно повторяются сложныя координированныя движенія или дѣйствія, первоначально совершавшіяся или путемъ рефлекса, или же подъ импульсомъ воли).

Однако весьма нерѣдки также и такіе случаи, гдѣ вербиге-

*) Friedreich. Ueber coordinirte Erinnerungskrämpfe. — Virchow's Archiv. Bd. 86 (1881), p. 430.

рація кататониковъ, при всемъ своемъ характерѣ монотонности, стереотипности и судорожности, даетъ въ результатѣ фразу, имѣющую опредѣленный смыслъ, или даже довольно сложный рядъ грамматично построенныхъ фразъ, содержаніе которыхъ находится въ видимой связи съ мыслями, занимающими больнаго въ данное время. Въ такихъ случаяхъ интеллектуальное происхожденіе вербигераціонныхъ фразъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Бредъ моего больнаго Кар... за долгое время до наступленія характерныхъ явленій кататоніи былъ сосредоточенъ на вопросахъ государственной важности; однажды я засталъ больнаго неподвижно стоящимъ и медленно, съ раздѣльностью по слогамъ и съ видимымъ усиліемъ преодолѣть существующую въ двигательныхъ путяхъ задержку, вербигерирующимъ въ такомъ родѣ: «надо, чтобы Государь... чтобы Государь... чтобы Государь... надо, чтобы Государь... вѣр... вѣррр... вѣрилъ... чтобы Государь вѣрилъ... надо, чтобы ми... мин... нистры... чтобы министры... отвѣтственны были... чтобы министры... отвѣтственны были...» Повидимому, это не было непроизвольнымъ «судорожнымъ воспоминаніемъ» (Erinnerungskrampf): больной производилъ такое впечатлѣніе, что онъ составляетъ фразы на мѣстѣ, при чемъ, въ силу внутренняго принужденія выразить вслухъ слагающееся въ умѣ его, долженъ усиленно иннервировать плохо подчиняющійся волѣ голосовой аппаратъ и съ большимъ напряженіемъ выжимать изъ себя слова; задержавшись на извѣстномъ слогѣ или словѣ, онъ, повтореніемъ той части слова или предложенія, которую ему уже удалось выговорить, какъ будто бы добивался возможности произнесть слѣдующіе стоящіе на очереди слога или слова.

Кстати сказать, эта насильственность вербигераціоннаго импульса обыкновенно живо чувствуется самими больными. Въ нашей больницѣ есть больной Купріяновъ, у котораго въ его теперешнемъ состояніи вторичнаго слабоумія осталась отъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ протекшей кататоніи наклонность вербигерировать; онъ прекрасно характеризуетъ непроизвольность своего говоренія, называя его «самопарлятина» или «самоговореніе». Языкъ его постоянно повторяетъ однѣ и тѣ же большею частію безсмысленныя фразы или вставляетъ во фразы со смысломъ стереотипныя слова, къ дѣлу вовсе не идущія. Даже желая попросить чего-нибудь, больной выражается не иначе какъ въ такой формѣ: «самоговореніе, самоговорю, пожалуйте... самоговореніе, самоговорю, пожалуйте... самоговореніе.. пожалуйте папиросу... Не для самокуренія... я самъ хочу курить... но самоговореніемъ... самовыговариваніемъ... я вамъ самоговорю... пожалуйте покурить...» и т. д.

Наконецъ, независимо отъ явленій кататоніи, характерная черта которой состоитъ въ судорожной напряженности мышцъ *), непроизвольное говореніе больныхъ наблюдается при разнаго рода состояніяхъ психическаго возбужденія. Но здѣсь, повидимому, недостаточно возбужденія въ сферѣ представленія, а требуется кромѣ того усиленная возбудимость кортикальной двигательной области рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, при острой идеофреніи, несмотря на высокую интенсивность бреда, несмотря на то, что отдѣльныя представленія пріобрѣтаютъ при этомъ особенно значительную напряженность, больной можетъ не только остаться молчащимъ, но и не чувствовать ни малѣйшаго импульса къ говоренію; въ этихъ случаяхъ возбужденіе сферы абстрактнаго представленія сопровождается лишь раздраженіемъ кортикальныхъ чувственныхъ сферъ, и въ результатѣ получается если не сплошное галлюцинированіе (наприм., слухомъ), то, по меньшей мѣрѣ, сплошное псевдогаллюцинированіе (чаще всего то и другое вмѣстѣ). Наоборотъ, маніаки, которые рѣшительно не въ состояніи удержать свой усиленно дѣйствующій языкъ, обыкновенно имѣютъ лишь эпизодическія галлюцинаціи или даже вовсе ихъ не имѣютъ **). Разумѣется, я не стану утверждать, что галлюцинанты непремѣнно должны быть нѣмы; но въ этомъ вопросѣ необходимо различать случаи, гдѣ говорливость есть результатъ распространенія возбужденія съ центра представленія на кортикальный центръ рѣчи, отъ тѣхъ случаевъ, гдѣ рѣчь есть цѣлесообразная реакція на галлюцинаціи и псевдогаллюцинаціи или гдѣ она бываетъ естественнымъ и произвольнымъ внѣшнимъ выраженіемъ для внутренней дѣятельности мышленія и чувственнаго представленія. Наблюденіе показываетъ, что сплошное галлюцинированіе (respect., псевдогаллюцинированіе) и непроизвольное иннервированіе двигательнаго центра рѣчи до извѣстной степени исключаютъ другъ друга. Такъ, при острой идеофреніи, во время періодовъ общей экзальтаціи явленія воз-

*) См. Kahlbaum. Klin. Abhandlungen. I. Die Katatonie. Berlin. 1874.— Brosius. Die Katatonie. Allgem. Zeitschr. f. Psychiatrie. XXXIII, pp. 770—802.—Rust. Ueber die Katatonie oder das Spannungs-Irresein. Inaugural. Dissert. 1879.

**) Ср. Meynert. Ueber allgem. Verrücktheit und was damit zusammenhängt. Wien. med. Blätter. 1880. №№ 20—25.—Th. Tiling. Kommt Manie als selbstständige Krankheitsform vor? Jahrb. f. Psychiatr. V. (1884) p. 160.

бужденія въ психомоторной сферѣ нерѣдко становятся очень рѣзкими; больные дѣлаются весьма подвижными, многорѣчивыми, при чемъ иногда принуждены говорить противъ своей воли; однако, такіе періоды обыкновенно не совпадаютъ съ періодами усиленнаго галлюцинированія, напротивъ, въ это время галлюцинаціи и псевдогаллюцинаціи или отходятъ на задній планъ или, по крайней мѣрѣ, прерываютъ свое сплошное теченіе.

Нижеслѣдующіе два эпизода изъ исторіи моего часто упоминаемаго больнаго Долинина могутъ служить примѣрами непроизвольнаго говоренія при остромъ (или подъостромъ) галлюцинаторномъ помѣшательствѣ.

Мы оставили больнаго Долинина въ то время, когда онъ попалъ въ загородное лѣчебное заведеніе. Больной рѣшилъ, что онъ находится снова въ тайномъ пытательномъ отдѣленіи, по обвиненію въ противозаконной попыткѣ водворить конституцію въ Китаѣ, державѣ, дружественной съ нашею... Когда прошелъ первый періодъ гнѣва и отчаянія, вызванныхъ сознаніемъ, что его заманили въ ловушку, Долининъ скоро научился до извѣстной степени сдерживаться; надо было думать о томъ, какъ бы перехитрить враговъ, и прежде всего нужно было стараться не высказываться, чтобы не давать матеріала для открытыхъ обвиненій и для открытаго суда надъ собою. Разумѣется, со стороны тайныхъ сыщиковъ и палачей (больные и прислуга частнаго заведенія) были пущены въ ходъ всевозможные пріемы, чтобы вывести Долинина изъ терпѣнія, ему на каждомъ шагу, подъ благовиднымъ предлогомъ лѣченія, устраивались насмѣшки и притѣсненія, изъ устъ окружающихъ ему постоянно слышались (галлюцинаціи слуха) оскорбительныя фразы, угрозы, предложенія окончить жизнь самоубійствомъ во избѣжаніе открытой казни и т. п. Но больной все еще не унывалъ и старался не терять внѣшняго вида спокойствія и хладнокровія, ибо съ одной стороны разсчитывалъ, что друзья его непремѣнно выручатъ, а съ другой стороны сталъ понимать, что хотя всѣ его мысли и открыты для его враговъ и палачей, послѣднимъ нельзя сдѣлать никакого открытаго употребленія изъ свѣдѣній, полученныхъ путемъ таинственнаго выслѣживанія мыслей... Весьма естественно, что, несмотря на крайнюю сдержанность и осторожность больнаго, бредъ его временами прорывался наружу, выражаясь не только въ его поступкахъ, но иногда и въ его рѣчахъ. Однако, эти словесныя сообщенія были не результатомъ насильственной иннерваціи аппарата рѣчи, а обыкновеннымъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренней дѣятельности представленія, бывшей здѣсь весьма напряженною. Объ этихъ проговариваніяхъ больному впослѣдствіи обыкновенно приходилось сожалѣть, но тѣмъ не менѣе онъ не ставилъ этого на счетъ своимъ преслѣдователямъ, а напротивъ сознавалъ, что онъ такъ

поступалъ и такъ говорилъ не машинально, но самъ собою. Но эпизодически у этого больнаго (обыкновенно человѣка молчаливаго) являлось и настоящее насильственное говореніе. Однажды, въ дни экзацербаціи болѣзни, Долининъ вдругъ почувствовалъ, что мысли его бѣгутъ съ необычайною быстротою, совершенно не подчиняются его волѣ и логически даже мало вяжутся между собою; для его непосредственнаго чувства казалось, какъ будто эти мысли извнѣ, съ большою быстротою, вгоняются въ его голову какою-то постороннею силою. Конечно, это было принято за одинъ изъ пріемовъ таинственныхъ враговъ и самъ по себѣ этотъ пріемъ не особенно удивилъ больнаго, такъ какъ подобное случалось ему испытывать и раньше. Но тутъ вдругъ Долининъ чувствуетъ, что языкъ его начинаетъ дѣйствовать не только помимо его воли, но даже наперекоръ ей, вслухъ и притомъ очень быстро, выбалтывая то, что никоимъ образомъ не должно было бы высказываться. Въ первый моментъ больнаго поразилъ изумленіемъ и страхомъ лишь самый фактъ такого необыкновеннаго явленія: вдругъ, съ полною осязательностью, почувствовать въ себѣ заведенную куклу—само по себѣ довольно непріятно. Но, разобравъ смыслъ того, что началъ болтать его языкъ, больной поразился еще большимъ ужасомъ, ибо оказалось, что онъ, Долининъ, открыто признавался въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, между прочимъ взводя на себя замыслы, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, воля оказалась безсильною задержать внезапно получившій автономію языкъ, и такъ какъ нужно было все-таки извернуться такъ, чтобы окружающіе естественнымъ путемъ (т.-е. своими наружными ушами) не могли ничего услыхать, то Долининъ поспѣшно ушелъ въ сортиръ, гдѣ, къ счастію его, на то время никого не было, и тамъ переждалъ пароксизмъ непроизвольнаго болтанія, усиливаясь по крайней мѣрѣ болтать не громко. Это было именно не столько говореніе, сколько, скорѣе, машинообразное болтаніе, нѣчто, напоминающее трескотню будильника, внезапно начавшаго трезвонить и слѣпо дѣйствующаго, пока не разовьется пружина. При этомъ «Я» больнаго находилось какъ бы въ положеніи сторонняго наблюдателя, разумѣется, насколько это было возможнымъ при аффективномъ состояніи, обусловленномъ чувствомъ необычайности и важности переживаемаго явленія.

Спустя нѣсколько дней то же явленіе насильственнаго говоренія повторилось, но уже не въ формѣ длительнаго пароксизма, но немногихъ короткихъ насильственно сказанныхъ фразъ. Мозгъ больнаго по прежнему плелъ прихотливые узоры бреда; между прочимъ, мысль больнаго, сидѣвшаго въ ту минуту въ отдѣльной комнатѣ передъ столомъ, обращается къ единомышленникамъ и друзьямъ. Вдругъ Долининъ видитъ псевдогаллюцинаторно одного изъ своихъ прежнихъ друзей, флотскаго офицера М.; псевдогаллюцинаторный зрительный образъ какъ бы со стороны надвигается на Долинина, чтобы слиться съ тѣломъ его и, непосред-

ственно вслѣдъ за такимъ сліяніемъ, языкъ Долинина, совершенно помимо воли послѣдняго, выговариваетъ двѣ энергически ободрительныя фразы какъ бы отъ посторонняго лица; при этомъ больной, изумленно ловя неожиданный смыслъ этихъ словъ, съ еще большимъ изумленіемъ замѣчаетъ, что это совсѣмъ не его голосъ, а именно сиплый, отрывисто-грубый и вообще весьма характерный голосъ суроваго моряка М. Черезъ немного мгновеній больному является тоже псевдогаллюцинаторно старикъ тайный совѣтникъ Х. Совершенно тѣмъ же манеромъ, какъ раньше образъ М., такъ и теперь образъ Х., надвинувшись со стороны на больнаго, какъ бы сливается съ тѣлеснымъ существомъ послѣдняго; Долининъ чувствуетъ, что онъ въ ту минуту становится какъ будто старикомъ Х. (который въ противоположность М. есть олицетворенная мягкость) и его языкъ выговариваетъ новую неожиданнаго смысла фразу, при чемъ съ большою точностью воспроизводятся голосъ и манера говорить, дѣйствительно свойственные Х. Послѣ этихъ явленій больной вполнѣ увѣровалъ, что друзья его бодрствуютъ надъ нимъ и найдутъ средства освободить его, такъ какъ, разъ они имѣютъ возможность таинственно вселяться въ него, то ихъ тѣлесное существованіе несомнѣнно должно быть тѣсно связано съ существованіемъ его. Во избѣжаніе недоразумѣній я долженъ прибавить, что въ этомъ второмъ эпизодѣ положительно не было слуховой иллюзіи: уши Долинина слышали слова, дѣйствительно выговаривавшіяся его же языкомъ и къ этому объективному слуховому воспріятію ничего не было прибавлено слуховою сферою субъективно. Здѣсь больной непроизвольно скопировалъ своимъ голосомъ голосъ и манеру говорить своихъ знакомыхъ и притомъ съ такимъ сходствомъ, что сознательно скопировать съ такою ловкостью онъ никакъ бы не могъ. Въ здоровомъ состояніи Долининъ совсѣмъ не отличается талантомъ подражательности.

Непроизвольное говореніе есть явленіе, весьма обыкновенное при истеріи; оно составляетъ, между прочимъ, одинъ изъ симптомовъ бѣсноватости. Извѣстно, что во время демонопатическихъ эпидемій XV — XVII вѣковъ, больные, независимо отъ своей воли и даже наперекоръ ей, говорили голосомъ и языкомъ, ни мало не похожимъ на ихъ обыкновенный голосъ и языкъ. Этого рода факты весьма способствовали утвержденію всеобщаго въ тѣ вѣка убѣжденія, что устами такихъ субъектовъ говоритъ вселившійся въ послѣднихъ дьяволъ. Въ примѣръ достаточно напомнить объ одной изъ Луденскихъ монахинь, сестрѣ Агнесѣ, бывшей, по общему мнѣнію, одержимою четырьмя бѣсами; однажды, будучи подвергнута заклинаніямъ въ присутствіи герцога Орлеанскаго, эта монахиня корчилась и богохульствовала подобно другимъ бѣсноватымъ и потомъ, успокоившись, объяснила герцогу, «что она не помнитъ всего, происшедшаго съ нею во время припадка, но вспоминаетъ, что изъ ея устъ исходили слова,

къ которымъ она же сама должна была прислушиваться такъ, какъ еслибы эти слова исходили отъ посторонняго лица» *).

Однако, въ большинствѣ случаевъ насильственной иннерваціи кортикальнаго центра рѣчи происходитъ говореніе не дѣйствительное, но лишь внутреннее. Будучи тѣсно связано съ насильственнымъ мышленіемъ, внутреннее говореніе больныхъ и фактически и теоретически противоположно съ внутреннимъ слышаніемъ больныхъ, т.-е. съ псевдогаллюцинаціями слуха; нельзя буквально въ одно и то же время внутренно говорить и внутренно слышать и клиническія наблюденія прямо показываютъ, что хотя оба эти явленія могутъ замѣчаться у одного и того же больнаго, но не иначе какъ въ разное время.

Внутреннее говореніе есть ничто иное, какъ чувство двигательной рѣчевой иннерваціи, имѣющее мѣстомъ своего возникновенія кортикальный центръ рѣчи. Дѣйствительнаго говоренія при этомъ не получается частію потому, что иннервированіе центра рѣчи здѣсь не имѣетъ достаточной силы, частію же потому, что оно уравновѣшивается одновременнымъ возбужденіемъ извѣстныхъ задерживающихъ центровъ, при чемъ эта задержка въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже находится въ зависимости отъ воли больныхъ.

Я уже имѣлъ случай говорить о нашемъ больномъ Перевалове, что этотъ хроникъ днемъ, между другими явленіями психической принужденности (навязчивыя представленія, псевдогаллюцинаціи зрѣнія и слуха) испытываетъ иногда независимую отъ его воли или даже прямо насильственную рѣчевую иннервацію, для подавленія которой онъ долженъ пускать въ дѣло произвольныя, иной разъ довольно значительныя усилія. Но когда больной находится въ состояніи полусна и его воля перестаетъ быть дѣятельною, эта насильственная рѣчевая иннервація въ самомъ дѣлѣ приводитъ въ дѣйствіе мышечный голосовой аппаратъ, такъ что больной дѣйствительно говоритъ во снѣ, самъ при этомъ, по причинѣ неполности сна, это чувствуя. Больной приписываетъ это явленіе продѣлкамъ своихъ преслѣдователей и называетъ этотъ пріемъ «добываніе моего говоренья».

Обыкновенно всякое мышленіе въ словахъ сопряжено съ болѣе или менѣе замѣтнымъ чувствомъ двигательной голосовой иннерваціи. Съ физіологической стороны слова суть ничто иное,

*) Calmeil. De la folie, II. Paris. 1845, p. 27.

какъ двигательныя представленія, имѣющія мѣстомъ своего происхожденія двигательныя области головно-мозговой коры *). Это иннерваціонное чувство будетъ вызвано какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда двигательный центръ рѣчи возбуждается вслѣдствіе внутренняго, автоматическаго раздраженія, такъ и тогда, когда онъ, какъ это бываетъ обыкновенно, возбуждается съ высшихъ центровъ мозговой коры, подъ вліяніемъ психической дѣятельности абстрактнаго представленія. При внутреннемъ говореніи больныхъ почти всегда существуетъ возбужденіе въ чисто интеллектуальной сферѣ, въ сферѣ сознательнаго и безсознательнаго представленія; но клиника показываетъ, что при этомъ необходима кромѣ того и повышенная возбудимость двигательнаго центра рѣчи; въ противномъ случаѣ чисто интеллектуальное движеніе (сознательное или безсознательное) легче рефлектируется на сенсоріальныя области коры, такъ что въ результатѣ получается не внутреннее говореніе, а живо чувственный бредъ и (если чувственные центры коры тоже находятся въ состояніи повышенной возбудимости) псевдогаллюцинаціи. Тотъ фактъ, что чувство двигательной иннерваціи при мышленіи словами иногда бываетъ у больныхъ, сравнительно съ нормою, чрезвычайно усиленнымъ, говоритъ именно въ пользу того, что для внутренняго говоренія весьма важно существованіе повышенной возбудимости въ двигательномъ кортикальномъ центрѣ рѣчи.

Мой больной Лашковъ одно время своей болѣзни былъ убѣжденъ, что невидимые шпіоны узнаютъ его мысли именно тѣмъ, что, посредствомъ особой машины, регистрируютъ тѣ «почти незамѣтныя движенія языка», которыя онъ, какъ ему казалось, невольно производилъ при думаніи въ словахъ; поэтому больной сталъ стараться думать такъ, чтобы не дѣлать при этомъ соотвѣтственныхъ движеній языкомъ, т.-е. старался думать безъ чувства двигательной иннерваціи въ языкѣ (которое въ данномъ случаѣ было, очевидно, повышеннымъ), что, однако, плохо ему удавалось. Можно бы сказать, что въ этомъ случаѣ больной имѣлъ галлюцинаціи (или, если угодно, псевдогаллюцинаціи) мышечнаго чувства въ языкѣ и губахъ, если бы усиленная голосовая иннервація не оказывалась въ основаніи нерѣдко наблюдающагося у больныхъ непроизвольнаго говоренія вслухъ.

---

*) Stricker. Studien über die Sprachvorstellungen. Wien. 1880, p. 15.

IX.

Говоря объ апперцептивныхъ галлюцинаціяхъ, Кальбаумъ *) отчасти затронулъ тѣ явленія, которыя нынѣ описываются мною подъ именемъ псевдогаллюцинацій. Апперцептивными галлюцинаціями онъ называетъ такія субъективныя воспріятія, «гдѣ ложное воспоминаніе съ характеромъ чувственности возникаетъ спонтанно, имѣя опредѣленное или неопредѣленное содержаніе». Отсюда видно прежде всего, что здѣсь имѣлись въ виду лишь воспоминанія (отсюда и терминъ Кальбаума «hallucinirte Erinnerungen»). Другое названіе, предложенное этимъ авторомъ для тѣхъ же самыхъ явленій, фанторемія, прямо указываетъ, что Кальбаумъ имѣлъ въ виду только слуховыя воспоминанія, такъ какъ rhema значитъ слово; и дѣйствительно, онъ говоритъ о такихъ случаяхъ, гдѣ созданный фантазіею фактъ лишь вслѣдствіе того реализируется или получаетъ опредѣленное содержаніе, что облекается въ слово. «Относящіяся сюда субъективныя явленія характера чувственности не имѣютъ, ихъ психическое содержаніе суть абстрактныя схемы, и чтобы они получили чувственно опредѣленный характеръ необходимо содѣйствіе органовъ, относительно болѣе периферическихъ» (l. c. p. 41). Эти слова, будучи сопоставлены со всѣмъ тѣмъ, что мною сказано о псевдогаллюцинаціяхъ, заставляютъ меня думать такъ: или этотъ авторъ говорилъ вовсе не о тѣхъ психопатологическихъ явленіяхъ, которыя имѣю теперь въ виду я, или же тогда, въ 1866 году, псевдогаллюцинаторныя явленія еще не были извѣстны во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ значеніи. Надѣюсь, что не будетъ здѣсь неумѣстнымъ остановиться на воззрѣніяхъ Кальбаума повнимательнѣе, насколько они близки къ предмету настоящаго этюда (послѣ Кальбаума и Гагена, сколько мнѣ извѣстно, по этимъ вопросамъ не было писано ничего замѣчательнаго).

Галлюцинированныя воспоминанія или фанторемія (также апперцептивныя галлюцинаціи), по Кальбауму, бываютъ или абстрактными, или конкретными. Если изъ числа приводимыхъ авторомъ по этому поводу примѣровъ оставить въ сторонѣ два случая возможныхъ галлюцинацій въ области осяза-

---

*) Die Sinnesdelirien. Allg. Zeitschr. f. Psychiatr. XXIII (1866).

тельныхъ воспріятій *), то вся остальная абстрактная фанторемія Кальбаума сводится къ тому, что больной нерѣдко жа-

*) Возможность настоящихъ галлюцинацій осязанія въ той формѣ и при тѣхъ условіяхъ, какъ въ упоминаемыхъ двухъ случаяхъ Кальбаума (l. c., p. 35), я не отвергаю, хотя и объясняю себѣ этого рода явленія иначе... Но, помимо этого здѣсь, кажется, нельзя упускать изъ виду слѣдующаго. Неопредѣленность (или непонятность для врача) тѣхъ выраженій, въ которыхъ больные высказываютъ свои субъективныя воспріятія, далеко не есть доказательство того, что эти воспріятія не имѣютъ опредѣленнаго (чувственнаго) содержанія. Больные обыкновенно не имѣютъ ни времени, ни охоты описывать переживаемое ими такъ, чтобы быть понятыми врачемъ; къ тому же испытываемое ими во время болѣзни, субъективно будучи въ высшей степени опредѣленнымъ, можетъ, даже при высокой интеллигенціи больныхъ, быть крайне трудно поддающимся описанію въ словахъ... Упоминаемые два случая Кальбаума (p. 35) изображены крайне коротко и безъ личнаго знакомства съ подобными явленіями (которыя, когда они суть галлюцинаціи, у меня всегда бываютъ чувственно конкретными, такъ что абстрактныхъ, лишенныхъ чувственнаго элемента, галлюцинацій я вовсе не знаю) я, можетъ быть, затруднился бы видѣть въ нихъ настоящую галлюцинацію, а скорѣе, одинаково съ моимъ нижеприводимымъ, на первый взглядъ съ ними совершенно однороднымъ примѣромъ, принялъ бы это просто за ложную идею. Одна больная Кальбаума, повидимому, отождествляла себя съ шитьемъ или пряжею („что ты меня прядешь?“), другая съ разливаемымъ супомъ („что вы меня разливаете?»), а мой больной Соломоновъ (какъ я узналъ послѣ его выздоровленія), находясь въ нашей больницѣ, одно время своей болѣзни мысленно отождествлялъ себя съ половикомъ, тянувшимся во всю длину больничнаго коридора. Получилось это такъ. На ночь служителя каждый разъ привязывали больнаго къ кушеткѣ, привинченной къ полу по срединѣ комнаты, и, оставивъ открытою дверь въ коридоръ для наблюденія за больнымъ, тотчасъ же послѣ того начинали закатывать съ другаго конца коридора половикъ, всегда оставляя образовавшійся свертокъ какъ разъ противъ двери въ комнату больнаго. Сначала больной понималъ это такъ: ему хотятъ показать, что онъ для людей теперь уже не человѣкъ, а все равно, что этотъ половикъ; и въ самомъ дѣлѣ, приходитъ вечеръ,—служителя должны раздѣть Соломонова и связать его, а половикъ закатать; приходитъ утро—половикъ надо выколотить и растянуть, а Соломонова развязать и одѣть. Впослѣдствіи больной невольно сталъ чувствовать, что между нимъ и половикомъ существуетъ какое-то странное соотношеніе. Отъ служителей и больныхъ, расхаживавшихъ днемъ по коридору, больной постоянно слышалъ (галлюцинаторно) бранныя слова и оскорбительныя замѣчанія, такъ что, по тогдашнему языку больнаго, „топча половикъ, они одновременно затаптывали въ грязь его лучшія чувства“ („что вы меня топчете?“ могъ бы воскликнуть этотъ больной). Къ подобнаго рода мысленнымъ сближеніямъ иногда подавали поводъ галлюцинаторные голоса, иногда же просто созвучія словъ; такой половикъ называютъ въ казармахъ „матъ“, а голоса иногда грозили больному: „вотъ погоди, ужъ зададимъ мы тебѣ матъ!“

луется, «будто бы мысли его вталкиваются въ него извнѣ, вытягиваются изъ него наружу, или фабрикуются для него посторонними лицами» (l. c., p. 44). Здѣсь, по моему мнѣнію, соединены въ одно случаи, которые правильнѣе раздѣлить по двумъ разнымъ категоріямъ.

a) Больному мысли «вгоняются извнѣ» или «мастерятся для него посторонними лицами». Эти жалобы суть слѣдствіе навязчивыхъ мыслей и навязчивыхъ псевдогаллюцинацій слуха; объ этомъ достаточно говорено мною въ главѣ VII. Навязчивыя мысли и навязчивыя субъективныя воспріятія слуха неизбѣжно являются для непосредственнаго сознанія больнаго элементомъ чуждымъ, входящимъ какъ бы извнѣ, и потому неудивительно, что больные, въ силу сознательнаго или безсознательнаго умозаключенія, видятъ причину этихъ фактовъ въ посторонней силѣ, обыкновенно въ силѣ таинственно дѣйствующихъ на нихъ другихъ людей.

b) У больнаго мысли «вытягиваются или выходятъ наружу», или всѣ мысли его «вычитываются» людьми, его окружающими или случайно приходящими съ нимъ въ соприкосновеніе. На это явленіе, которое, само по себѣ, разумѣется, не есть ни галлюцинація, ни псевдогаллюцинація, авторы до сихъ поръ мало обращали вниманія. Такъ, для Кальбаума это есть родъ абстрактной фантореміи, т.-е. такое неопредѣленное субъективное воспріятіе, которое получаетъ реальный видъ только тогда, когда облекается въ слово. Гагенъ же довольствуется тѣмъ, что относитъ подобныя заявленія больныхъ въ рубрику случаевъ, гдѣ ложная идея можетъ быть ошибочно принята врачемъ за галлюцинацію. Само собою разумѣется, высказывая убѣжденіе, что окружающіе узнаютъ его мысли при самомъ ихъ возникновеніи, больной высказываетъ ложную идею, но эта идея есть вовсе не первичное явленіе, а продуктъ безсознательнаго умозаключенія изъ громадной массы однозначущихъ конкретныхъ фактовъ, хотя бы и субъективныхъ; процессъ этого умозаключенія, совершающагося съ логическою необходимостью, самъ по себѣ совершенно правиленъ; что же касается до вывода, то онъ ложенъ только съ объективной точки зрѣнія и притомъ именно потому, что посылками для него служили такіе факты, которые, взятые объективно, суть ничто иное какъ обманъ. Въ основаніи разбираемаго явленія всегда лежатъ галлюцинаціи

слуха и потому-то упомянутыя жалобы врачамъ приходится слышать отъ больныхъ при всѣхъ формахъ идеофреніи или паранойи, гдѣ слуховыя галлюцинаціи идутъ сплошнымъ теченіемъ. Когда эти больные думаютъ про себя, они слышатъ своими внѣшними ушами, слышатъ вполнѣ объективно (на то это и галлюцинаціи), что чьи-то голоса гдѣ-нибудь въ сторонѣ произносятъ эти мысли вслухъ; когда они читаютъ про себя, то голоса со стороны, слово за словомъ, фразу за фразою читаютъ вслухъ вслѣдъ за ними... Это бы еще ничего, если бы тутъ дѣло ограничивалось однимъ регулярнымъ повтореніемъ вслухъ сознательныхъ мыслей больнаго, имъ самимъ внутренно формулируемыхъ въ словахъ, то больные сравнительно легко свыкались бы съ такимъ эхомъ. Изъ нѣсколькихъ точно прослѣженныхъ мною клиническихъ случаевъ я убѣдился, что обыкновенно «голоса» выговариваютъ мысли больнаго прежде, чѣмъ послѣдній успѣетъ внутренно облечь ихъ въ слова; кромѣ того, весьма часто больной слышитъ отъ «голосовъ» массу словъ и мыслей, которыя онъ совсѣмъ не можетъ признать своими (именно потому, что сознательно онъ такихъ мыслей никогда не имѣлъ), и которыя и содержаніемъ, и грамматическою формою убѣждаютъ больнаго въ томъ, что они исходятъ отъ постороннихъ интеллигентныхъ существъ. Эти таинственныя лица нерѣдко даютъ понять больному, что всѣ его мысли для нихъ открыты не только тѣмъ, что вслухъ повторяютъ ихъ: отъ времени до времени «голоса» дѣлаютъ совершенно неожиданныя для больнаго замѣчанія, изъ смысла которыхъ въ умѣ послѣдняго неизбѣжно должно послѣдовать заключеніе, что цѣлый рядъ его сознательныхъ мыслей не только настоящихъ, но и прежнихъ, несмотря на то, что онѣ до этого момента еще не оглашались «голосами», все же таки извѣстенъ невидимымъ персонамъ (неожиданнаго смысла отвѣты на мысли больнаго; многозначительныя приказанія; критика, и притомъ часто весьма мѣткая, какъ на мысли, такъ и на поступки больнаго). Изъ массы однозначущихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый, въ качествѣ непосредственно познанной истины представляетъ собою чувственную очевидность, логически неизбѣжно долженъ послѣдовать выводъ, и процессъ этого умозаключенія столь же мало зависитъ отъ воли больнаго, какъ мало зависитъ отъ нашей воли тотъ фактъ, что луна на горизонтѣ является намъ имѣющею значительно большую величину чѣмъ та же луна близъ своей кульминаціонной точки. Только что упомянутое физіологическое явленіе, при всей своей чувственной очевидности, есть тоже результатъ безсознательнаго умозаключенія съ нашей стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ также ничто иное какъ обманъ (въ данномъ случаѣ обманъ зрѣнія, тогда какъ въ первомъ случаѣ мы имѣемъ обманъ сознанія). И такъ, разбираемое психопатологическое явленіе вовсе не есть «фанторемія», и абстрактно оно ровно настолько, насколько абстрактно всякое умозаключеніе изъ множества конкретныхъ фактовъ.

Какъ слѣдствіе упомянутаго непроизвольнаго умозаключенія (облечется ли послѣднее въ словесную форму или нѣтъ— все равно), у больнаго возникаетъ и непрерывно поддерживается непріятное чувство внутренней раскрытости: больному нельзя сдѣлать ни малѣйшаго внутренняго движенія безъ того, чтобы не почувствовать, что всякое такое движеніе (мысль или чувство—одинаково) въ тотъ же моментъ становится открытымъ для другихъ людей. Въ первое время это чувство бываетъ въ высокой степени мучительнымъ, потому что въ сущности оно есть ничто иное какъ чувство глубочайшаго стыда. О положеніи больнаго, у котораго вдругъ всѣ мысли стали открытыми для окружающихъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе сравненіе съ положеніемъ стыдливой дѣвицы, съ которой, въ многолюдномъ собраніи, наприм., на балѣ, сразу, по необъяснимому для нея волшебству, спадаютъ всѣ одежды, и она остается, въ яркомъ свѣтѣ люстръ, подъ устремленными на нее взорами сотни глазъ блестяще разодѣтыхъ гостей, абсолютно нагою. Съ теченіемъ времени мучительность этого чувства ослабѣваетъ; однако, въ острыхъ и подъострыхъ формахъ идеофреніи больной не перестаетъ испытывать внутреннюю неловкость до тѣхъ поръ, пока не начнутъ ослабѣвать галлюцинаціи слуха. Въ хронической идеофреніи, гдѣ чувство внутренней открытости ни на одинъ день не покидаетъ больнаго иногда въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и здѣсь является своего рода привычка. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ хрониковъ ощущеніе нѣкоторой неловкости остается довольно долго. Въ зависимости отъ этого явленія у больныхъ иногда развивается, такъ сказать, вынужденная нравственная опрятность; они стараются содержать свой внутренній міръ въ такомъ благообразіи, чтобы нечего было стыдиться передъ по-

стоянно заглядывающею туда публикою, подобно тому, какъ многіе богатые буржуа держатъ въ порядкѣ и чистотѣ «парадныя» комнаты своего жилища только потому, что въ этихъ комнатахъ бываютъ принимаемы посторонніе люди.

Больной Пузин... (выписанъ изъ больницы здоровымъ), ощутивъ, что всѣ его мысли и чувствованія, до самыхъ мельчайшихъ, открыты окружающимъ, былъ настолько подавленъ мучительнымъ стыдомъ, что впродолженіи нѣсколькихъ недѣль безмолвно лежалъ на кровати, съ устремленными въ потолокъ или въ стѣну глазами, и напрягалъ всѣ силы, чтобы подавлять въ себѣ всякое внутреннее движеніе, мысленное и чувствовательное, стараясь, такимъ образомъ, превратить свое сознаніе въ tabula rasa. Понятно, что окружающимъ ничего не сообщалось изъ сознанія больнаго въ тѣ минуты, когда тамъ въ самомъ дѣлѣ ничего не было. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже на дорогѣ къ выздоровленію, когда путемъ рефлексіи онъ вполнѣ убѣдился въ субъективномъ происхожденіи «голосовъ», онъ еще не могъ отдѣлаться отъ непосредственнаго чувства, говорившаго ему, что мысли его передаются окружающимъ лицамъ (галлюцинаторно слышимыя фразы въ этотъ періодъ болѣзни чаще всего срывались, какъ казалось больному, съ устъ окружающихъ его людей). Въ особенности сильно ему приходилось стыдиться всякій разъ, когда у него случайно возникала какая-нибудь банальная идея или мимолетное нехорошее чувство, и это тѣмъ болѣе, что тогда съ устъ окружающихъ лицъ неизбѣжно срывались (галлюц. слуха), по адресу больнаго, нелестный эпитетъ, саркастическое замѣчаніе и т. п. По выздоровленіи Пуз... говорилъ, что чувство внутренней раскрытости было главною причиною того, что значительную часть своей болѣзни онъ имѣлъ видъ совершенной пришибленности.

Больной Лашковъ, по натурѣ большой резонеръ, напротивъ, сравнительно скоро пересталъ стыдиться передъ «штукарями въ простѣнкѣ», особенно, когда замѣтилъ, что они охотно говорятъ скабрезности. Свыкнувшись съ «голосами», онъ нерѣдко вступалъ съ ними въ разговоры о медицинѣ, о разныхъ житейскихъ предметахъ и т. д., дѣлая вопросы какъ мысленно, такъ и вслухъ и получая на нихъ (галлюцинаторно) отвѣты. Иногда онъ устраивалъ «штукарямъ» экзаменъ: «а, ну-те, скажите мнѣ, что я въ настоящую минуту думаю»? Тѣ отвѣчали большею частію вѣрно, хотя случалось имъ и ошибаться. «А докажите-ка теперь, что именно это, а не что нибудь другое я сейчасъ подумалъ», догадался однажды вопросить больной, и съ этой минуты понялъ, что хотя «тамъ» знаютъ его мысли, однако, не имѣютъ никакихъ уликъ противъ него, никакихъ доказательствъ, что такія-то мысли именно его. Поэтому, впослѣдствіи, поймавъ себя на какой-нибудь, по его мнѣнію, «дурацкой» или

черезчуръ игривой мысли, больной непремѣнно ставилъ эти мысли на счетъ «штукарямъ»; «это не мое, это ваше», говорилъ онъ.

Хроникъ Сокоревъ (и по сіе время въ нашей больницѣ), уже много лѣтъ страдающій галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями слуха, въ періоды ремиссій производитъ, на первый взглядъ, впечатлѣніе здравомыслящаго человѣка. Чувство внутренней открытости до сихъ поръ не оставляетъ его, однако, онъ теперь, повидимому, не очень тяготится имъ и даже не безъ нѣкотораго удовольствія разсказываетъ, что онъ «въ извѣстномъ смыслѣ такъ же прозраченъ, какъ будто бы былъ изъ стекла», или что онъ «въ нравственномъ отношеніи—то же, что въ физическомъ отношеніи—та сказочная царевна, у которой со стороны было видно, какъ у ней изъ жилочки въ жилочку кровь, изъ косточки въ косточку мозгъ переливаются». Постоянно питая въ себѣ (обыкновенно имъ скрываемый) бредъ величія, этотъ больной считаетъ себя занимающимъ исключительное положеніе въ человѣчествѣ, при чемъ точкою отправленія у него служитъ именно фактъ его внутренней для всѣхъ открытости.

Конкретная фанторемія (или галлюцинированныя воспоминанія въ собственномъ смыслѣ) характеризуется, по Кальбауму, тѣмъ, что «здѣсь никакъ нельзя быть свидѣтелемъ галлюцинаторнаго факта, потому что послѣдній всегда относится больнымъ во время, уже прошлое; между тѣмъ, въ указанный больнымъ моментъ изъ прошлаго у него дѣйствительной галлюцинаціи не было» (l. c., p. 38). «При ближайшемъ разсмотрѣніи относящихся сюда примѣровъ, продолжаетъ Кальбаумъ, оказывается, что тутъ имѣется какъ будто бы воспоминаніе о галлюцинаціи, испытанной прежде, однако, таковой галлюцинаціи, на самомъ дѣлѣ, повидимому, вовсе не было; я полагаю, что здѣсь намъ представляются случаи не воспоминанія о прежнихъ галлюцинаціяхъ, а именно галлюцинаторныхъ воспоминаній, галлюцинаторнаго процесса въ ходѣ самыхъ воспоминаній» (l. c., p. 41). Изъ единственнаго (и притомъ совсѣмъ не доказательнаго) случая *), приводимаго Кальбаумомъ въ примѣръ кон-

*) Кстати замѣтить, этотъ примѣръ выбранъ не особенно удачно и потому мало доказателенъ. При чтеніи этого примѣра для меня трудно освободиться отъ предположенія, что больная страдала одною изъ тѣхъ формъ первичнаго помѣшательства, которыя неразлучны съ галлюцинаціями слуха. Правда, авторъ говоритъ: „однако, мы не имѣли случая наблюдать у больной ни въ недавнемъ прошедшемъ, ни раньше галлюцинацій, а также и въ позднѣйшемъ теченіи болѣзни мы таковыхъ у нея не замѣчали“ (p. 38). Ссылаясь на говоренное мною выше о трудности констатированія галлюцинацій у нѣкоторыхъ

кретной фантореміи, собственно должно было бы слѣдовать, что фактъ созданный фантазіею больнаго одинаково можетъ заключаться какъ въ видѣніи того или другаго лица, такъ и въ слышаніи тѣхъ или другихъ словъ (p. 40). Но вслѣдъ за этимъ авторъ (p. 42) говоритъ: «въ приводимыхъ примѣрахъ (всѣ они относятся къ одному и тому же, неудачно избранному случаю) главная роль принадлежитъ слуховой сферѣ, такъ какъ здѣсь имѣются мнимыя слуховыя воспріятія съ опредѣленнымъ словеснымъ содержаніемъ», вслѣдствіе чего и находитъ, что этого рода галлюцинаторнымъ явленіямъ названіе «фанторемія» приличествуетъ больше чѣмъ названіе «галлюцинаціи воспоминанія».

Говоря о галлюцинаторныхъ воспоминаніяхъ Кальбаума, Гагенъ соглашается, что въ случаяхъ этого рода (куда, по его мнѣнію, относится также и часть несправедливыхъ жалобъ больныхъ на прислугу и вообще на окружающихъ) имѣются лишь ошибочныя воспоминанія, а вовсе не галлюцинаціи, испытанныя когда-то прежде. Однако, въ объясненіи явленія Гагенъ не слѣдуетъ Кальбауму, но видитъ тутъ родъ обмановъ воспоминанія, гдѣ воспоминаніе о фактахъ, созданныхъ фантазіею имѣетъ для сознанія значеніе, одинаковое съ воспоминаніями дѣйствительныхъ воспріятій; отсюда и возможность смѣшиванія больными этихъ двоякаго рода воспоминаній. «При этомъ мнимый фактъ принимается за дѣйствительный частію въ зависимости отъ того аффекта, который вызывается воспроизведеннымъ представленіемъ фантазіи, частію и потому, что мнимый фактъ выступаетъ въ воспоминаніи вообще рѣзче въ сравненіи съ воспоминаніями о дѣйствительныхъ фактахъ, такъ какъ отъ внѣшняго міра больной, всецѣло погруженный въ свои ложныя идеи, получаетъ лишь слабыя и смутныя впечатлѣнія» *).

несомнѣнныхъ галлюцинантовъ во время самой болѣзни, я полагаю, что въ этомъ случаѣ Кальбаума вовсе не исключена возможность разговора больной съ „голосами“. Мое недовѣріе здѣсь тѣмъ позволительнѣе, что самъ авторъ сообщаетъ относительно своей больной слѣдующее: „отъ самой больной нельзя было добиться точнаго объясненія относительно такихъ явленій, не было ли основаніемъ ихъ одной или нѣсколькихъ галлюцинацій; при расспросахъ по поводу ихъ она большею частію очень раздражалась и вообще уклонялась отъ подробныхъ объясненій, показывая, впрочемъ, полную убѣжденность въ дѣйствительности самихъ происшествій (p. 49).

*) Allgem. Zeitschr. f. Psychiatr. XXV, p. 24.

Что касается до меня, то изъ разсказовъ выздоровѣвшихъ больныхъ мнѣ пришлось познакомиться съ явленіями, которыя могутъ быть названы псевдогаллюцинаторными воспоминаніями. Я совсѣмъ не имѣю здѣсь въ виду ни тѣхъ случаевъ, гдѣ воспоминаніе о прежней псевдогаллюцинаціи бываетъ смѣшиваемо сознаніемъ съ воспоминаніемъ о дѣйствительномъ воспріятіи, ни тѣхъ, гдѣ отдѣльные чувственные образы воспоминанія становятся псевдогаллюцинаціями. Всѣ эти случаи клинически не представляютъ ничего особеннаго и, какъ мнѣ кажется, достаточно понятны послѣ всего сказаннаго въ этой работѣ о псевдогаллюцинаціяхъ вообще. Но въ томъ, что я ставлю въ параллель съ «галлюцинаторными воспоминаніями» Кальбаума, дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: какой-нибудь измышленный фактъ, т.-е. какое-нибудь представленіе, созданное фантазіею больнаго, мгновенно (въ моментъ своего перехода за порогъ сознанія) становится псевдогаллюцинаціею, зрительною или слуховою, и эта псевдогаллюцинація ошибочно принимается сознаніемъ больнаго за живое воспоминаніе дѣйствительнаго факта, совершившагося въ далекомъ или недавнемъ прошломъ. При этомъ характерныя черты псевдогаллюцинацій, именно, большая интенсивность и крайняя отчетливость чувственнаго представленія, его относительная независимость отъ воли больнаго, его навязчивость, являются для сознанія (безъ всякаго участія здѣсь рефлексіи) какъ бы доказательствомъ того, что этотъ внезапно вспомнившійся «дѣйствительный фактъ» представляетъ особо важное объективное значеніе. Такой псевдогаллюцинаторный продуктъ воображенія, въ ту же минуту (а не послѣ, въ воспоминаніи) смѣшиваемый съ воспоминаніями дѣйствительными или объективными, можетъ возникнуть или отдѣльно, или же неожиданно явиться въ ряду обыкновенныхъ дѣйствительныхъ воспоминаній; въ послѣднемъ случаѣ обманный характеръ явленія выраженъ всего рѣзче, потому что такое мнимое воспоминаніе не можетъ не имѣть для сознанія по крайней мѣрѣ такого же значенія, какъ и дѣйствительныя воспоминанія, съ которыми оно, если не прямо, то косвенно вяжется. Содержаніе псевдогаллюцинаторнаго представленія здѣсь почти всегда бываетъ тенденціознымъ или аффектирующимъ, имѣющимъ болѣе или менѣе тѣсное соотношеніе съ ложными идеями больнаго. Тѣмъ не менѣе,

обыкновенно эти мнимыя воспоминанія не вырабатываются произвольною и сознательною дѣятельностью фантазіи, но неожиданно возникаютъ изъ сферы безсознательнаго мышленія, служащей источникомъ для всѣхъ первично возникшихъ ложныхъ представленій. Изъ сказаннаго видно, что сущность того явленія, о которомъ теперь идетъ рѣчь, всего лучше опредѣляется терминомъ «псевдогаллюцинаторныя псевдовоспоминанія».

У моего больнаго, Соломонова, сознательная рефлексія и усердное обдумываніе связи и смысла всего, имъ переживаемаго, дало въ результатѣ стройное, весьма сложное и вычурное зданіе бреда, котораго, впрочемъ, нѣтъ надобности здѣсь подробно описывать. Больному нужно было связать въ одно логическое цѣлое слѣдующіе главные факты: открытость его мыслей для окружающихъ, муку отъ субъективныхъ ощущеній осязанія и общаго чувства, разнородный и, частію, странный смыслъ прямыхъ фразъ, будто бы обращаемыхъ къ нему окружающими, разнообразныя изреченія «голосовъ» (называвшихъ его иногда то «демономъ» и «Люциферомъ», то «Богомъ» и «Христомъ»). Въ постепенномъ развитіи бреда различнаго рода псевдогаллюцинаціи тоже играли весьма значительную роль; въ частности, значеніе псевдогаллюцинаторныхъ воспоминаній въ развитіи и укрѣпленіи бреда будетъ видно изъ нижеприводимыхъ двухъ эпизодовъ субъективной исторіи больнаго (съ объективной стороны больной въ то время являлся безучастнымъ къ окружающему, былъ, очевидно, погруженъ въ свои мысли, мало ѣлъ, почти совсѣмъ не говорилъ, но несмотря на свою тихость требовалъ усиленнаго надзора, ибо обнаруживалъ наклонность къ самотерзанію и стремленіе къ самоубійству).

Больной отлично помнилъ, съ какого момента начался мистеріозный періодъ его существованія; это былъ день начала сплошнаго галлюцинированія слухомъ, день, въ который онъ впервые почувствовалъ, что всѣ его мысли открыты для окружающихъ. До этой минуты больной считалъ себя такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ люди, послѣ нея онъ долженъ былъ признать себя лицемъ исключительнымъ. Но тогда невозможно, разсудилъ больной, чтобы и въ прежней его жизни не нашлось никакихъ намековъ на будущій, таинственный второй періодъ. И вотъ больной началъ въ своемъ воспоминаніи внимательно перебирать всю свою жизнь, начиная съ того времени, какъ онъ сталъ себя помнить. Въ воспроизводившихся въ памяти сценахъ и событіяхъ сначала не оказывалось ничего необыкновеннаго (потому что въ рядѣ смѣнявшихся чувственныхъ, почти исключительно зрительныхъ, образовъ воспоминанія вставало лишь дѣйствительно пережитое)... Но... вотъ, ему припоминается, сначала смутно... что-то такое странное и таинственное... Вотъ, вотъ... О, Боже, и какъ

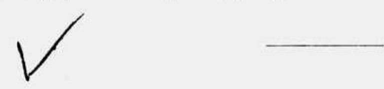
онъ только могъ позабыть это!.. Вѣдь именно такъ, до мельчайшихъ подробностей такъ было въ дѣйствительности, какъ это теперь сразу ожило съ такою необычайною яркостью и странною неотступностью. Въ своемъ внутреннемъ видѣніи Соломоновъ вдругъ видитъ большую залу стараго отцовскаго дома; онъ самъ, тогда девятилѣтній мальчикъ, сидитъ за желтымъ ясеневымъ угловымъ столомъ, держа передъ собою раскрытую большую книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками; недалеко отъ стола сидитъ, у окна, мать, нагнувшись надъ вышиваніемъ; на заднемъ планѣ картины стоитъ отецъ, опершись рукою на спинку кресла... Но какъ странна та книга, которую читалъ тогда Соломоновъ; она напечатана какими-то особенными литерами и украшена разными символическими рисунками... На той страницѣ, на которой тогда эта книга была раскрыта передъ Соломоновымъ, рѣчь шла объ «антихристѣ», о томъ, что на немъ съ дѣтства должна лежать «печать», заключающаяся въ трехъ знакахъ (помимо описанія въ текстѣ, эти знаки—скошенный глазъ, оконечность копья, лучистая звѣзда—были изображены въ книгѣ, каждый въ отдѣльности, въ видѣ рисунковъ и эти псевдовспомненные рисунки съ особенною живостью видны теперь больному въ его внутреннемъ зрѣніи): антихристъ долженъ имѣть правый глазъ косымъ, на срединѣ лба онъ долженъ носить образъ копья, а на лѣвой сторонѣ груди—образъ звѣзды... Однако, онъ, Соломоновъ, плохо тогда понималъ читаемое и потому, повернувшись къ отцу, хотѣлъ попросить у него разъясненія, но въ этотъ моментъ замѣтилъ, что послѣдній смотритъ на него съ выраженіемъ напряженнаго любопытства на лицѣ... Но тутъ мать, вставъ съ мѣста, подошла къ нему, и закрывъ передъ нимъ книгу, обняла со словами «бѣдный, ты со временемъ поймешь все, что тутъ писано!»... О, какое болѣзненное выраженіе было на лицѣ матери въ эту минуту!.. Дальше все заволакивается туманомъ забвенія... правда, снова встаютъ въ воспоминаніи отдѣльныя картины дѣтства, но уже не такія, въ нихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго... Но какъ можно было Соломонову до этой минуты во всю свою жизнь ни разу не вспомнить о таинственной книгѣ (должно быть, я стащилъ ее изъ библіотеки дѣдушки, думаетъ больной; у него была масса старинныхъ книгъ, въ томъ числѣ и церковныя)... Какъ она называлась? Трудно вспомнить... Понятно, что изображенная сцена была ничѣмъ инымъ какъ продуктомъ безсознательнаго творчества фантазіи больнаго; это однакоже не исключаетъ возможности того, что псевдогаллюцинаторная фантазія имѣла своимъ основаніемъ какое-нибудь дѣйствительное воспоминаніе. Со времени этого псевдогаллюцинаторнаго псевдовоспоминанія больной рѣшительно сталъ видѣть въ себѣ лице съ дѣтства обреченное на мистеріозную роль «антихриста». Непоколебимость такого убѣжденія обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Соломоновъ нашелъ на себѣ три вышеупомянутыхъ знака «антихристовой печати»; дѣй-

ствительно, правый глазъ у Соломонова нѣсколько коситъ (strabismus convergens), на лбу Соломонова находится косвенно расположенный линейный рубецъ, длиною около 1 сантиметра (вѣроятно отъ паденія въ дѣтствѣ, впрочемъ, происхожденіе этого рубца Соломоновъ не помнитъ), а соотвѣтственно срединѣ лѣваго m. pectoralis majoris находится рубецъ неправильной формы, величиною въ 15-копѣечную монету (отъ бывшаго здѣсь на 12 г. жизни Соломонова холоднаго абсцесса).

Но больной велъ дальше рядъ своихъ воспоминаній; онъ провелъ въ своей памяти годы корпуснаго ученья, армейской службы и не нашелъ ничего необычайнаго въ своихъ воспоминаніяхъ вплоть до 23-лѣтняго возраста т.е. до того времени, когда онъ, оставивъ военную службу, собирался уѣхать изъ Р. въ Харьковъ, чтобы поступить тамъ въ университетъ. Въ одинъ прекрасный день онъ, съ веселымъ духомъ и блестящими надеждами на будущее, дѣлалъ въ Р. прощальные визиты и уже позднимъ вечеромъ столкнулся на улицѣ съ своимъ пріятелемъ Тр... Недалеко былъ трактиръ подъ вывѣскою «Берлинъ», гдѣ имъ неоднократно случалось заканчивать вечеръ, поэтому и въ этотъ разъ пріятели направились туда, чтобы распить тамъ бутылку, двѣ Бордо и вдоволь наговориться передъ разлукою... За дружескою бесѣдою они засидѣлись въ «Берлинѣ» далеко за полночь; было много говорено, достаточно выпито, по крайней мѣрѣ Тр... видимо охмѣлѣлъ... Казалось бы ничего особеннаго не случилось: пріятели разошлись въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа; больной даже отлично припоминаетъ, какъ возвращаясь домой по опустѣвшимъ улицамъ пѣшкомъ, онъ превесело насвистывалъ мотивъ изъ «madame Angot»... Тѣмъ не менѣе, въ «Берлинѣ», какъ теперь только вспомнилось Сол., произошелъ маленькій пассажъ, странность котораго тогда же удивила его... но онъ тогда оставилъ безъ вниманія этотъ случай, вѣроятно, приписавъ его нетрезвому состоянію своего собесѣдника, и потомъ забылъ и до сей минуты ни разу не вспоминалъ. Среди разговора о самыхъ разнообразныхъ и нимало не таинственныхъ вещахъ Тр... вдругъ замолкъ и, опустивъ голову на скрещенныя на столѣ руки, какъ бы задремалъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ поднялъ голову: лице его, какъ теперь съ поразительною ясностью видитъ Соломоновъ (здѣсь начинается псевдогаллюцинаторное псевдовоспоминаніе), совершенно преобразилось, получивъ печать какой-то вдохновенности; неожиданно Тр.. трагично произноситъ знаменательныя слова: «Соломоновъ, ты вспомнишь обо мнѣ, когда будешь всенародно проклинаемъ на Исакіевской площади»—и снова опускаетъ голову... Удивительно какъ онъ, Соломоновъ, не потребовалъ тогда отъ Тр... объясненія... И что всего страннѣе, вѣдь предсказаніе Тр... сбылось: онъ, Соломоновъ, слышалъ (галлюцинаторно) отъ народа себѣ проклятія и ругательства не только на Исакіевской площади, но и въ другихъ мѣстахъ города, слышитъ ихъ въ настоящую минуту и здѣсь, въ этой тюрьмѣ, относительно которой его увѣряли, что это больница св. Николая Чудотворца... Описанный пассажъ, какъ само собою разумѣется, никогда не имѣлъ мѣста въ дѣйствительности; это было ничто иное, какъ псевдогаллюцинаторный продуктъ безсознательнаго творчества больнаго, внезапно вмѣшавшійся въ рядъ его объективныхъ воспоминаній. Въ какой степени былъ интенсивенъ обманный характеръ этого мнимаго воспоминанія, видно изъ слѣдующаго. Будучи выписанъ изъ больницы какъ здоровый, вполнѣ сознавъ нелѣпость прежнихъ ложныхъ идей, которыя значительнѣйшею своею частью уже успѣли позабыться, вполнѣ переставъ галлюцинировать слухомъ, Соломоновъ долгое время чувствовалъ себя еще неловко, потому что ему часто вспоминался трактиръ «Берлинъ» и Тр... съ его тогдашнимъ «вдохновеннымъ» выраженіемъ лица и странною фразою; Соломоновъ (все это больной мнѣ послѣ объяснилъ, потому что не прошло и двухъ лѣтъ, какъ онъ, заболѣвъ вновь, опять попалъ въ больницу св. Николая Чудотворца) не ощущалъ въ своей душѣ увѣренности, что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности, несмотря на всѣ свои старанія убѣдить себя, что этотъ пассажъ—ничто иное, какъ его же собственная больная выдумка...

Псевдогаллюцинаторныхъ псевдовоспоминаній Соломоновъ, во время своей первой болѣзни, имѣлъ нѣсколько, но я не буду всѣхъ ихъ приводить здѣсь, иначе пришлось бы занять ими слишкомъ много мѣста. Разсказывая мнѣ о нихъ выздоравливавшій больной пояснилъ мнѣ возникновеніе псевдогаллюцинаторныхъ воспоминаній слѣдующимъ сравненіемъ: «это—какъ въ театрѣ; когда на сценѣ темно, то зрителю не видно, что представляетъ собою задній планъ ея, развѣ только въ общихъ чертахъ можно объ этомъ догадываться; но вотъ, пускаютъ яркій огонь въ люстрахъ зрительной залы, въ рампѣ и въ кулисахъ,—и тогда моментально является передъ очами зрителя живописная мѣстность, замокъ на скалѣ и проч. со всѣми мельчайшими подробностями». На вопросы, поставленные мною для уясненія состоянія сознанія за это время, Соломоновъ объяснилъ, что онъ тогда совсѣмъ не былъ отрѣшенъ отъ своей реальной обстановки, хотя, разумѣется, будучи занятъ своими воспоминаніями, не обращалъ на нее вниманія. Что это не были настоящія галлюцинаціи, видно изъ того, что чувственныя представленія здѣсь не имѣли характера объективности и для сознанія больнаго являлись ничѣмъ инымъ, какъ именно воспоминаніемъ изъ прошлаго. Тѣмъ не менѣе, больной тогда же замѣтилъ, что по живости и отчетливости, а отчасти (какъ видно изъ дальнѣйшихъ его объясненій) и по отношенію къ нимъ сознанія, это были воспоминанія совсѣмъ особенныя и необыкновенныя. Такъ какъ всѣ подобнаго рода субъективныя воспріятія крѣпко запечатлѣлись въ памяти больнаго, то многократно вспоминая ихъ впослѣдствіи, Соломоновъ, еще будучи больнымъ, объяснялъ себѣ отличіе этихъ странныхъ воспоминаній отъ воспоминаній

обыкновенныхъ такъ: событія таинственныя при обыкновенномъ состояніи человѣка не находятъ въ послѣднемъ полнаго себѣ пониманія, а потому тотчасъ же забываются; для того, чтобы потомъ живо ихъ вспомнить и надлежащимъ образомъ понять необходимо придти въ извѣстную степень экстаза, такъ какъ при этомъ, вмѣстѣ со способностью усиленнаго внутренняго видѣнія, пріобрѣтается способность понимать необычайное.

X.

Покончивъ съ фактическою стороною вопроса о псевдогаллюцинаціяхъ, я не могу не заняться теоретическими соображеніями, разумѣется, настолько, насколько послѣднія или неизбѣжно слѣдуютъ изъ фактовъ, или, по крайней мѣрѣ, оправдываются ими. Теоретическая обработка имѣющагося эмпирическаго матеріала здѣсь, какъ и вездѣ, я полагаю, не лишня.

Самонаблюденіе показываетъ, что существуетъ три рода субъективныхъ чувственныхъ воспріятій: a) обыкновенные образы воспоминанія и фантазіи; b) псевдогаллюцинаціи и c) галлюцинаціи.

Спрашивается, чѣмъ различаются другъ отъ друга эти три рода субъективныхъ чувственныхъ явленій съ теоретической стороны и (такъ какъ субстратъ всей нашей душевной дѣятельности есть головной мозгъ) гдѣ именно въ головномъ мозгѣ мы должны искать исходную точку этихъ явленій.

Изъ сообщеній выздоровѣвшихъ галлюцинантовъ я убѣдился, что при незатемненномъ сознаніи галлюцинаціи всегда остаются цѣлою бездною отдѣленными какъ отъ обыкновенныхъ воспроизведенныхъ представленій, такъ даже и отъ псевдогаллюцинацій. Въ сознаніи больнаго, неотрѣшеннаго отъ реальнаго внѣшняго міра, совершенно невозможно смѣшиваніе галлюцинаторныхъ фактовъ съ псевдогаллюцинаторными. Такъ какъ изъ всей фактической части моей работы видно, что псевдогаллюцинаціи во всякомъ случаѣ несравненно ближе къ воспроизведеннымъ чувственнымъ представленіямъ, чѣмъ къ галлюцинаціямъ, то займемся прежде всего выясненіемъ характерныхъ чертъ галлюцинаторнаго воспріятія и различіемъ между галлюцинаціями и чувственными образами воспоминанія и фантазіи.

Подъ именемъ галлюцинацій я разумѣю такія состоянія сознанія, которыя или совершенно равнозначущи съ нормальными объективными чувственными воспріятіями, или, при отсутствіи послѣднихъ, въ состояніи замѣнить ихъ собою. Псевдогаллюцинація же, при ненарушенномъ воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній, настолько же далека отъ галлюцинаціи, насколько (независимо отъ различій въ интенсивности) вообще представленіе воспоминанія или фантазіи далеко отъ непосредственнаго воспріятія.

Въ чемъ же заключается различіе между объективнымъ воспріятіемъ и воспроизведеннымъ чувственнымъ представленіемъ? Количественная ли здѣсь разница, или, кромѣ того, и качественная?—Вопросъ этотъ весьма старъ; однако, несмотря на то, что онъ обсуждался въ литературѣ безчисленное множество разъ, на него до сихъ поръ даются рѣшенія, совершенно различныя. Такъ какъ это вопросъ чисто психологическій, то посмотримъ, какъ его рѣшаютъ виднѣйшіе представители современной психологіи.

По Вундту, объективныя воспріятія характеризуются тѣмъ, что причина ихъ всегда заключается въ периферическомъ раздраженіи нашихъ органовъ чувствъ, тогда какъ всѣ фантазмы, т.-е. галлюцинаціи, сновидѣнія и обыкновенные образы воспоминанія, зависятъ отъ процессовъ раздраженія въ центральныхъ чувственныхъ областяхъ *). Галлюцинаціи, по этому автору, суть воспроизведенныя представленія и отличаются отъ нормальныхъ образовъ воспоминанія только большею интенсивностью **).

Если обратимся къ Горвицу, то снова найдемъ, что воспоминаніе отличается отъ объективнаго воспріятія лишь степенью явственности и рѣзкости и что галлюцинація есть ничто иное, какъ воспроизведенное представленіе, которое, вслѣдствіе увеличенія интенсивности, сравнялось по живости и отчетливости съ объективнымъ воспріятіемъ. Сравнивая непосредственное чувственное воспріятіе съ воспоминаніемъ, этотъ психологъ

*) W. Wundt. Grundzüge der physiol. Psychologie. 2-te Aufl. Leipzig. 1880. II. p. 2. — Вундтъ. Основанія физіол. психологіи, перев. Викт. Кандинскаго; Москва. 1880—81; p. 531.

**) Wundt, l. c. II. p. 353; русскій перев. p. 902.

приходитъ къ заключенію, что, независимо отъ гипотетической качественной разницы, безъ сомнѣнія, самой минимальной (и разницы въ интенсивности, которая несущественна), воспоминаніе по существу своему совершенно одинаково съ объективнымъ воспріятіемъ или съ ощущеніемъ; единственный отличительный признакъ здѣсь есть тотъ, который указанъ Фехнеромъ *), именно рецептивность или независимость отъ нашей воли: ощущеніе отличается отъ воспоминанія только тѣмъ, что здѣсь мы не въ состояніи, по нашему произволу, отстранить отъ себя чувственное представленіе или измѣнить его **).

Можно выставить очень многое противъ мнѣнія, что галлюцинація есть не болѣе какъ очень интенсивный образъ воспоминанія или фантазіи.

a) Такое воззрѣніе нимало не объясняетъ намъ реальнаго или объективнаго характера галлюцинацій, не объясняетъ, почему галлюцинаторное воспріятіе имѣетъ для сознанія значеніе, одинаковое съ значеніемъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія, тогда какъ образы воспоминанія и фантазіи при нормальномъ состояніи сознанія ничуть не рискуютъ быть смѣшанными съ дѣйствительными воспріятіями. Если взвѣсить этотъ доводъ, то уже a priori можно сказать, что здѣсь существуетъ различіе болѣе существенное, чѣмъ одна только разница въ интенсивности.

b) Субъекты съ весьма слабою способностью чувственнаго воспроизведенія способны галлюцинировать ничуть не меньше людей, одаренныхъ богатою фантазіею. «Напрягая свою фантазію, здоровый человѣкъ получитъ лишь весьма отчетливыя чувственныя представленія, но какъ бы онъ ни старался, онъ не вызоветъ у себя галлюцинацій» ***). Иначе всѣ великіе живописцы и музыканты, т.-е. вообще люди съ мощною фантазіею, непремѣнно должны были бы быть галлюцинантами.

c) Вліяніе на содержаніе галлюцинацій сознательныхъ воспоминаній больнаго и его ложныхъ идей во многихъ случаяхъ чрезвычайно ничтожно. Даже у галлюцинантовъ образы, произвольно созданные фантазіею, далеко не всегда могутъ превращаться въ галлюцинаціи *).

*) Fechner. Elemente der Psychophysik. Leipzig. 1860. II. p. 515.

**) Horwicz. Psycholog. Analysen. Erster. Theil. Halle. 1872. pp. 297—307.

***) Hagen. Die Sinnestäuschungen. Leipzig. 1837. p. 211.

Одинъ изъ моихъ больныхъ, будучи одно время безпокоимъ галлюцинаціями зрѣнія, не особенно пріятнаго содержанія, но не имѣвшими непосредственнаго отношенія къ его сознательнымъ представленіямъ, respect., къ его ложнымъ идеямъ, рѣшилъ однажды, что если уже видѣть вещи, въ дѣйствительности не существующія (онъ сознавалъ тогда субъективное происхожденіе галлюцинаторныхъ образовъ зрѣнія, что, разумѣется, не мѣшало послѣднимъ сохранять свой характеръ объективности, для галлюцинацій же слуха онъ искалъ тогда объективныхъ причинъ), то пріятнѣе было бы видѣть около себя людей, хорошо знакомыхъ и близкихъ; поэтому, онъ нарочно старался вообразить около себя двоихъ изъ своихъ друзей, находившихся въ то время весьма далеко отъ него; однако, эти

*) Victor Kandinsky. Zur. Lehre von den Hallucinationen. Arch. f. Psychiatrie. Bd. XI. Heft 2.—Медицинское Обозрѣніе, 1880 г. Іюнь.—Значительный запасъ наблюденій, собранныхъ мною позже, въ существенныхъ чертахъ подтверждаетъ всѣ выводы, сдѣланные мною въ только что цитированной бѣглой замѣткѣ. Прибавлю, что въ послѣдней я не указывалъ разницы между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями не потому, чтобы тогда еще не сознавалъ этого различія, а просто потому, что въ короткомъ предварительномъ сообщеніи не находилъ возможнымъ провести это различеніе надлежащимъ образомъ; кромѣ того, еще не чувствуя тогда себя достаточно вооруженнымъ, чтобы открыть кампанію на собственный страхъ, я предпочелъ присоединиться къ тому изъ существующихъ воззрѣній, подъ которое факты, мною замѣченные, казались мнѣ тогда наиболѣе подходящими.

Г. В. Зандеръ (Eulenburg's Real-Encyclopädie, XII, p. 538) пишетъ: „Кандинскій (сказавъ, что галлюцинаціи не имѣютъ вовсе постоянной связи съ воспоминаніями) упускаетъ изъ виду при этомъ, что очень большая часть переходовъ мыслей отъ одной къ другой совершается безсознательно и поэтому часто какое-нибудь представленіе появляется, повидимому, безъ непосредственной связи съ другими“. Я не только этого не упустилъ изъ виду, но именно и хотѣлъ фактами показать, что въ основаніи галлюцинацій часто бываютъ безсознательно появляющіяся представленія, не имѣющія никакого логическаго соотношенія съ мыслями и чувственными представленіями, движущимися въ сознаніи. Конечно, эти факты не благопріятствуютъ той теоріи, по которой проэцированіе представленій наружу зависитъ отъ степени интенсивности послѣднихъ, ибо тогда дѣйствительно становится непонятнымъ, почему „проэцируются наружу“ представленія, остающіяся, вслѣдствіе своей малой интенсивности, подъ порогомъ сознанія, напротивъ, сознательныя мысли и живые (вслѣдствіе болѣзни чрезвычайно въ интенсивности своей усиленные) образы воспоминанія и фантазіи въ галлюцинаціи не превращаются.

зрительныя воспоминанія галлюцинанта, несмотря на содѣйствіе сознательныхъ усилій со стороны послѣдняго, не сдѣлались галлюцинаціями.

Весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи и примѣръ Долинина, съ дѣтства отличавшагося сильно развитымъ воображеніемъ. Еще до болѣзни зрительные образы воспоминанія у него были весьма отчетливы и живы. Во время его довольно продолжительнаго галлюцинаторнаго сумасшествія (въ особенности въ теченіи перваго, болѣе остраго, періода болѣзни) способность чувственнаго представленія по отношенію къ интенсивности возрасла у него до крайности: сомнительно, чтобы у пресловутаго Вигановскаго живописца эта способность была сильнѣе. Однако, и въ это время между до чрезвычайности интенсивными чувственными образами Долинина съ одной стороны, и его объективными воспріятіями и галлюцинаціями съ другой стороны, остается цѣлая бездна. Даже въ періоды дѣйствительнаго галлюцинированія зрѣніемъ зрительные образы воспоминанія и фантазіи у этого больнаго не только рѣзко отдѣлялись отъ галлюцинацій, но и не трансформировались въ послѣднія при отсутствіи постороннихъ моментовъ, необходимыхъ для такой трансформаціи.

d) Наконецъ, самый фактъ существованія псевдогаллюцинацій въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ мною здѣсь описываются, становится въ рѣшительное противорѣчіе съ тѣмъ понятіемъ о сущности галлюцинацій, которое пытались установить Лелю, Вундтъ и Горвицъ. Псевдогаллюцинаціи душевно-больныхъ суть ничто иное, какъ патологическая разновидность образовъ воспоминанія и фантазіи; онѣ суть воспроизведенныя чувственныя представленія, но только до крайности отчетливыя и, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно интенсивныя. И тѣмъ не менѣе, живѣйшая псевдогаллюцинація сама по себѣ все-таки не есть галлюцинація. Съ другой стороны, несомнѣнно, что галлюцинаціи, не переставая быть таковыми, могутъ быть весьма блѣдными, чувственно (наприм., по отношенію къ очертаніямъ и раскраскѣ образовъ, если будемъ имѣть въ виду лишь галлюцинаціи зрѣнія) крайне неопредѣленными.

Прибѣгнувъ къ примѣрамъ, я попытаюсь сдѣлать понятнымъ, что объективный характеръ образовъ при галлюцинаціяхъ и при непосредственныхъ чувственныхъ воспріятіяхъ вовсе не есть функція высокой интенсивности представленія. Читатель, конечно, знаетъ, что существуютъ престидижитаторы, сражающіеся на сценѣ передъ публикою съ призраками. Это устраивается такъ: сцена, во всю свою ширину и высоту, отдѣлена отъ зрительной залы стекломъ, наклоненнымъ къ зрителямъ подъ

надлежащимъ угломъ, такъ что послѣдніе сквозь стекло видятъ фокусника, находящагося на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ помѣщающійся рядомъ съ нимъ призракъ, который есть ничто иное какъ отраженіе въ стеклѣ актера, скрытаго подъ поломъ передняго плана сцены. При соотвѣтственномъ освѣщеніи актера, скрытаго подъ сценою, зрители увидятъ на сценѣ призракъ, совершенно прозрачный, съ очень блѣдными красками и неясными очертаніями. Тѣмъ не менѣе, такой блѣдный призракъ будетъ имѣть въ воспріятіи зрителей совершенно тотъ же характеръ объективности, какъ и образъ самого престидижитатора, видимаго публикою съ полною ясностью.

И такъ, въ данномъ случаѣ громадное различіе въ живости и отчетливости двухъ зрительныхъ воспріятій не мѣшаетъ имъ обоимъ быть въ одинаковой степени объективными. Блѣдная галлюцинація есть для воспріемлющаго сознанія совершенно то же самое, что для сознанія зрителей описанный блѣдный призракъ на сценѣ.

А вотъ и другой примѣръ, тоже показывающій, что разница въ интенсивности и отчетливости не имѣетъ существеннаго значенія для различенія субъективныхъ и объективныхъ чувственныхъ воспріятій. Взглянувъ на свое отраженіе въ зеркалѣ и отвернувшись затѣмъ, я могу вызвать въ моемъ сознаніи весьма живой, по очертаніямъ и краскамъ весьма отчетливый «послѣдовательный образъ воспоминанія» (Фехнеровскій терминъ: Erinnerungsnachbild) моего лица. Находясь вечеромъ въ моемъ освѣщенномъ кабинетѣ и приблизивъ свое лице къ выходящему на темную улицу окну, я вижу, вслѣдствіе отраженія въ стеклѣ, смутный, весьма мало опредѣленный образъ моего лица. Второй изъ этихъ образовъ несравненно менѣе интенсивенъ, чѣмъ первый, но онъ имѣетъ характеръ объективности и есть результатъ непосредственнаго зрительнаго воспріятія. Напротивъ, послѣдовательный образъ воспоминанія, гораздо болѣе интенсивный и отчетливый, характера объективности не представляетъ и есть ничто иное какъ живая зрительная репродукція.

И такъ, воззрѣніе Вундта и Горвица оказывается несоотвѣтствующимъ фактамъ. Но можетъ быть для различенія субъективныхъ и объективныхъ чувственныхъ воспріятій намъ служитъ исключительно тотъ факторъ, который указанъ Фехнеромъ, именно «рецептивность». Изученіе псевдогаллюцинаторныхъ явленій даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Такъ, мы видѣли, что къ патологическимъ псевдогаллюцинаціямъ сознаніе относится рецептивно, но тѣмъ не менѣе онѣ никогда не бываютъ смѣшиваемы съ дѣйствительными воспріятіями и рѣзко отдѣляются сознаніемъ отъ настоящихъ галлюцинацій. Отсюда ясно, что сущность галлюцинацій заключается не въ одной ихъ

независимости отъ воли воспріемлющаго лица, а въ чемъ-то другомъ, что одинаково присуще лишь галлюцинаціямъ и действительнымъ воспріятіямъ, такъ какъ и тѣ, и другія одинаково даютъ въ результатѣ чувственный образъ съ характеромъ объективности.

Что касается до псевдогаллюцинацій, то ясно, что онѣ суть патологическая разновидность образовъ воспоминанія и фантазіи, отличающаяся отъ обыкновенныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи многими характерными чертами, о которыхъ нами уже достаточно говорено. Поставивъ псевдогаллюцинаціи въ параллель съ галлюцинаціями, мы увидимъ, что псевдогаллюцинаціи имѣютъ всѣ черты, отличающія галлюцинацію отъ обыкновенныхъ воспроизведенныхъ представленій, но только за исключеніемъ одной: онѣ не обладаютъ присущимъ галлюцинаціи характеромъ объективности.

Слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, чѣмъ обусловливается тотъ характеръ объективности, который одинаково существененъ какъ для галлюцинацій, такъ и для дѣйствительныхъ чувственныхъ воспріятій?

Недавно была сдѣлана новая попытка получить отвѣтъ на этотъ вопросъ психологически - экспериментальнымъ путемъ. К. Лехнеръ подвергалъ изслѣдованію интенсивнѣйшія изъ своихъ воспроизведенныхъ представленій и нашелъ *) въ нихъ болѣе или менѣе выраженными всѣ черты дѣйствительныхъ чувственныхъ воспріятій, за исключеніемъ двухъ: недоставало сопутствующихъ представленій моторнаго и висцеральнаго характера (именно представленія пространственныхъ отношеній [?] и проэктированія въ пространствѣ [??]), равно какъ и представленій или ощущеній дѣятельности въ подлежащихъ органахъ чувствъ. Эти послѣднія черты, говоритъ Лехнеръ, никогда не воспроизводятся и этимъ самымъ обстоятельствомъ доказывается, что онѣ не кортикальнаго происхожденія, но зависятъ отъ дѣятельности внѣкорковыхъ чувственныхъ центровъ.— Но нужно полагать, что способность чувственнаго воспроизведенія у Лехнера очень слаба (извѣстно, что въ этомъ отношеніи существуютъ громадныя индивидуальныя **) различія).

*) Carl Lechner (Budapest). Zur Localisation der Hallucinationen. Centralbl. f. Nervenheilk. 1883. p. 376.

**) Такъ, изъ извѣстныхъ наблюдателей, Фехнеръ отличается весьма

Оставя въ сторонѣ зрительныя псевдогаллюцинаціи, относительно которыхъ я рѣшительно могу утверждать, что онѣ всегда сопутствуются осложняющими представленіями «моторнаго и висцеральнаго» свойства, будемъ имѣть въ виду обыкновенные образы зрительнаго воспоминанія. Мнѣ кажется, всякій, у кого способность чувственнаго представленія не черезчуръ слаба, долженъ согласиться, что зрительные образы воспоминанія и фантазіи проэцируются въ пространство *) и что съ ними нераз-

слабымъ воображеніемъ: онъ почти совсѣмъ не можетъ воспроизводить красокъ, очертанія же получаются, въ его воспроизведеніи, очень неопредѣленными и смутными (Elemente der Psychophysik. II, p. 470). Горвицъ (l. c. I, p. 302) говоритъ о себѣ почти то же самое. I. Мюллеръ, повидимому, не могъ имѣть расцвѣченныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи, ибо зналъ лишь „Blendungsbilder“ и „leuchtende Phantasmen“ (галлюцинаціи), о пластической же дѣятельности фантазіи онъ говоритъ, что она разграничиваетъ формы въ полѣ зрѣнія независимо отъ представленія красокъ (Ueber die phant. Gesichtserschein. Coblenz. 1826. pp. 44 и 75). Я долженъ признаться, что я плохо понимаю пластическую дѣятельность фантазіи безъ воспроизведенія красокъ. Для меня весьма легко представлять себѣ вещи такъ, какъ онѣ являются мнѣ въ дѣйствительности, т.-е. окрашенными и въ различныхъ оттѣнкахъ освѣщенія. Если я захочу представить себѣ, въ свѣтломъ или темномъ полѣ зрѣнія, однѣ лишь формы и очертанія и если притомъ эти очертанія не должны быть образованы темными, свѣтлыми или цвѣтными линіями, я принужденъ прибѣгнуть къ постороннему моменту, именно къ помощи представленій (хотя бы и воспроизведенныхъ) движеній глазъ. Изъ извѣстныхъ авторовъ способностью живаго чувственнаго представленія обладаютъ Г. Мейеръ, Гагенъ, Корнеліусъ, Спенсеръ и мн. друг. Г. Мейеръ путемъ упражненія научился вызывать у себя, вмѣсто живыхъ и цвѣтныхъ образовъ воспоминанія, даже настоящія галлюцинаціи зрѣнія, частію по произволу (Physiol. der Nervenfaser. p. 240). Корнеліусъ, вспоминая знакомые зрительные объекты, весьма живо воспроизводилъ не только ихъ формы, но и ихъ цвѣта; онъ ясно и рѣзко могъ представить себѣ рядъ цвѣтовъ, какъ, наприм., въ солнечномъ спектрѣ, равно какъ и рядъ различныхъ оттѣнковъ одного и того же цвѣта (Ueber Wechselwirkung zwischen Leib und Seele. p. 76). Герб. Спенсеръ говоритъ: „Мы можемъ, почти безъ усилія и съ относительно большою степенью ясности, воспроизвести въ своемъ сознаніи красный мундиръ солдата, синеву неба, бѣлизну земли, покрытой снѣгомъ. Блескъ электрическаго свѣта, будучи живо воспроизведенъ, дѣйствуетъ на насъ ослѣпляюще. Съ такою же легкостью и силою воспроизводятся въ насъ и слуховыя ощущенія; такъ, моментально и съ большою отчетливостью можно услыхать въ воображеніи шумъ пушечнаго выстрѣла, звукъ трубы, стонъ, свистъ и пр.“ (Principes de psychologie, trad. par Ribot et Espinas. Paris. 1875. I. p. 233).

*) Оспаривая старое воззрѣніе, по которому характернымъ признакомъ

дѣльно связаны различныя представленія отношеній мѣста. Я могу весьма хорошо вызвать въ своемъ воображеніи представленіе перспективы и тѣлесности, представить себѣ, напримѣръ длинную, далеко вглубь уходящую колоннаду съ человѣческими фигурами, находящимися на различномъ разстояніи отъ моего умственнаго ока. Также и Фехнеръ говоритъ, что зрительное поле образовъ воспоминанія кажется ему имѣющимъ, подобно полю зрѣнія открытыхъ глазъ, три измѣренія, т.-е. въ томъ числѣ и протяженность въ глубину *). Полагаю, что представленіе третьяго измѣренія невозможно безъ сопровождающихъ представленій двигательнаго характера. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что тѣ побочныя моторныя представленія, которыми всегда сопровождаются вторичныя зрительныя представленія, суть ничто иное какъ репродукціи, такъ что въ основаніи ихъ нѣтъ дѣйствительныхъ ощущеній. Но тогда вопросъ сводится снова къ тому положенію, которое онъ занималъ до Лехнера, именно, къ различію между воспроизведенными чувственными представленіями и непосредственными воспріятіями, а для выясненія этого различія самонаблюденія Лехнера ровно ничего не дали **).

галлюцинацій считалось проэктированіе въ пространствѣ, Гагенъ справедливо говоритъ: „мы проэцируемъ наружу всѣ наши представленія, насколько послѣднія суть воспроизведенія дѣйствительныхъ воспріятій; однако, несмотря на такое проэцированіе, мы прекрасно знаемъ, что этимъ представленіямъ нѣтъ соотвѣтствующаго внѣшняго объекта“ (Zeitschr. f. Psychiatr. XXV. p. 34).—Гоппе утверждаетъ даже, что „актъ зрѣнія собственно свершается внѣ насъ, на самихъ внѣшнихъ предметахъ, а вовсе не путемъ проэцированія видимаго нами наружу“ (J. Hoppe, Psychologisch-physiol. Optik. Leipzig. 1881. p. 21). „Что возбуждаетъ насъ извнѣ, то внѣ насъ нами и оформливается, познается и видится, а что возбуждается внутри насъ, то приводится нами, въ силу пріобрѣтеннаго опыта, въ формы, данныя привычнымъ намъ зрѣніемъ открытыми глазами и привычною намъ различающе-творческою дѣятельностью духа“ (ibid. p. 59).

*) L. c. p. 473.

**) Мор. Бенедиктъ искалъ причину интенсивности дѣйствія прямаго чувственнаго впечатлѣнія тоже въ томъ, что съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всегда соединяется масса побочныхъ представленій, которыхъ будто бы не бываетъ при представленіяхъ воспроизведенныхъ (Die psych. Functionen des Gehirnes. Wiener Klinik. I (1875) p. 199). И еще раньше Корнеліусъ видѣлъ разницу между образомъ воспоминанія и непосредственнымъ воспріятіемъ преимущественно въ томъ, что первому недостаетъ

Вообще говоря, разбираемый вопросъ никакъ не можетъ быть рѣшенъ путемъ анализа воспроизведенныхъ чувственныхъ представленій. Образы воспоминанія разнятся отъ образовъ непосредственнаго воспріятія лишь отсутствіемъ объективности послѣднихъ. Отвѣта на вопросъ, чѣмъ обусловливается этотъ характеръ объективности, должно искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ физіологической сторонѣ процесса непосредственнаго воспріятія.

Внѣшнее впечатлѣніе, подѣйствовавъ на периферическій органъ чувства, вызываетъ, черезъ посредство чувствующаго нерва, играющаго роль проводника (послѣдній, при данныхъ условіяхъ своего периферическаго и центральнаго соединенія, проводитъ всегда лишь въ одномъ направленіи *), именно, центрипеталь-

---

извѣстнаго рода живости (но не ясности), свойственной дѣйствительному воспріятію, и зависящей отъ побочныхъ ощущеній (напр., мышечныя ощущенія въ глазѣ), которыя всегда возбуждаются при дѣйствительномъ чувственномъ ощущеніи. Впрочемъ, Корнеліусъ тутъ же соглашается, что при воспроизведеніи чувственнаго ощущенія вмѣстѣ съ послѣднимъ воспроизводятся и всѣ соотвѣтствующія побочныя ощущенія (l. c. p. 81). Точно также и Горвицъ признаетъ, что сопутствующія двигательныя представленія имѣются и при представленіяхъ воспоминанія (l. c. I. p. 304).

*) Возможность центробѣжнаго распространенія возбужденія по чувствительнымъ путямъ, при данныхъ (нормальныхъ) условіяхъ соединенія ихъ концовъ, ничѣмъ не доказана, и въ теоріи галлюцинацій теперь, когда открыты чувствительные кортикальные центры, можно безъ большаго труда обойдтись безъ такой, вообще мало вѣроятной гипотезы. Несомнѣнно, что нервныя волокна вообще способны проводить въ обоихъ направленіяхъ; но при данныхъ условіяхъ соединенія ихъ концовъ съ совершенно разно функціонирующими нервными аппаратами (такъ, наприм., зрительный нервъ однимъ концомъ своимъ соединенъ съ периферическимъ аппаратомъ,—сѣтчаткою, а другимъ — съ клѣтками четырехолмія) или съ центрами разнаго порядка (чувствительныя волокна coronae radiatae) проведеніе дѣйствительнаго возбужденія возможно только въ одномъ направленіи. Телеграфная проволока способна проводить токъ тоже въ обоихъ направленіяхъ; но если на станціи A соединена съ отправляющимъ аппаратомъ телеграфа, а на станціи B — съ аппаратомъ, получающимъ, то на ней можно передавать депеши лишь со станціи A на станцію B, но никакъ не въ обратномъ направленіи. Разумѣется, если мы переложимъ проволоку такъ, что концемъ, которымъ она была раньше въ соединеніи съ A, она будетъ теперь соединена съ B, токъ въ проволокѣ будетъ идти въ направленіи, обратномъ противъ того, какъ онъ шелъ въ ней раньше, однако, все же таки

номъ) специфическое состояніе возбужденія въ чувствующихъ клѣткахъ сѣраго вещества узловъ на основаніи большаго мозга; эти клѣтки суть субкортикальные чувственные центры, называемые также центрами перцепціи (Шредеръ ванъ-деръ-Кολькъ) или органами психическаго метаморфоза (Нейманнъ). Послѣднее выраженіе значитъ, по Кальбауму, что, начиная съ этого мѣста всякое движеніе нервнаго вещества пріобрѣтаетъ, въ живущемъ мозгѣ, психическую сторону, т.-е. получаетъ способность стать для индивидуума движеніемъ сознаннымъ. Но дѣйствительно сознается чувственное впечатлѣніе только тогда, когда возбужденіе чувственныхъ субкортикальныхъ центровъ, черезъ посредство центростремительно проводящихъ, чувственныхъ путей coronae radiatae, вызоветъ соотвѣтственное возбужденіе въ чувственныхъ центрахъ коры полушарій, результатомъ чего, если вниманіе индивидуума не отвлечено отъ дѣятельности подлежащаго внѣшняго чувства, будетъ «сознательное чувственное ощущеніе», «дѣйствительное объективное воспріятіе» или «первичное чувственное представленіе». Первичный чувственный образъ всегда имѣетъ характеръ объективности, другими словами, его возникновеніе всегда бываетъ сопряжено съ непосредственнымъ ощущеніемъ того, что въ данномъ случаѣ внѣшнее чувство дѣйствительно затронуто внѣшнею причиною.

Важность роли субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ въ процессѣ объективнаго воспріятія доказана Шредеромъ ванъ-деръ-Колькомъ *) какъ патологическими фактами, такъ и фактами изъ исторіи развитія и сравнительной анатоміи. Эксперименты на животныхъ вполнѣ подтвердили этотъ взглядъ; «цѣлый рядъ физіологовъ-экспериментаторовъ, какъ-то—Лонже, Шиффъ, Ренци, Вюльпіанъ, Демуленъ, Фолькманнъ — показалъ, что животныя, лишенныя полушарій большаго мозга, еще видятъ... Гольцъ замѣтилъ, что лягушка, у которой отняты мозговыя полушарія, двинувшись съ мѣста, не натыкается на находящееся передъ нею препятствіе, но обходитъ его; это доказываетъ, что у такой лягушки изображенія внѣшнихъ предметовъ на сѣтчаткахъ принадлежатъ къ числу мотивовъ, опре-

можно будетъ передавать депеши по прежнему отъ станціи *A* на станцію *B*, но не обратно.

*) Die Pathol. und Ther. der Geisteskrankh. Braunschweig. 1863. p. 7.

дѣляющихъ направленіе ея движенія» *). «Разумѣется, при объективномъ воспріятіи возбужденіе должно достичь до коры полушарій, несомнѣнно имѣющей свою особую форму воспріятія; несомнѣнно также и то, что образы воспоминанія суть матеріалъ для происходящихъ въ мозговой корѣ ассоціацій и для исходящихъ изъ нея двигательныхъ импульсовъ. Но инфракортикальные центры при воспріятіи тоже возбуждаются. Инфракортикальные центры налагаютъ на раздраженія печать, пріуготовляющую послѣднія къ кортикальному воспріятію». Пространственное воспріятіе есть функція коры, въ которой раздраженія nervi optici ассоціируются съ иннерваціонными чувствами глазныхъ мышцъ; «но сочетаніе этихъ факторовъ уже предуготовлено въ четырехолміи; то, что передается отъ четырехолмія корѣ, есть не простое чувственное раздраженіе, но психическій продуктъ, уже заключающій въ себѣ элементы полнаго чувственнаго воспріятія **).

Если участіе субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ въ процессѣ непосредственнаго воспріятія налагаетъ на первичный чувственный образъ печать объективности, то слѣдуетъ думать, что и въ произведеніи тѣхъ галлюцинацій, которыя являются вмѣстѣ и рядомъ съ объективными воспріятіями и бываютъ для сознанія равнозначущими съ послѣдними, участіе субкортикальныхъ центровъ тоже необходимо. Еще въ 1837 году Гагенъ доказывалъ, что фантазія сама по себѣ совершенно не въ состояніи вызывать галлюцинацій и что представленія никогда не могутъ сравняться съ дѣйствительными воспріятіями ***). Этимъ была подорвана старая теорія (Эскироль, Лелю, Рейль, Гартманъ, Фальре sen., Бріеррь де Буамонъ, частію Гризингеръ, въ новѣйшее время Нейманнъ и Краффтъ-Эбингъ, отчасти также В. Зандеръ), по которой галлюцинаціи суть ничто иное, какъ весьма живыя и «проэцировавшіяся наружу» чувственныя представленія. Послѣ Гагена пріобрѣло широкое распространеніе другое воззрѣніе, гдѣ въ произведеніи галлюцинацій, считаемыхъ теперь уже не просто воспроизведенными представленіями, не субъективными ощущеніями, необходимо

*) Meynert. Ueber Fortschr. im Verständniss der krankh. psych. Gehirnzustände. Wien. 1878. p. 50.

**) Ibid. p. 50.

***) Die Sinnestäuschungen. Leipzig. 1837. pp. 211—215.

раздраженіе чувствующаго нерва и «чувственнаго мозга». Принадлежащіе сюда авторы (Гагенъ, Бэлларже, Кальбаумъ, Шюле, Люисъ, Мейнертъ, Ритти, Штриккеръ, Вуазенъ, Гаммондъ), соглашаясь въ общемъ, расходятся въ частностяхъ; одни приписываютъ главную роль полушаріямъ большаго мозга; другіе же, наоборотъ, чувствующему нерву и «чувственному мозгу». Въ послѣднее время оба эти основныя воззрѣнія стали сливаться вмѣстѣ. Прежде терминъ «чувственный мозгъ», «Sinnhirn» имѣлъ очень опредѣленный смыслъ и прилагался лишь къ базальнымъ узламъ, принимающимъ въ себя корни чувственныхъ нервовъ. Но какъ только стало извѣстнымъ, что въ корѣ полушарій имѣются спеціально чувственные центры, какъ пункты кортикальнаго окончанія чувственныхъ или центростремительныхъ нервныхъ путей, то оказалось невозможнымъ не признать участія и этихъ центровъ въ произведеніи галлюцинацій. Такъ, Шюле хотя и допускаетъ, что для произведенія галлюцинаціи, отличающейся характеромъ тѣлесной живости, нужна совмѣстная функція чувственныхъ центровъ коры и базальныхъ узловъ, resp. периферическаго нерва, но, признавая галлюцинаціи различнаго психофизическаго свойства, онъ говоритъ: «такимъ образомъ, оказывается неизбѣжнымъ дальнѣйшее предположеніе, что различный чувственный тэмбръ галлюцинацій есть функція различной распространенности процесса раздраженія въ соотвѣтственномъ чувственномъ нервѣ по направленію къ периферіи, такъ что для вполнѣ объективной галлюцинаціи необходима ирраділція возбужденія вплоть до периферическаго органа чувства *). Къ центрифугалистическому воззрѣнію Шюле, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма близко подходитъ воззрѣніе Тамбурини, обыкновенно считаемаго представителемъ теоріи чисто кортикальнаго происхоженія галлюцинацій **).

*) Schuele's Handb. 2-te Aufl. 1880. pp. 127, 129.

**) Sulla genesi della alluzinazioni. Riv. sper. di fren. 1880. №№ 1, 2. — Впрочемъ, Ландуа хочетъ раздѣлить съ Тамбурини честь локализированія галлюцинацій въ чувственные центры коры (L. Landois, Lehrb. d. Physiol. 2-te Aufl. Wien. 1881. p. 810). Мнѣ кажется, что разъ открыты чувственные центры въ мозговой корѣ, то гораздо легче приписать имъ участіе въ произведеніи галлюцинацій, чѣмъ воздержаться отъ этого. Такъ, замѣчу мимоходомъ, что я говорилъ о кортикальномъ происхожденіи нѣкоторыхъ галлюцинацій (однако, не прибѣгая къ центрифугализму) совершенно независимо отъ Тамбурини, тоже въ 1880 г. (В. Кандинскій Къ ученію о галлюцинаціяхъ. Медиц. Обозрѣніе, 1880, іюнь). Теперь же я вижу, что всѣхъ предупредилъ въ этомъ отношеніи Гризингеръ, сказавшій: „сѣдалище всѣхъ этихъ явленій (галлюцинацій), сѣдалище фантазіи есть не сѣтчатка и не периферическія окончанія слуховаго нерва, но головной мозгъ и въ немъ, безъ сомнѣнія, центральныя окончанія чувствующихъ нервовъ“ (Pathol. u. Ther. d. psych. Krankh. 4-te Aufl. 1876. p. 89). Кальбаумъ тоже впередъ угадалъ, что каждой чувственной сферѣ соотвѣтствуетъ, въ качествѣ апперцепціоннаго центра, особая область коры мозговыхъ полушарій (Allg. Zeitschr. für Psychiatrie. XXXIV. p. 19).

По Тамбурини, главная роль въ произведеніи галлюцинацій принадлежитъ чувственнымъ кортикальнымъ центрамъ; болѣзненное раздраженіе этихъ центровъ будто бы должно давать галлюцинаціи, совершенно подобно тому, какъ кортикальная эпилепсія является слѣдствіемъ раздраженія двигательной области коры. Исходною точкою болѣзненнаго возбужденія, служащаго непосредственною причиною галлюцинаціи, могутъ быть, по Тамбурини, какъ сами чувственные центры коры, такъ и любое мѣсто всего сенсоріальнаго пути отъ периферіи до мозговой коры; но ею первоначально могутъ быть также и центры отвлеченнаго представленія (centri dell ideazioni). Смотря по мѣсту происхожденія, этотъ авторъ различаетъ периферическія (здѣсь разумѣется вся дорога отъ периферіи къ мозговой корѣ), центральныя (чувственные центры коры) и интеллектуальныя галлюцинаціи. Такимъ образомъ, вопросъ сводится снова къ тому положенію, которое онъ занималъ до Гагена: допускается существованіе чисто кортикальныхъ галлюцинацій и въ произведеніи послѣднихъ главная роль приписывается или произвольной, или автоматической дѣятельности воображенія, тогда какъ субкортикальные чувственные центры отрѣшаются отъ первичнаго участія въ этомъ процессѣ. Замѣтивъ необходимость объяснить присущій настоящимъ галлюцинаціямъ характеръ объективности, Тамбурини становится на сторону центрифугалистовъ и приписываетъ субкортикальнымъ центрамъ вторичное участіе въ произведеніи галлюцинацій. «Какимъ образомъ объяснить, говоритъ онъ *), тѣ факты, въ которыхъ периферическій органъ, будучи совершенно здоровымъ, участвуетъ въ проэцированіи наружу субъективно возникшаго центральнаго образа? Вмѣстѣ съ Гагеномъ, Гризингеромъ и Краффтъ-Эбингомъ,

*) Tamburini. La thèorie des hallucinations. Leçon faite à la clinique des malad. mentales de Modène. Revue scientifique. 1881. p. 142.

можно допустить, что раздраженіе сенсоріальнаго центра распространяется по чувственному пути вплоть до его периферическаго конца; это общее ирритативное состояніе, существуя въ моментъ возникновенія галлюцинацій, и даетъ послѣднимъ личину реальности» *). И такъ, локализированіе галлюцинацій въ чувственные центры коры не спасаетъ отъ антифизіологическаго допущенія, что дѣйствительное возбужденіе можетъ распространяться по чувствительнымъ путямъ центробѣжно. Вообще говоря, въ «теоріи Тамбурини» нѣтъ ничего, чего не было бы раньше въ нѣмецкихъ теоріяхъ. Такъ «центрифугальныя галлюцинаціи» Кальбаума, которыя происходятъ отъ повышенія будто бы нормальной центробѣжной функціи чувственнаго аппарата или на всемъ его протяженіи, или на болѣе или менѣе значительномъ отрѣзкѣ его, тоже имѣютъ своею исходною точкою раздраженіе извѣстной области коры (для каждой чувственной сферы у Кальбаума предполагался особый корковый центръ апперцепціи), откуда, вслѣдствіе центробѣжнаго распространенія возбужденія, вводится въ дѣйствіе и соотвѣтственный перцепціонный центръ **).

Такимъ образомъ, даже тѣ авторы, которые исходною точкою галлюцинацій считаютъ кору полушарій, resp. ея чувственные центры, принуждены существенную роль въ произведеніи тѣлесно-живыхъ галлюцинацій отдать субкортикальнымъ чувствен-

*) Если здѣсь идетъ рѣчь о распространеніи, въ направленіи отъ коры къ периферіи, состоянія повышенной возбудимости, то противъ возможности распространенія такого состоянія въ центробѣжномъ направленіи я не стану возражать; но тогда по прежнему остается открытымъ вопросъ объ исходной точкѣ данной конкретной галлюцинаціи. Естественно, что чувственный нервный аппаратъ, находясь въ состояніи возвышенной возбудимости, приходитъ въ дѣйствительное возбужденіе отъ дѣйствія сравнительно ничтожныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ раздражителей; но гдѣ же, при существованіи общаго состоянія усиленной возбудимости, исходная точка дѣйствительнаго возбужденія,— въ периферическомъ ли нервномъ органѣ чувства, въ субкортикальномъ ли центрѣ или въ мозговой корѣ? если въ корѣ,—то можетъ ли отсюда дѣйствительное чувственное возбужденіе (а не состояніе возвышенной возбудимости, которое въ данномъ случаѣ ничего не объясняетъ) распространяться центробѣжно по всему центростремительному тракту (вдобавокъ, еще прерываемому субкортикальными узловыми массами) отъ коры полушарій до периферическихъ нервныхъ окончаній...? Вотъ въ чемъ вопросъ.

**) Kahlbaum. Die Sinnesdelirien. pp. 19—23 и 26—28.

нымъ центрамъ. Спрашивается теперь, гдѣ мы должны локализировать наши псевдогаллюцинаціи?

Псевдогаллюцинаторные образы сами по-себѣ не обладаютъ характеромъ объективности; уже изъ одного этого обстоятельства слѣдуетъ, что въ произведеніи ихъ субкортикальные чувственные центры не принимаютъ никакого участія; но псевдогаллюцинаціи суть воспріятія рѣзко чувственныя; слѣдовательно, онѣ могутъ имѣть мѣстомъ своего происхожденія лишь спеціально-чувственныя области коры. Псевдогаллюцинаціи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ здѣсь описаны, могли бы служить лишнимъ доводомъ въ пользу существованія въ мозговой корѣ для каждой чувственной сферы отдѣльнаго чувственнаго центра, — если бы существованіе чувственныхъ центровъ коры еще не было фактомъ внѣ всякаго сомнѣнія. Съ начала прошлаго десятилѣтія извѣстно, что въ мозговой корѣ есть пространственно строго ограниченная область, являющаяся мѣстомъ исхода путей произвольнаго движенія (психомоторная сфера, центры двигательныхъ представленій). Теперь же можетъ уже считаться обще-признаннымъ, что извѣстныя области коры (частію онѣ опредѣлены и топографически) служатъ мѣстомъ сознательнаго чувственнаго воспріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ, гдѣ отъ первичныхъ чувственныхъ образовъ остаются таинственные слѣды, изъ которыхъ (или чисто автоматически, или въ силу законовъ ассоціаціи представленій и подъ вліяніемъ высшихъ интеллектуальныхъ центровъ, служащихъ сѣдалищемъ воли, какъ силы, способной опредѣлять собою теченіе нашихъ внутреннихъ состояній), возникаютъ образы вторичные или воспроизведенныя представленія. Силою дѣятельности кортикальныхъ чувственныхъ центровъ мы можемъ и въ отсутствіи разъ воспринятаго внѣшняго объекта воскресить въ себѣ его образъ (чувственное воспоминаніе). Воспроизведенныя представленія суть тотъ матеріалъ, изъ котораго получается все наше умственное богатство, и лишь въ этомъ смыслѣ должно быть понимаемо старое положеніе Гоббеса nihil est in intellectu, quod non primus fuerit in sensu.

Однако, въ развитомъ сознаніи не всѣ представленія чувственны. Кромѣ вторичныхъ чувственныхъ представленій, которыя съ полною вѣрностью повторяютъ лишь содержаніе непосредственныхъ воспріятій (чувственные образы воспоминанія)

или, различно, болѣе или менѣе гармонически, связываясь между собою, даютъ въ результатѣ то, чему не соотвѣтствуетъ ни одинъ актъ дѣйствительнаго воспріятія въ отдѣльности (чувственные образы фантазіи), мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи общія представленія; эти первые продукты абстрагирующей дѣятельности нашего духа имѣютъ своимъ содержаніемъ тѣ тождественности или единообразія, которыя усматриваются нами въ рядѣ отдѣльныхъ чувственныхъ представленій. Съ общими представленіями намъ приходится въ ежедневной жизни оперировать, пожалуй, еще чаще, чѣмъ съ воспроизведенными чувственными образами. Но въ этихъ первыхъ обобщеніяхъ все еще замѣтны нѣкоторые слѣды чувственности, такъ какъ здѣсь дѣятельность духа обособляетъ изъ чувственно воспринятаго выдающіяся особенности или схематическія формы, которыя и служатъ затѣмъ какъ бы символами чертъ, оказавшихся въ отдѣльныхъ актахъ чувственнаго воспріятія одинаковыми *). Но существуютъ и такіе продукты дѣятельности мышленія, въ которыхъ уже нѣтъ ничего чувственнаго; это — абстрактныя представленія или понятія.

Дѣятельностью кортикальныхъ чувственныхъ центровъ даются не только отдѣльныя представленія, но и отношенія представленій; притомъ же эта дѣятельность неразлучно соединена съ сознаніемъ. Такимъ образомъ, кортикальныя чувственныя сферы никакъ не могутъ быть исключены изъ участія въ произведеніи того, что называется интеллектомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не въ правѣ признавать чувственными всѣ тѣ области мозговой коры человѣка, которыя не входятъ въ составъ психомоторной сферы **). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что если не самое сознаніе то его высшія формы и явленія имѣютъ своимъ субстратомъ не всю кору полушарій, но лишь часть ея, именно, ея лобный участокъ. Въ лобной части большаго мозга «должны находиться элементы, составляющіе неизбѣжные промежуточные члены при тѣхъ физіологическихъ процессахъ, которыми сопровождаются интеллектуальныя отправленія» ***). Что существуютъ центры,

*) Ср. Hoppe. Psychologisch-physiolog. Optik. Leipzig. 1881. p. 5.

**) Exner. Physiologie der Grosshirnrinde. Hermann's Handb. der Physiol. II. 2. Leipzig. 1879. p. 336.

***) Wundt. Grundzüge des physiol. Psychol. 2-te Aufl. Leipzig. 1880. I. p. 218.

которые должны считаться высшими относительно кортикальныхъ чувственныхъ центровъ, слѣдуетъ изъ того, что у насъ имѣется способность активнаго вниманія или преапперцепціи, оказывающая существенное вліяніе на степень ясности нашихъ, какъ абстрактныхъ, такъ и чувственныхъ представленій; совпадая съ тою функціею сознанія, которая, по отношенію къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, называется волею *), преапперцепція вліяетъ опредѣляющимъ образомъ на теченіе нашихъ представленій. Воля не только въ состояніи сдѣлать наши чувственныя представленія (черезъ большее напряженіе вниманія) болѣе рѣзкими, но она можетъ также производить задерживающее и подавляющее дѣйствіе на дѣятельность чувственнаго представленія.

Обыкновенно дѣятельность абстрактнаго представленія всегда въ большей или меньшей степени сопряжена съ дѣятельностью чувственнаго воспоминанія. Это значитъ, что совмѣстно съ работою высшихъ интеллектуальныхъ центровъ лобной области мозговой коры идетъ работа и въ кортикальныхъ чувственныхъ центрахъ. Послѣдняя и есть «то слабое галлюцинированіе чувствъ», о которомъ говорилъ Гризингеръ и которымъ нормально сопровождается всякій актъ абстрактнаго мышленія **). Продукты дѣятельности абстрактнаго представленія суть не болѣе какъ общія схемы, совершенно лишенныя чувственнаго характера; напротивъ, въ результатѣ возбужденія чувственныхъ центровъ коры въ сознаніи являются образы, имѣющіе всѣ свойства первичнаго чувственнаго представленія, за исключеніемъ лишь объективности послѣдняго. Такъ, зрительные воспроизведенные образы пространственны, потому что наши представленія возможны вообще только въ одной изъ двухъ формъ воспріятія (пространство и время), а зрѣніе и есть чувство, строящее пространство; эти образы непремѣнно «проэцируются наружу» въ силу привычнаго для насъ зрѣнія открытыми глазами, когда актъ собственно совершается внѣ насъ, на самыхъ предметахъ; они являются темными, свѣтлыми или различно окрашенными, потому что кортикальный центръ зрѣнія есть именно «центральнѣйшая часть

*) Ibid. I p. 218. II pp. 205—213 u. 383.

**) Pathol. u. Ther. der psych. Krankh. 4-te Aufl. p. 29.

зрительной субстанціи» и не можетъ реагировать на внѣшнія и внутреннія раздраженія иначе, какъ въ формѣ присущей этой субстанціи энергіи *). Такимъ образомъ, чтобы объяснить себѣ живую чувственноть (не имѣющую, однако, характера объективности) интенсивныхъ образовъ воспоминанія и фантазіи, теперь, когда открыты спеціально чувственные субкортикальные центры, нѣтъ надобности искать причины чувственнаго характера конкретныхъ представленій въ «обратно направленной перцепціи» **) (центробѣжный процессъ изъ субкортикальныхъ центровъ къ периферіи).

Если нормально не существуетъ центробѣжнаго распространенія возбужденія съ кортикальныхъ чувственныхъ центровъ на центры субкортикальные, то слѣдуетъ ли допустить возможность такого распространенія въ качествѣ процесса исключительнаго, resp. болѣзненнаго? По тѣмъ же ли путямъ должно совершаться центробѣжное возбужденіе перцепціоннаго центра, которые нормально дѣйствуютъ центростремительно, или же по путямъ особымъ? Разумѣется, странно было бы думать, что полушарія головнаго мозга снабжены особою системою волоконъ, спеціально назначенною (на случай, еслибы человѣку пришлось впасть въ психическое разстройство) для произведенія галлюцинацій. Но если такихъ особыхъ путей не существуетъ, то какъ понять, что гипотетическое центробѣжное возбужденіе чувственныхъ путей coronae radiatae не мѣшаетъ одновременному съ нимъ возбужденію тѣхъ же путей въ центростремительномъ направленіи ***), потому что галлюцинаторное возбужденіе субкортикальнаго центра должно же вѣдь быть снова воспринято головномозговою корою, чтобы дать въ результатѣ галлюцинацію ****). Будучи несогла-

*) Ср. J. Müller. Handb. der Physiol. 1837. II. p. 249; zur vergleich. Physiol. des Gesichtsinns. 1826. p. 39; ueber die phantast. Gesichtsersch. 1826. p. 15.

**) Ср. Kahlbaum. Die Sinnesdelirien. p. 24.

***) Ср. Pr. Despine. Théorie physiol. de l'hallucination. Ann. médico-psychol. 1881. VI (авторъ развиваетъ теорію, совершенно тождественную съ теоріею центрифугальныхъ галлюцинацій Кальбаума).

****) Видя въ галлюцинаціяхъ ничто иное, какъ состояніе сознанія, я не понимаю безсознательныхъ галлюцинацій, подобныхъ, напр., получавшимся въ опытахъ Пастернацкаго. Послѣдній отдѣлялъ у собакъ, горизонтальнымъ разрѣзомъ, всю (?) мозговую кору отъ подлежащаго бѣлаго вещества и впрыскивалъ въ вены животнаго нѣкоторое количество полынной эссенціи, при чемъ получалъ вмѣсто кортикальной эпилепсіи, галлюцинаціи; опыты приводятся въ доказательство, что мѣстомъ происхожденія галлюцинацій служатъ субкортикальные центры (I. Pasternatzky. Sur le siège de l'épilepsie corticale et des hallucinations. Comptes rendues de l'Académie des sciences. t. 93, № 2 (1881). Впрочемъ, путемъ совершенно подобныхъ же опытовъ Данилло (Influence de l'alcool éthylique et de l'essence de l'absinthe sur les fonctions motrices du cerveau. Arch. de physiol. 1882. Septembre-Octobre) пришелъ къ результату совершенно противоположному.

симы съ физіологическимъ представленіемъ о ходѣ дѣйствительнаго возбужденія по чувствительнымъ путямъ мозга лишь отъ центровъ низшихъ къ центрамъ высшимъ *), центрифугалистическія теоріи галлюцинацій мало согласуются и съ клиническими фактами. Эти теоріи требуютъ существованія ненормально усиленнаго возбужденія въ центрахъ идей, которое будто бы вслѣдствіе своей силы и рефлектируется на органы перцепціи; но безпристрастное наблюденіе показываетъ, что субъективному возбужденію для того, чтобы пріобрѣсти галлюцинаторный характеръ, вовсе не нужно имѣть значительной силы. Такъ, по содержанію своему, тѣ галлюцинаторныя фразы, которыя слышатся параноикамъ-хроникамъ отъ «голосовъ», чаще соотвѣтствуютъ не напряженнѣйшимъ въ данную минуту идеямъ больнаго, а именно тѣмъ представленіямъ, которыя или едва успѣваютъ перейти за порогъ сознанія, или даже остаются подъ порогомъ. Кромѣ того, описываемыя мною псевдогаллюцинаціи могутъ служить сильнымъ оружіемъ противъ сенсоріальной центрифугальности. Въ самомъ дѣлѣ, для возникновенія наиживѣйшей псевдогаллюцинаціи требуется чрезвычайное повышеніе возбудимости соотвѣтственнаго чувственнаго центра коры; кромѣ того непосредственною причиною псевдогаллюцинаціи здѣсь дѣйствительно можетъ явиться крайне напряженная идея. Однако, и живѣйшая псевдогаллюцинація, при отсутствіи постороннихъ моментовъ, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ, не превращается въ галлюцинацію. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ не происходитъ центробѣжнаго распространенія возбужденія съ чувственнаго кортикальнаго центра на центръ субкортикальный только

*) Въ качествѣ противника сенсоріальнаго центрифугализма я не стою особнякомъ; одинаково со мною смотрятъ на дѣло Мейнертъ (Ueber Fotschr. im Verständnisse der krankh. psych. Zustände. 1878, p. 49; von den Hallucinationen. Wien. medic. Blätter 1879, № 9) и Арндтъ (Lehrb. der Psychiatrie. Wien u. Leipz. 1883, p. 138).

по тому, что центрифугальное возбужденіе центрипетальныхъ нервныхъ путей вообще невозможно.

Замѣчательно, что способность образнаго представленія, связанная съ пространственно строго ограниченными областями коры полушарій, сама по себѣ, независимо отъ другихъ разстройствъ психическихъ способностей, можетъ быть не только ненормально усилена, но и внезапно потеряна. Шарко наблюдалъ одного живописца, который вдругъ лишился способности чувственно представлять себѣ предметы; съ этого времени онъ принужденъ былъ ограничить свои занятія копировкою и то при этомъ не долженъ былъ отводить глазъ отъ оригинала. Нѣкто другой, человѣкъ весьма интеллигентный, обладалъ чрезвычайно живою способностью чувственнаго воспроизведенія; въ особенности у него была необыковенно развита способность зрительнаго воспоминанія, такъ что онъ могъ воспроизводить сложныя зрительныя воспріятія со всею точностью и отчетливостью. Этотъ субъектъ, послѣ сильнаго душевнаго потрясенія, сразу потерялъ всѣ свои зрительныя воспоминанія и лишился возможности внутренно представлять себѣ цвѣта и формы предметовъ; при этомъ, естественно, пострадало у него и пониманіе того, что онъ видѣлъ, такъ что старые, давно знакомые объекты являлись ему совершенно новыми; изъ его сновидѣній зрительныя представленія совершенно исчезли. Ясно, что въ этомъ случаѣ *) произошло кортикальное разстройство, ограниченное именно областью зрительнаго центра.

Въ предѣлахъ нормальнаго состоянія способность чувственнаго воспроизведенія бываетъ весьма различна. Недавно Гальтонъ, путемъ статистическихъ изслѣдованій относительно яркости, рѣзкости и разцвѣтки зрительныхъ образовъ воспоминанія (mental imagery) у различныхъ индивидуумовъ, нашелъ, что въ этомъ отношеніи существуютъ громадныя индивидуальныя различія, и что вообще ученые находятся на нижнемъ концѣ скалы (раньше я указывалъ, что и между учеными въ этомъ отноше-

*) Charcot. Un cas de suppression brusque et isolée de la vision mentale des signes et des objets (formes et couleurs). Progrès médical. 1883. № 29. p. 568.—Нѣчто подобное эпизодически имѣло мѣсто, повидимому, въ случаѣ Пика (Arn. Pick; Vom Bewusstsein in Zuständen sogen. Bewusstlosigkeit. Arch. f. Psych. XV. 1884. p. 215).

ніи есть громадная личная разность), тогда какъ женщины, дѣвушки и дѣти имѣютъ воспоминанія, наиболѣе яркія и окрашенныя *). О высшей степени возможнаго, въ предѣлахъ нормальнаго состоянія, повышенія способности чувственнаго представленія можно составить себѣ понятіе по признаніямъ нѣкоторыхъ художниковъ, какъ, наприм., Бальзакъ, которые вслѣдствіе этого за частую по-напрасно зачисляются въ галлюцинанты. Впрочемъ, не надо думать, что творческая сила художниковъ пропорціональна интенсивности чувственнаго представленія у нихъ. Характерная черта дѣятельности фантазіи состоитъ не въ живости послѣдней, а въ способѣ соединенія представленій. Художникъ вовсе не имѣетъ необходимости до послѣдней степени усиливать интенсивность образовъ своей фантазіи, такъ чтобы въ нихъ, подобно тому какъ въ первичныхъ чувственныхъ образахъ, рѣзко выступали всѣ мельчайшія подробности. Существуетъ громадное различіе между безплоднымъ и безцѣльнымъ фантазированіемъ, дѣйствительно свойственнымъ тѣмъ изъ «художественныхъ натуръ», у которыхъ кортикальныя чувственныя сферы находятся въ состояніи постояннаго раздраженія, и поэтическимъ творчествомъ, гдѣ требуется, съ одной стороны, большая масса сложныхъ, чисто интеллектуальныхъ функцій, а съ другой стороны, мастерство въ передачѣ впечатлѣній.

Чувственныя воспоминанія пробуждаются въ насъ двоякимъ способомъ. Одни изъ нихъ возникаютъ въ кортикальныхъ чувственныхъ центрахъ первично, въ силу самопроизвольной дѣятельности этихъ центровъ; при этомъ, въ силу внутренняго, мѣстнаго (парціальнаго) автоматическаго возбужденія, приходятъ въ дѣйствіе именно тѣ функціональные элементы кортикальнаго чувственнаго центра, которые во время акта объективнаго воспріятія служили матеріальнымъ субстратомъ первичнаго чувственнаго образа. Значительная часть непроизвольныхъ и случайныхъ чувственныхъ воспоминаній происходитъ именно этимъ путемъ. Но при нормальномъ душевномъ состояніи еще чаще чувственные образы воспоминанія возникаютъ подъ вліяніемъ высшихъ кортикальныхъ центровъ, центровъ дѣятельности чисто

*) См. Fr. Galton. Inquiries into human faculty and its developement. 1883.

интеллектуальной; впервые явясь или воспроизведясь въ центрѣ абстрактнаго мышленія, схематическое, т.-е. нечувственное представленіе, послѣ своего перехода черезъ порогъ сознанія, или даже до этого момента, послѣдовательно вызываетъ въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ одно изъ тѣхъ (или близкихъ къ нимъ) конкретныхъ чувственныхъ представленій, изъ которыхъ оно когда-то, путемъ абстракціи, было получено *). Этимъ способомъ получаются, можетъ быть, всѣ произвольныя чувственныя воспоминанія и нѣкоторая часть воспоминаній непроизвольныхъ и случайныхъ (вторичное или послѣдовательное дѣйствіе кортикальныхъ чувственныхъ центровъ).

Тѣми же двумя способами происходятъ и псевдогаллюцинаціи, съ тою только разницею, что здѣсь (за исключеніемъ, впрочемъ, случаевъ гипнагогическихъ псевдогаллюцинацій) соотвѣтствующій корковый чувственный центръ долженъ находиться въ состояніи болѣзненно усиленной возбудимости, и притомъ или на всемъ своемъ протяженіи, или лишь въ извѣстной своей части.

Разсмотримъ теперь въ частности механизмъ происхожденія псевдогаллюцинацій.

Обыкновенныя гипнагогическія псевдогаллюцинаціи, въ той формѣ, въ какой онѣ свойственны нѣкоторымъ психически-здоровымъ людямъ, происходятъ лишь въ зависимости отъ извѣст-

*) Въ воздѣйствіи центра абстрактной мысли на центръ чувственнаго представленія нѣтъ никакой центрифугальности; оба эти центра принадлежатъ къ одному порядку и центръ чувственный въ извѣстномъ смыслѣ даже важнѣе, такъ какъ изъ него, путемъ дифференціаціи функцій, могъ получиться и центръ мышленія. Впрочемъ, здѣсь можно смотрѣть на дѣло двояко. Во-первыхъ, каждый интрацентральный кортикальный путь можетъ быть представляемъ нами на подобіе одной телеграфной проволоки, на каждомъ изъ концовъ своихъ имѣющей какъ отправляющій, такъ и записывающій приборъ телеграфа; другими словами, можно допустить, что по однимъ и тѣмъ же интрацентральнымъ путямъ возбужденіе можетъ передаваться какъ отъ кортикальнаго чувственнаго центра въ центръ абстрактнаго представленія, такъ и обратно (разумѣется, только не одновременно въ обоихъ направленіяхъ). Во-вторыхъ, ни что не мѣшаетъ намъ предположить, что для проведенія возбужденія отъ центровъ абстрактнаго представленія къ кортикальнымъ чувственнымъ центрамъ, сообщающимъ представленію чувственный характеръ, существуютъ пути, особые отъ тѣхъ, которые ведутъ отъ кортикальныхъ чувственныхъ центровъ къ органу преапперцепціи.

ныхъ условій (наприм., предшествующее засыпанію умственное успокоеніе) и не требуютъ существованія болѣзненнаго раздраженія въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ. У нервныхъ, легко возбудимыхъ индивидуумовъ отдѣльныя группы клѣтокъ чувственныхъ центровъ коры легко приходятъ въ дѣйствительное возбужденіе отъ вліянія внутреннихъ раздраженій, постоянно возникающихъ то въ той, то въ другой части центра (легкія вазомоторныя измѣненія, колебаніе въ химическихъ процессахъ, совершающихся въ ткани сѣраго вещества и т. п.). Эти автоматическія раздраженія обыкновенно не доходятъ до сознанія, потому что они частію тормозятся нормальною дѣятельностью высшихъ интеллектуальныхъ центровъ, частію же совершенно стушевываются передъ первичными чувственными образами, получающимися въ результатѣ актовъ объективнаго воспріятія. Но передъ засыпаніемъ и вообще тогда, когда интеллектъ бездѣйствуетъ и работа абстрактнаго представленія и активной преапперцепціи прекращается, эти спонтанныя раздраженія становятся причиною появленія въ сознаніи ряда живыхъ, логически между собою не связанныхъ чувственныхъ образовъ, которые, естественно, отъ воли индивидуума будутъ совершенно независимы.

Для насъ гораздо интереснѣе псевдогаллюцинаціи субъектовъ душевно-больныхъ, имѣющія своею основою болѣзненное раздраженіе чувственныхъ центровъ мозговой коры. Изъ представленнаго мною клиническаго матеріала, я полагаю, видно, что всѣ случаи патологическаго псевдогаллюцинированія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія двѣ категоріи.

a) Псевдогаллюцинаторные образы логически не вяжутся ни между собою, ни съ представленіями, бывшими въ сознаніи больнаго непосредственно передъ ними, и иногда не оказываютъ близкаго соотношенія съ характеромъ преобладающихъ у больнаго идей. Сюда принадлежатъ: большая часть стабильныхъ и интеркурентныхъ, почти всѣ случаи эпизодическихъ и только нѣкоторая часть множественныхъ галлюцинацій. Псевдогаллюцинаціи этой группы совершенно независимы отъ воли больнаго и почти всегда въ высокой степени насильственны. Обыкновенно псевдогаллюцинированіе здѣсь ограничивается сферою одного чувства; если же данный больной галлюцинируетъ и зрѣніемъ, и слухомъ, то между его слуховыми и зрительными псевдогаллюцинаціями не оказывается прямаго логическаго соотношенія.

Повидимому, раздраженіе со стороны сферы произвольнаго представленія здѣсь почти не играетъ роли, такъ что все дѣло зависитъ отъ автоматической дѣятельности одного или двухъ кортикальныхъ чувственныхъ центровъ. По всей вѣроятности, состояніе болѣзненно усиленной раздраженности здѣсь не захватываетъ всего центра, но локализируется лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его. Впрочемъ, даже при относительно распространенномъ состояніи болѣзненной возбудимости въ чувственномъ кортикальномъ центрѣ дѣйствіе внутреннихъ раздраженій, какъ физіологическихъ, такъ и патологическихъ, можетъ быть мѣстнымъ и даже локализированнымъ на весьма небольшомъ пространствѣ (такъ, наприм., разстройство въ процессѣ внутренняго химизма клѣтокъ можетъ захватить лишь небольшую клѣточную группу). Псевдогаллюцинаціи этого способа происхожденія никогда не идутъ сплошь и вообще даже не бываютъ обильны; но за то ихъ чувственная опредѣленность и живость обыкновенно достигаютъ весьма высокой степени. Рѣзкости всѣхъ характерныхъ чертъ псевдогаллюцинацій здѣсь благопріятствуетъ еще то обстоятельство, что, не завися отъ возбужденія интеллектуальной сферы, этого рода псевдогаллюцинаціи происходятъ даже съ большимъ удобствомъ тогда, когда дѣятельность мышленія понижена (наприм., въ состояніяхъ, переходныхъ къ галлюцинаторной спутанности и ступидности, а также и въ хронической паранойѣ, когда бредъ потерялъ свою напряженность и истощенный органъ мышленія находится въ относительной бездѣятельности), потому что при этомъ ослабляется задерживающее дѣйствіе высшихъ кортикальныхъ центровъ. Это *первый способъ происхожденія псевдогаллюцинацій* (см. табл. I, фиг. 3).

b) *Во всей* кортикальной чувственной сферѣ, въ особенности же въ кортикальномъ центрѣ зрѣнія или слуха, существуетъ состояніе усиленной возбудимости, а дѣятельность абстрактнаго мышленія возбуждена лишь парціально, такъ что сознаніе занято ограниченнымъ кругомъ первично возникшихъ ложныхъ и, частію, навязчивыхъ представленій. Въ такихъ случаяхъ дѣйствительное возбужденіе кортикальнаго чувственнаго центра беретъ свое начало не отъ внутренняго автоматическаго раздраженія въ послѣднемъ, но возникаетъ подъ вліяніемъ сознательнаго или безсознательнаго представленія. Это *второй способъ происхожденія псевдогаллюцинацій* (см. табл. II, фиг. 7), преобладающій въ острыхъ формахъ идеофреніи. При этомъ псевдогаллюцинаторные образы обыкновенно множественны, быстро смѣняются одинъ другимъ и часто представляютъ одно сплошное теченіе. Отдѣльныя псевдогаллюцинаціи здѣсь неодинаково неотвязны и по своей интенсивности и чувственной рѣзкости онѣ тоже могутъ значительно разниться между собою. Понятно также, что отдѣльные псевдогаллюцинаторные образы при этомъ болѣе или менѣе вяжутся какъ между собою, такъ и съ идеями, преобладающими въ данное время въ сознаніи больнаго; однако, не малая часть ихъ здѣсь имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ сферу безсознательнаго представленія. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ непремѣнно псевдогаллюцинируется *все*, что больной, сознательно или безсознательно, думаетъ; это — предѣльный случай, къ которому дѣйствительность лишь болѣе или менѣе приближается, никогда его вполнѣ не достигая *). Обыкновенно и здѣсь, несмотря на состояніе повышенной возбудимости во всемъ кортикальномъ чувственномъ центрѣ (или въ двухъ изъ нихъ, наприм., центрахъ зрѣнія и слуха), въ отдѣльныхъ группахъ клѣтокъ раздражимость повышена сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Кромѣ того, и здѣсь не исключено мѣстное возникновеніе извѣстныхъ внутреннихъ раздраженій, вслѣдствіе чего дѣло осложняется парціальнымъ дѣйствительнымъ (автоматическимъ) возбужденіемъ тѣхъ или другихъ участковъ чувственнаго центра. Въ силу всего этого, наиболѣе интенсивныя и устойчивыя псевдогаллюцинаціи получаются здѣсь при случайно удачномъ совмѣщеніи обоихъ

*) Одинъ изъ моихъ больныхъ, Петр., въ первомъ періодѣ острой идеофреніи, горько жаловался мнѣ, что онъ боится „совсѣмъ сойдти съ ума“, потому что противъ своей воли онъ принужденъ „ǒбразить“; послѣднимъ словомъ больной хотѣлъ выразить, что у него всякое абстрактное представленіе, наперекоръ его волѣ, тотчасъ же принимаетъ конкретную, рѣзко чувственную форму, т.-е. превращается въ весьма живые и отчетливые образы воспоминанія и фантазіи. Въ это время зрительныхъ галлюцинацій у него не было, но вскорѣ появились и онѣ. При лѣченіи большими дозами опія въ этомъ случаѣ весьма скоро наступило выздоровленіе; впрочемъ этотъ больной впадалъ въ острую идеофренію уже въ четвертый разъ, съ промежутками въ нѣсколько лѣтъ, и приступы, равно какъ и продолжительность болѣзни были каждый разъ приблизительно одинаковы (ideophrenia periodica).

моментовъ, т.-е. производящаго псевдогаллюцинацію представленія, исходящаго изъ центровъ мышленія, и автоматическаго парціальнаго возбужденія кортикальнаго чувственнаго центра. Такимъ образомъ, крайне навязчивыя псевдогаллюцинаціи обыкновенно идутъ здѣсь не сплошь, но раздѣляются одна отъ другой образами, приближающимися къ продуктамъ простой дѣятельности воображенія (псевдогаллюцинаторныя фантазіи); черезъ эти послѣдніе устанавливается между рѣзко выраженными и навязчивыми псевдогаллюцинаціями (которыя кажутся больному обусловленными извнѣ) логическая связь и въ такомъ случаѣ, если таковой раньше не было. Одновременно съ этимъ и дѣятельность мышленія бываетъ (вообще или парціально) возбужденною, хотя здѣсь повышеніе и не достигаетъ такой высокой степени, какъ повышеніе функціи чувственной области мозговой коры. Напротивъ, функція активной преапперцепціи при этомъ всегда бываетъ ослабленною, такъ что воля вполнѣ теряетъ контроль надъ ходомъ идей и больной, не будучи, однако, лишенъ возможности воспринимать внѣшнія впечатлѣнія, оставляетъ послѣднія совсѣмъ безъ вниманія, предавшись пассивному воспріятію своихъ фантастическихъ и псевдогаллюцинаторныхъ картинъ. При острой идеофреніи параллельно съ псевдогаллюцинаціями зрѣнія и слуха идутъ обыкновенно слуховыя и осязательныя галлюцинаціи; все это, вмѣстѣ взятое, и составляетъ чувственный бредъ острыхъ идеофрениковъ.

Теперь мнѣ остается только представить отношеніе моихъ псевдогаллюцинацій къ настоящимъ галлюцинаціямъ.

Мы видѣли, что, какъ бы ни была велика интенсивность процесса, псевдогаллюцинація сама по себѣ, безъ участія постороннихъ моментовъ, никогда не превращается въ галлюцанацію. Эти «посторонніе» моменты, изъ которыхъ каждымъ псевдогаллюцинація можетъ превратиться въ настоящую галлюцинацію, суть: a) первичное участіе субкортикальнаго чувственнаго центра и b) разстройство сознанія въ его отношеніяхъ къ внѣшнему міру.

Относительно перваго изъ этихъ путей я здѣсь распространяться не стану, иначе мнѣ пришлось бы развивать весь механизмъ происхожденія тѣхъ галлюцинацій, которыя имѣютъ мѣсто на ряду съ дѣйствительными (и нормальными) чувственными воспріятіями, когда, слѣдовательно, сознаніе въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру нимало не разстроено. Это могло бы составить особый этюдъ, при чемъ было бы нетруднымъ показать, что, держась на почвѣ фактовъ, добытыхъ клиническимъ наблюденіемъ, легко въ объясненіи происхожденія галлюцинацій этого рода (считая между ними и тѣ слуховыя галлюцинаціи, которыя столь характеристичны для хронической паранои) обойдтись безъ гипотезы центрифугальнаго распространенія возбужденія по сенсоріальнымъ путямъ.

При второмъ пути происхожденія галлюцинацій изъ псевдогаллюцинацій совсѣмъ не нужно ни малѣйшаго участія возбужденія субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ; даже самое лучшее здѣсь, если послѣдніе совершенно остаются внѣ дѣятельности; но тутъ необходимо разстройство сознанія въ отношеніи воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, выражаясь проще,—необходимо болѣе или менѣе полное прекращеніе воспріятій изъ реальнаго міра.

Первичный чувственный образъ, результатъ акта непосредственнаго внѣшняго воспріятія, потому лишь представляетъ для воспріемлющаго сознанія характеръ дѣйствительности, что въ чувственное представленіе здѣсь входитъ нѣкая специфическая составная часть, служащая для сознанія знакомъ, что въ данномъ случаѣ дѣйствительно аффицирована болѣе периферическая (относительно самого апперцептивнаго органа, т.-е. чувственнаго кортикальнаго центра) часть сенсоріальнаго нервнаго аппарата (при этомъ надо помнить, что въ эту относительно болѣе периферическую часть дѣйствительное возбужденіе, въ силу закона центрипетальной функціи сенсоріальнаго механизма, можетъ достигать лишь снизу, изъ частей еще болѣе периферическихъ, но никакъ не сверху съ апперцепціоннаго центра, находящагося въ данномъ случаѣ въ возбужденіи). Назовемъ, ради большаго удобства объясненія, эту специфическую (объективирующую) составную часть первичнаго чувственнаго образа буквою X, и поищемъ, отъ возбужденія какой части всего сенсоріальнаго пути она получается. Что для полученія нашего X не требуется возбужденія всего сенсоріальнаго пути, это ясно изъ того всѣмъ извѣстнаго факта, что люди, абсолютно слѣпые, съ атрофированными периферическими концами обоихъ зрительныхъ нервовъ, могутъ, при нимало не затемненномъ сознаніи, имѣть дѣйствительныя галлюцинаціи зрѣнія; отсюда

же слѣдуетъ выводъ, что ни периферическій нервный органъ, ни самъ чувствующій нервъ не есть мѣсто происхожденія X. Что для полученія объективирующаго X при нормальномъ состояніи сознанія недостаточно наисильнѣйшаго возбужденія кортикальнаго чувственнаго центра, видно уже изъ самаго факта существованія псевдогаллюцинацій, которыя, даже будучи до крайности живыми, характера объективности не пріобрѣтаютъ. И такъ, источникъ объективирующаго X не заключается ни въ корковомъ чувственномъ центрѣ, ни въ периферическомъ нервномъ органѣ, ни въ самомъ чувствующемъ нервѣ; слѣдовательно, мѣстомъ происхожденія X является именно субкортикальный чувственный центръ.

Если живѣйшей псевдогаллюцинаціи для того, чтобы сдѣлаться галлюцинаціею, недостаетъ только специфическаго характера объективности, то можно выразиться такъ: псевдогаллюцинація равна галлюцинаціи минусъ X. Совершенно параллельно этому чувственное воспоминаніе равно первичному чувственному образу минусъ X. Только благодаря присутствію объективирующаго X, сознаніе не смѣшиваетъ воспроизведенные чувственные образы съ образами первичными, получающимися въ результатѣ актовъ непосредственнаго воспріятія. Въ самомъ дѣлѣ, если отвлечься отъ объективирующаго X, то первичные и вторичные чувственные образы оказываются по существу своему одинаковыми между собою: они одинаково пространственны, resp., временны; одинаково являются темными, свѣтлыми, или различно раскрашенными (соотвѣтственно чему образы слуховые одинаково представляютъ различные оттѣнки звука, тонъ и тэмбръ); одинаково они суть ничто иное, какъ состояніе нашего сознанія; наконецъ, и тѣ, и другіе имѣютъ своимъ органическимъ субстратомъ однѣ и тѣ же клѣтки чувственныхъ центровъ мозговой коры. Разница въ интенсивности здѣсь не существенна; къ тому же таковая существуетъ лишь между образами воспоминанія и первичными чувственными образами, но не между псевдогаллюцинаціями и галлюцинаціями (впрочемъ, образы воспоминанія предметовъ, видѣнныхъ рѣзко, могутъ быть болѣе интенсивными въ сравненіи съ первичными чувственными образами предметовъ, по формамъ и краскамъ весьма неопредѣленныхъ). Лишь присутствіемъ или отсутствіемъ объективирующаго

X въ чувственномъ представленіи дается намъ возможность различать объективный образъ отъ субъективнаго.

И такъ, присутствіе X въ данномъ чувственномъ представленіи является доказательствомъ того, что въ данномъ случаѣ субкортикальный чувственный центръ (вслѣдствіе внутренней ли или внѣшней причины — это все равно) дѣйствительно возбужденъ; соотвѣтственно термину «первичное чувственное представленіе», мы можемъ въ данномъ случаѣ присоединить къ X эпитетъ «первичный». По прекращеніи акта объективнаго воспріятія первичный X долженъ оставить въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ свой слѣдъ, по которому онъ можетъ репродуцироваться. Для полученія репродуцированнаго X уже не нужно участія субкортикальнаго центра. И такъ, вопросъ сводится къ слѣдующему: можетъ ли репродуцированный X (наприм., въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ это бываетъ при живѣйшихъ псевдогаллюцинаціяхъ, чрезвычайно интенсивенъ) въ сознаніи быть смѣшанъ съ первичнымъ X, т.-е. можетъ ли онъ быть принятъ за послѣдній. Факты даютъ на этотъ вопросъ отвѣтъ совсѣмъ не двусмысленный. При нормальномъ состояніи сознанія, когда дана возможность непосредственнаго сравненія репродуцированнаго X съ X первичнымъ, такого смѣшиванія не происходитъ: воспроизведенный X тогда не принимается сознаніемъ за X настоящій, и единственно въ силу этого обстоятельства даже наиживѣйшая псевдогаллюцинація не получаетъ характера объективности.

Иное дѣло въ томъ случаѣ, когда для сознанія исключена возможность сравненія воспроизведеннаго X съ X первичнымъ, когда первичнаго X (за прекращеніемъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній) въ сознаніи въ данную минуту совсѣмъ не имѣется. Тогда воспроизведенный X неизбѣжно пріобрѣтаетъ въ сознаніи значеніе настоящаго X, псевдогаллюцинаторный образъ объективируется и получается кортикальная галлюцинація. Это другой путь происхожденія галлюцинацій изъ псевдогаллюцинацій. Но эти чисто кортикальныя галлюцинаціи могутъ получиться только при затемненіи сознанія до прекращенія воспріятій изъ реальнаго внѣшняго міра. Помимо состоянія помраченнаго сознанія (въ отношеніи воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній) чисто кортикальныя галлюцинаціи невозможны *).

*) Моя теорія совсѣмъ не совпадаетъ съ теоріею Тамбурини. По-

То, что я сейчасъ высказывалъ, не гипотеза, а прямое заключенiе изъ фактовъ. Факты благопрiятствуютъ моему воззрѣнiю даже болѣе, чѣмъ мнѣ нужно для объясненiя происхожденiя галлюцинацiй изъ псевдогаллюцинацiй; явленiями сновидѣнiя они намъ указываютъ, что по прекращенiи воспрiятiя внѣшнихъ впечатлѣнiй галлюцинацiи получаются даже изъ обыкновенныхъ (не особенно интенсивныхъ) чувственныхъ образовъ воспоминанiя и фантазiи. Это значитъ, что когда въ сознанiи нѣтъ ни одного первичнаго X, то воспроизведенные X'ы становятся на мѣсто X первичнаго даже въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ большой интенсивности. Тѣ самыя чувственныя воспоминанiя и фантазiи, которыя, когда мы бодрствуемъ, совсѣмъ не обладаютъ характеромъ объективности и потому нимало не рискуютъ быть смѣшанными съ объективными чувственными представленiями, объективируются, когда мы перестаемъ нашими кортикальными чувственными центрами апперципировать внѣшнiя впечатлѣнiя, т.-е. когда мы впадаемъ въ сонъ. Такъ, картины, произведенныя на бѣломъ экранѣ посредствомъ волшебнаго фонаря, невидимы въ яркомъ дневномъ освѣщенiи; но стоитъ лишь затворить ставни и двери комнаты,—и онѣ выступятъ тогда весьма рѣзко и ярко.

Такимъ образомъ, сновидѣнiе есть ничто иное, какъ кортикальная галлюцинацiя, происходящая, при указанныхъ условiяхъ, путемъ объективизацiи образовъ воспоминанiя и фантазiи. Патологическiя кортикальныя галлюцинацiи тоже требуютъ, какъ conditio sine qua non, разстройства сознанiя въ отношенiяхъ его къ внѣшнему мiру, т.-е. разстройства или прекращенiя апперцептивной дѣятельности чувственныхъ центровъ мозговой коры, но онѣ чаще происходятъ путемъ объективизацiи не простыхъ представленiй воспоминанiя и фантазiи, но псевдогаллюцинацiй,

слѣднiй при обсужденiи вопроса о галлюцинацiяхъ вовсе не вдавался въ психологическiя соображенiя и не принималъ въ разсчетъ, подобно мнѣ, состоянiя сознанiя; признавъ за мѣсто происхожденiя галлюцинацiй чувственные центры коры, онъ, по примѣру прежнихъ авторовъ, просто прибѣгъ къ гипотезѣ центрифугальнаго распространенiя возбужденiя съ мозговой коры по всему сенсорiальному пути до самой периферiи. Я же рѣзко отличаю кортикальныя галлюцинацiи отъ тѣхъ, для произведенiя которыхъ необходимо участiе субкортикальныхъ центровъ, и совершенно отвергаю сенсорiальный центрифугализмъ.

значитъ, въ послѣднемъ случаѣ предполагаютъ собою болѣзненное усиленiе внутренней продуктивной дѣятельности кортикальныхъ чувственныхъ центровъ. Этимъ способомъ галлюцинацiи происходятъ — при наркозѣ, въ гипнотическихъ и сомнамбулическихъ состоянiяхъ, въ трансѣ, въ экстазѣ, въ тяжелыхъ формахъ delirii trementis и delirii febrilis, въ истерическихъ и эпилептическихъ состоянiяхъ помраченнаго сознанiя, въ кататоническомъ ступорѣ, въ очень острыхъ формахъ идеофренiи, когда разстройство сознанiя достигаетъ высокой степени.

Во избѣжанiе недоразумѣнiй, я долженъ еще оговориться относительно двухъ пунктовъ.

Можетъ быть, кто-нибудь вздумаетъ сдѣлать такое возраженiе: если причина того, что наши воспроизведенные чувственные образы не объективируются, заключается въ возможности непосредственнаго сравненiя ихъ съ первичными чувственными образами, то почему наши зрительныя воспоминанiя не объективируются, подобно тому, какъ въ сновидѣнiи, когда мы просто закрываемъ глаза? Отвѣтить на подобный вопросъ вовсе не трудно. Во-первыхъ, закрыть глаза—вовсе не значитъ устранить воспрiятiе внѣшнихъ впечатлѣнiй. Все, что существуетъ внѣ нашего сознанiя, есть для послѣдняго внѣшность, и самое наше тѣло, въ этомъ смыслѣ, есть такая же внѣшняя вещь, какъ любой предметъ внѣшняго мiра. Закрывъ глаза, мы даже не перестаемъ видѣть, потому что темнота есть своего рода ощущенiе; кромѣ того, наше темное поле зрѣнiя никогда не бываетъ вполнѣ свободно отъ свѣтовыхъ пятенъ, клочковъ свѣтящагося тумана и тому подобныхъ свѣтовыхъ субъективныхъ метеоровъ, которые въ воспрiятiи получаютъ характеръ объективности, потому что происходятъ отъ внутреннихъ органическихъ раздраженiй въ сѣтчаткѣ глаза и въ зрительномъ нервѣ *). Съ давнихъ поръ слѣпые, у которыхъ теряется самое ощущенiе темноты, теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ свои зрительныя воспоминанiя и перестаютъ «видѣть во снѣ» (сохраняя способность грезить слуховыми представленiями) **). Если слѣпые еще не успѣли утратить своихъ зрительныхъ воспоминанiй, то послѣд-

*) Ср. J. Müller. Ueber die phant. Gesichtsersch. Coblenz. 1826. p. 14.

**) См. Stricker. Vorlesungen über allgem. und experim. Pathologie. III. Wien. 1879. p. 515.

нія не получаютъ характера объективности до тѣхъ поръ, пока не прервалось воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на всѣ другія чувства (слухъ, осязаніе, мышечное и общее чувства). Осязательная или слуховая объективность есть всетаки объективность, и возможность непосредственнаго сравненія отсутствія объективности въ произведенномъ зрительномъ образѣ съ объективностью, имѣющеюся въ непосредственномъ слуховомъ или осязательномъ воспріятіи, тоже не позволяетъ зрительнымъ образамъ репродукціи объективироваться. Если въ то время, когда мы живо грезимъ во снѣ, наше сознаніе случайно восприметъ изъ внѣшняго міра какой-нибудь рѣзкій шумъ какъ таковый (не ассимилируя его съ своими субъективно возникающими представленіями, т.-е. не затирая въ немъ дѣйствительнаго характера объективности), то зрительные образы сновидѣнія моментально теряютъ свой произвольный характеръ объективности передъ дѣйствительною объективностью воспринятаго звука. Я убѣжденъ, что если бы возможно было лишить человѣка сразу воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній со всѣхъ чувствъ, то образы автоматической дѣятельности воспоминанія и фантазіи у этого индивидуума моментально бы объективировались и получилось бы сновидѣніе или кортикальная галлюцинація.

Много было говорено о существованіи различныхъ переходныхъ степеней между настоящими галлюцинаціями и обыкновенными чувственными представленіями, и весьма возможно, что въ описываемыхъ мною псевдогаллюцинаціяхъ увидятъ одну изъ такихъ переходныхъ степеней. Что касается до меня, то я смотрю на дѣло такъ: я допускаю существованіе всевозможныхъ переходовъ между обыкновенными воспроизведенными представленіями и рѣзко выраженными псевдогаллюцинаціями. Я допускаю также, что галлюцинаціи могутъ быть различны по своей интенсивности. Но я не допускаю никакихъ степеней въ характерѣ обективности, одинаково присущемъ какъ галлюцинаціямъ, такъ и первичнымъ чувственнымъ образамъ и притомъ въ одинаковой мѣрѣ какъ интенсивнымъ, такъ и слабымъ. Или имѣется на лицѣ этотъ характеръ объективности, или нѣтъ его; середины тутъ нѣтъ и не можетъ быть. Относительно тѣхъ галлюцинацій, которыя бываютъ вмѣстѣ съ нормальными дѣйствительными воспріятіями, и требуютъ для своего происхожденія

участія субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ, мнѣ кажется, и безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно, что галлюцинація или есть, или нѣтъ ея. Но я не допускаю и относительно чисто кортикальныхъ галлюцинацій никакихъ переходныхъ степеней (разумѣется, помимо степеней интенсивности) не только къ простымъ чувственнымъ образамъ, но и къ псевдогаллюцинаціямъ. Обыкновенное, равно какъ и псевдогаллюцинаторное чувственное представленіе или объективируется (если въ данный моментъ нѣтъ возможности сравненія его воспроизведеннаго X съ первичнымъ X дѣйствительныхъ воспріятій), или же оно не объективируется; въ первомъ случаѣ выйдетъ галлюцинація, во-второмъ—она не получится. Совершенно аналогично этому, мы, при стереоскопированіи безъ стереоскопа, или сливаемъ два различныя изображенія въ одно и получаемъ представленіе тѣлесности, или же не сливаемъ ихъ и тогда представленія тѣлесности не получаемъ. Какъ невозможно получить при этомъ полупредставленія тѣлесности, такъ точно невозможна и полугаллюцинація, въ которой субъективный чувственный образъ объективировался бы лишь на половину.

XI.

Привожу резюме, представляющее точный смыслъ этого этюда и главнѣйшіе изъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ я пришелъ.

I. Несмотря на количественное богатство литературы объ обманахъ чувствъ, ученіе о галлюцинаціяхъ еще далеко не закончено; теорія, всецѣло объемлющая дѣйствительные факты, по этому предмету до сихъ поръ еще никѣмъ не представлена.

II. Не только въ практикѣ, но и въ литературѣ до сихъ поръ весьма часто причисляютъ къ галлюцинаціямъ субъективныя явленія, въ дѣйствительности къ первымъ вовсе не принадлежащія.

III. Необходима установка точнаго понятія о галлюцинаціи. Галлюцинація есть, прежде всего, субъективное (безъобъектное) чувственное воспріятіе, и потому содержаніе ея всегда конкретно: абстрактныхъ галлюцинацій (какъ, напримѣръ, допускавшіяся Кальбаумомъ) не бываетъ. Однако, не всякое субъективное чувственное воспріятіе есть галлюцинація.

IV. У душевно-больныхъ должны быть различаемы (не только теоретически, но и практически) три рода субъективныхъ чувственныхъ воспріятій: a) простые, хотя бы по своей живости и чувственной опредѣленности сравнительно со среднею нормою чрезвычайно усиленные образы воспоминанія и фантазіи; b) собственно псевдогаллюцинаціи (псевдогаллюцинаціи — въ моемъ, а не въ Гагеновскомъ смыслѣ), и c) настоящія галлюцинаціи. При всѣхъ только что названныхъ трехъ родахъ субъективныхъ воспріятій — чувственные образы одинаково «проэцируются наружу» и одинаково соединены съ побочными представленіями двигательнаго характера.

V. Настоящею галлюцинаціею субъективное чувственное воспріятіе можетъ быть названо только въ тѣхъ случаяхъ, если чувственный образъ представляется въ воспріемлющемъ сознаніи съ тѣмъ же самымъ характеромъ объективной дѣйствительности, который при обыкновенныхъ условіяхъ принадлежитъ лишь воспріятіямъ реальныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Различій въ степени объективности между дѣйствительно-галлюцинаторными чувственными образами не существуетъ; на половину галлюцинировать нельзя — и въ данную минуту больной либо имѣетъ дѣйствительную галлюцинацію, либо не имѣетъ ея (а имѣетъ, напримѣръ, лишь псевдогаллюцинацію). Между не галлюцинаторными чувственными воспріятіями (образы воспоминанія и фантазіи, мои псевдогаллюцинаціи) и галлюцинаціями,— что касается характера объективности или дѣйствительности,— переходовъ не существуетъ.

VI. Будучи такими фактами сознанія, которые являются (для самого воспріемлющаго сознанія), либо совершенно равнозначущими съ имѣющими мѣсто рядомъ съ ними объективными чувственными воспріятіями, либо замѣняющими послѣднія, при ихъ прекращеніи (какъ при сновидѣніи и при сно-подобныхъ галлюцинаціяхъ),—галлюцинаціи вообще должны имѣть, по меньшей мѣрѣ, два различныхъ способа происхожденія.

VII. Существуютъ галлюцинаціи чисто кортикальнаго происхожденія (именно: сновидѣнія и галлюцинаторныя состоянія, аналогичныя сновидѣнію). Здѣсь галлюцинація можетъ получиться прямо изъ простаго чувственнаго образа воспоминанія (а тѣмъ болѣе — изъ псевдогаллюцинаціи), но для такой «объективизаціи» чувственнаго образа необходимо прекращеніе воспріятій внѣшнихъ впечатлѣній, другими словами, необходима извѣстная степень помраченія сознанія. При продолжающемся же воспріятіи внѣшнихъ впечатлѣній, т. е. при не помраченномъ сознаніи, — галлюцинаціи чисто кортикальнаго происхожденія (въ противность теоріи Ландуа и Тамбурини) невозможны.

VIII. Гризингеръ и Кальбаумъ въ нѣкоторомъ смыслѣ предупредили открытіе чувственныхъ центровъ мозговой коры. Эти авторы (а не Ландуа или Тамбурини) суть истинные творцы теоріи кортикальнаго происхожденія галлюцинацій (теоріи въ томъ смыслѣ, въ какомъ она до сихъ поръ формулировалась, по моему мнѣнію, невѣрной).

IX. При разстроенномъ (въ отношеніи воспріятія впечатлѣній изъ реальнаго внѣшняго міра) сознаніи, галлюцинаціи могутъ получиться (въ противность общепринятому воззрѣнію) не иначе, какъ при участіи субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ. Характеръ объективности или дѣйствительности придается нормальному объективному воспріятію, равно какъ и воспріятію истинно-галлюцинаторному, ничѣмъ инымъ, какъ именно участіемъ возбужденія субкортикальныхъ чувственныхъ центровъ.

X. Въ противность наиболѣе распространенному воззрѣнію, галлюцинація ни въ какомъ случаѣ не можетъ получиться изъ чувственнаго представленія (не только обыкновеннаго, но и псевдогаллюцинаторнаго) единственно лишь путемъ усиленія напряженности или интенсивности представленія. Съ другой стороны, высокая степень интенсивности вовсе не есть необходимое условіе для того, чтобы субъективное чувственное воспріятіе при наличности одного изъ моментовъ, указанныхъ въ пунктахъ VII и IX, стало галлюцинаціею.

XI. Что касается псевдогаллюцинацій, то въ томъ смыслѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ томъ объемѣ, какъ въ моей настоящей работѣ, онѣ не были еще никѣмъ описаны. Фантазмы Лудвига Мейера суть ничто иное, какъ истинныя галлюцинаціи, ошибочно этимъ авторомъ не считаемыя за таковыя. «Психическія галлюцинаціи» Бэлларже всего ближе подходятъ къ тому, что я называю псевдогаллюцинаціями, но Бэлларже, въ лучшемъ случаѣ, зналъ лишь однѣ слуховыя псевдогаллюцинаціи, при чемъ, однакожь, ошибочно лишалъ этого рода субъективныя воспріятія всякаго чувственнаго характера; кромѣ того, Бэлларже былъ далекъ отъ мысли дать своимъ «психическимъ

галлюцинаціямъ» то теоретическое значеніе, какое я придаю теперь псевдогаллюцинаціямъ. Гагенъ же, подъ названіемъ псевдогаллюцинацій, описалъ психопатологическія явленія, дѣйствительно не имѣющія никакого чувственнаго характера (и потому не совпадающія съ моими псевдогаллюцинаціями), но принадлежащія большею частію къ обманамъ воспоминанія.

XII. То, что я называю настоящими псевдогаллюнацинаціями, есть — весьма живыя и чувственно до крайности опредѣленныя субъективныя воспріятія, характеризующіяся всѣми чертами, свойственными галлюцинаціямъ, за исключеніемъ существеннаго для послѣднихъ характера объективной дѣйствительности; только въ силу отсутствія этого характера онѣ не суть галлюцинаціи. Псевдогаллюцинаціи возможны въ сферѣ каждаго изъ чувствъ, но для ознакомленія съ сущностью этого рода субъективныхъ психопатологическихъ фактовъ достаточно изучить псевдогаллюцинаціи зрѣнія и слуха.

XIII. Мои псевдогаллюцинаціи не суть простые, хотя-бы необычайно живые, образы воспоминанія и фантазіи; оставляя въ сторонѣ ихъ несравненно бо́льшую интенсивность (какъ признакъ несущественный), я нахожу, что онѣ отличаются отъ обыкновенныхъ воспроизведенныхъ чувственныхъ представленій нѣкоторыми весьма характерными чертами (какъ-то: рецептивное отношеніе (въ Фехнеровскомъ смыслѣ) къ нимъ сознанія; ихъ независимость отъ воли, ихъ навязчивость; высокая чувственная опредѣленность и законченность псевдогаллюцинаторныхъ образовъ; неизмѣнный или непрерывный характеръ чувственнаго образа при этого рода субъективныхъ явленіяхъ).

XIV. Бываютъ не только гипнагогическія галлюцинаціи, но и гипнагогическія псевдогаллюцинаціи.

XV. Независимо отъ моментовъ, приведенныхъ въ пунктахъ VII и IX, псевдогаллюцинація не можетъ превратиться въ галлюцинацію.

XVI. Въ чувственномъ бредѣ острыхъ больныхъ (въ особенности параноиковъ) обильныя, живо одна другую смѣняющіяся псевдогаллюцинаціи играютъ не менѣе важную роль, чѣмъ настоящія галлюцинаціи. Бываютъ, впрочемъ, и стабильныя псевдогаллюцинаціи (чаще при хроническихъ формахъ сумасшествія).

XVII. Псевдогаллюцинаціи являются лишнимъ доводомъ противъ ни къ чему ненужной антифизіологической теоріи центрифугальнаго распространенія возбужденія по центрипетальнымъ головно-мозговымъ путямъ.

XVIII. Псевдогаллюцинаціи имѣютъ мѣстомъ своего происхожденія чувственные центры мозговой коры и предполагаютъ собою или общее состояніе ненормально повышенной возбудимости этихъ центровъ, или даже существованіе въ послѣднихъ самостоятельнаго мѣстнаго раздраженія (автоматическое парціальное возбужденіе).

XIX. Не отрицая факта галлюцинаторныхъ воспоминаній (въ тѣсномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ «фантореміи» Кальбаума), я имѣю факты, относящіеся къ тому, что можетъ быть названо «псевдогаллюцинаторныя воспоминанія» (чаще—псевдовоспоминанія).

XX. «Внутреннее говореніе» самихъ больныхъ, какъ и вообще всѣ случаи насильственной иннервації центральнаго аппарата рѣчи, не принадлежитъ ни къ галлюцинаціямъ (Бэлларже), ни къ псевдогаллюцинаціямъ, и должно быть рѣзко отличаемо отъ «внутренняго (псевдогаллюцинаторнаго) слышанія» больныхъ. Простое (не образное) насильственное мышленіе, естественно, относится не къ области псевдогаллюцинацій, но къ области разстройствъ чисто интеллектуальныхъ.

Что касается до слуховыхъ галлюцинацій, которыя столь характеристичны для многихъ формъ пароной (въ особенности, для формъ хроническихъ), то происхожденіе этихъ галлюцинацій, не связанное съ моментомъ, упомянутымъ въ пунктѣ VII, требуетъ внимательнаго изученія относящихся сюда клиническихъ фактовъ. Этотъ вопросъ, допускающій не только клиническую, но и экспериментальную обработку, составляетъ предметъ моего слѣдующаго этюда. Впрочемъ, могу сказать впередъ, что этого рода слуховыя галлюцинаціи суть псевдогаллюцинаціи, превратившіяся въ настоящія галлюцинаціи черезъ вліяніе раздраженія (помимо, однако, центрифугальности) въ субкортикальномъ центрѣ слуха.

(Сдано въ Общество Психіатровъ, для напечатанія, 20 декабря 1886 г.).

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЪ.

Для большей наглядности взаимнаго различія тѣхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой работѣ, я попробовалъ изобразить ихъ графически на прилагаемыхъ при семъ таблицахъ. Весь механизмъ этихъ явленій можетъ быть сведенъ къ взаимодѣйствію 3—4 центровъ. Центры, находящіеся въ состояніи нормальной возбудимости, изображены на моихъ чертежахъ тонкими круговыми линіями; центры, находящіеся въ состояніи болѣзненно-усиленной возбудимости—кругами, начерченными толсто, и центры, дѣятельность которыхъ въ данное время понижена,—кругами пунктирными. Прямыя линіи, соединяющія круги, изображаютъ пути проведенія; при этомъ толсто начерченныя прямыя обозначаютъ тѣ пути, которые при данныхъ условіяхъ дѣйствуютъ особенно энергично; пунктирныя же прямыя соотвѣтствуютъ путямъ, остающимся безъ дѣйствія. Направленіе какъ кортикальнаго интрацентральнаго, такъ и субкортикальнаго (центральнаго) проведенія указано стрѣлками.

Во всѣхъ фигурахъ — *s* обозначаетъ субкортикальный чувственный центръ или центръ перцепціи, *b*—чувственный центръ мозговой коры или центръ апперцепціи, *a*—центръ абстрактнаго (безсознательнаго resp. полусознательнаго) представленія, *c*—двигательный кортикальный центръ рѣчи, и наконецъ *A* — центръ ясно сознательнаго мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ органъ преапперцепціи. Затушеванность центра *A* штрихами въ фиг. 1, 2, 5 и 6 показываетъ, что чувственный образъ въ этихъ случаяхъ имѣетъ, въ моментъ преапперцепціи воспріятія, характеръ объективности. Въ частности фигуры служатъ выраженіемъ слѣдующаго:

Фиг. 1. Простая или первичная галлюцинація (которая можетъ имѣть мѣсто одновременно и рядомъ съ объективными воспріятіями). Возбужденіе имѣетъ исходною точкою субкортикальный центръ *s*, возбудимость котораго въ данномъ случаѣ болѣзненно-усилена; въ силу закона центрипетальнаго (по отношенію къ корковымъ центрамъ) проведенія возбужденія въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ *b* (возбудимость котораго здѣсь

тоже повышена) возникаетъ чувственный образъ; послѣдній преапперципируясь въ центрѣ *A*, будетъ имѣть (въ силу того, что въ явленіи участвуетъ субкортикальный центръ *s*) въ сознаніи характеръ объективности.

Фиг. 2. Актъ объективнаго чувственнаго воспріятія. Внѣшнее впечатлѣніе, подѣйствовавъ на периферическій органъ чувства, перципируется въ субкортикальномъ чувственномъ центрѣ *s*, апперципируется въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ *b* и преапперципируется (разумѣется, съ характеромъ объективности) въ центрѣ *A*.

Фиг. 3. Псевдогаллюцинація въ собственномъ смыслѣ слова; (первый способъ). Въ состояніи возвышенной возбудимости находится кортикальный чувственный центръ *b*, въ которомъ, подъ вліяніемъ внутренняго (автоматическаго) раздраженія и возникаетъ весьма живой (псевдогаллюцинаторный) чувственный образъ, преапперципирующійся въ центрѣ *A*, однако безъ характера объективности, потому что воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній въ данномъ случаѣ не прекращено.

Фиг. 4. Актъ чувственнаго воспоминанія, гдѣ исходною точкою возбужденія служитъ центръ абстрактнаго (безсознательнаго, а равно и сознательнаго) представленія *a*. Вмѣсто того, чтобы прямо направиться къ органу преапперцепціи *A* (въ этомъ случаѣ получилось бы нечувственное, абстрактное или схематическое воспоминаніе), возбужденіе передается въ кортикальный чувственный центръ *b*, гдѣ возникаетъ субъективный чувственный образъ, преапперципирующійся, обычнымъ порядкомъ, въ центрѣ *A*.

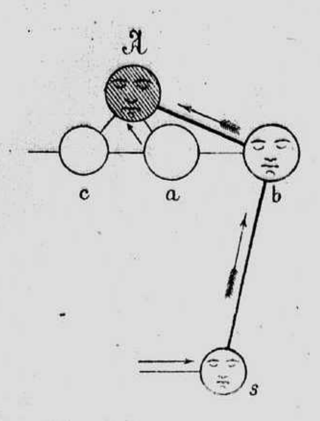
Фиг. 5. Сноподобная галлюцинація. Кортикальные центры *a* и *b* находятся въ состояніи болѣзненно-повышенной возбудимости; субкортикальный центръ *s* почти—или совсѣмъ бездѣйствуетъ; воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній центромъ *b* почти—или совсѣмъ прекращено. Исходною точкою процесса является безсознательное (иногда однако и сознательное) представленіе, родившееся въ центрѣ *a*; оно вызываетъ въ кортикальномъ чувственномъ центрѣ *b*, возбудимость котораго тоже болѣзненно усилена, живую чувственную картину; послѣдняя въ органѣ преапперцепціи *A* (дѣятельность его противъ нормы понижена, такъ что возможна лишь пассивная преапперцепція), вслѣдствіе невозможности сравненія ея репродуцированной объективности съ дѣйствительною объективностью непосредственныхъ воспріятій, получаетъ для сознанія значеніе, равное съ значеніемъ замѣняемыхъ здѣсь ею дѣйствительныхъ воспріятій.

Фиг. 6. Сновидѣніе. Субкортикальные центры почти совсѣмъ бездѣйствуютъ, воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній почти совсѣмъ прекращено (то, что урывками еще доходитъ до кортикальнаго центра *b*, метаморфозируется здѣсь, ассимилируясь съ субъективно-возникшими образами сновидѣнія, и такимъ образомъ утрачиваетъ свой характеръ объективности). Точкою исхода для возбужденія здѣсь служитъ если не прямо центръ *b*, то центръ абстрактнаго (сознательнаго или полусознательнаго) мышленія *a*, вслѣдствіе чего въ центрѣ *b* возникаетъ чувственная картина; послѣдняя преапперци-

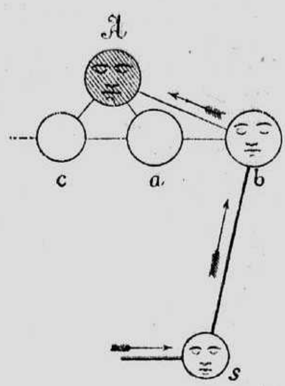
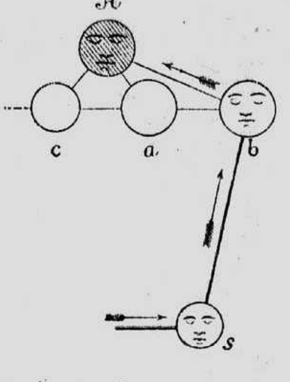
пируется въ центрѣ *A*, дѣятельность котораго стоитъ ниже нормы (пассивная преапперцепція) и вслѣдствіе отсутствія въ сознаніи дѣйствительной объективности непосредственныхъ воспріятій, своею репродуцированною объективностью замѣняетъ первую.

Фиг. 7. **Псевдогаллюцинація въ собственномъ смыслѣ слова** (второй способъ, соотвѣтственный акту чувственнаго воспоминанія на фиг. 4). Кортикальные центры *a* и *b* находятся въ состояніи болѣзненно-усиленной возбудимости. Безсознательная (иногда, впрочемъ, и сознательная) абстрактная идея вызываетъ въ возбужденномъ центрѣ *b* болѣе или менѣе соотвѣтственное и весьма живое (псевдогаллюцинаторное) чувственное представленіе, которое и преапперципируется въ центрѣ *A* (однако безъ характера объективности, потому что воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній въ данномъ случаѣ не прекращено).

Фиг. 8. **Насильственное говореніе** (дѣйствительное и внутреннее). Въ состояніи болѣзненнаго раздраженія находятся двигательный кортикальный центръ рѣчи *c* и центръ абстрактнаго представленія *a*. Исходною точкою дѣйствительнаго возбужденія здѣсь служитъ центръ абстрактнаго представленія *a* (второй способъ); вмѣсто того, чтобы, какъ на фиг. 7, передаться кортикальному чувственному центру *b*, это возбужденіе рефлектируется на двигательный кортикальный центръ *c*, въ результатѣ чего получается или дѣйствительное непроизвольное говореніе, или лишь насильственный импульсъ къ говоренію (внутреннее говореніе вслѣдствіе насильственной иннерваціи органа рѣчи). При первомъ способѣ исходною точкою процесса является прямо двигательный кортикальный центръ *c*, автоматически приходящій въ дѣйствіе.

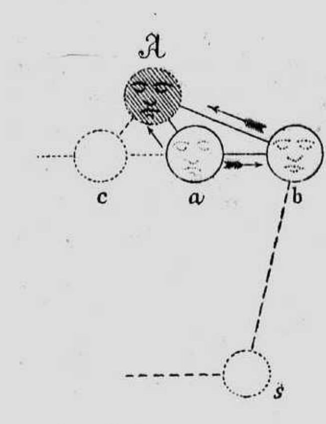

1. Простая или первичная галлюцинація.

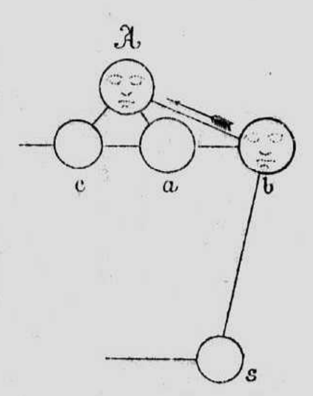

2. Актъ объект. чувств. воспріятія.

5. Сноподобная галлюцинація.

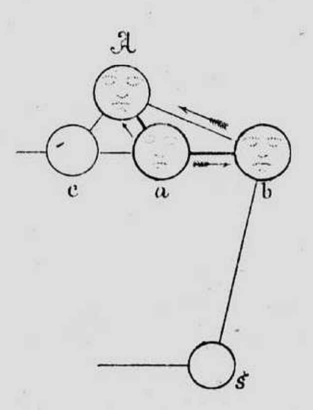

6. Сновидѣніе.

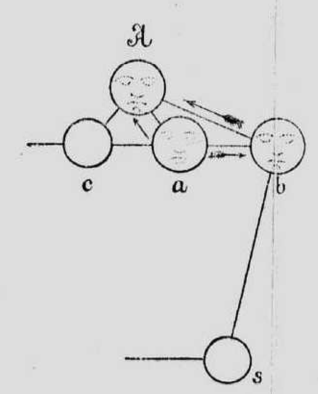

3. Псевдогалл. въ собств. смыслѣ слова.

(Первый способъ).

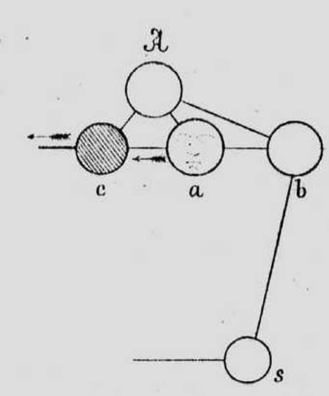

4. Актъ чувственнаго воспомннанія.

7. Псевдогалл. въ собств. смыслѣ слова.

(Второй способъ).

8. Насильственное говореніе.

Въ складѣ книжнаго магазина А. А. Ланга.

Москва, Кузнецкій мостъ, 15.

Можно имѣть слѣдующія книги:

Проф. Вильг. ВУНДТА: Основанія физіологической психологіи. Перев. и дополн. Викторъ Кандинскій. 1880—1881. 2 Т. Ц. 6 р. 50 к.

Проф. Т. МЕЙНЕРТА: Механика душевной дѣятельности. Перевелъ Викторъ Кандинскій. 1880. Ц. 40.

ВИКТОРА КАНДИНСКАГО:

Общепонятные психологическіе этюды.

I. Очеркъ прежнихъ и современныхъ воззрѣній на психическую жизнь человѣка и животныхъ.

II. Нервнопсихическій контагій и душевныя эпидеміи. 1881. Ц. 1 р. 75 к.

Современный монизмъ. Популярно-философскій этюдъ. Харьковъ. 1882 Ц. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ складъ книжнаго магазина А. А. Ланга:

ВИКТОРА КАНДИНСКАГО:

Къ вопросу о невмѣняемости.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 лин., 7.